

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА**

**ХVIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983—1985**

ЧАСТЬ II

МОСКВА 1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Н.В.Елисева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).**

Анвар Кадир Мухамед

СТИХИ ЖЕНЕ -
ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ КУРДСКОГО ПОЭТА
МАУЛАВИ (1806-1882)

Маулави, крупнейший поэт, писавший на диалекте горани, смело вышел за круг лирических тем, традиционных для курдской классики. Он первым внес в курдскую поэзию тему любви к жене.

Маулави посвятил жене - Анбар-хатун - II стихотворений (общей сложностью 86 бейтов), 10 из которых вошли в его диван.^I

Сведений об Анбар-хатун мало. Известно только, что она афганка: семья ее пришла из Афганистана и осела на родине Маулави - в области Халабджа в Иракском Курдистане. Анбар-хатун принадлежала к крупному духовному роду. Ее родители отказали многим сватавшимся к дочери женихам, остановив свой выбор на Маулави. Из стихов Маулави, посвященных жене, встает вся история его любви. Глубокое чувство к Анбар-хатун прошло через всю жизнь поэта.

Два первых стихотворения - это пора счастливой любви. Эпизоду первой встречи с молодой девушкой посвящен дубейт, окрашенный светлым чувством зарождающейся любви:

هالۆ خالۆتەن كەم وایم خالۆ خالۆ دەم وە بان خالۆنتە مائۆ
شەرت بۆ من مە داخ خالۆ خالۆتۆ وێم كە روو وە كۆز چوارده جالۆت نۆ

Ты назвала меня "дядя"... Не называй меня так!

Ах, коснуться бы мне губами твоих прелестных родинок!

Ты говоришь мне "дядя" -

Клянусь, я превращусь от досады в юношу четырнадцати лет!

/Д- 202/

Фард - двустипшие, которым поэт запечатлел развитие чувства:

تا وە زولفە مە رووی تۆتە ما شەوان ئە دە ئەمای فەرزە صبح دە عیشەوان

Пока вижу лицо твое [светлое как утро] и кудри [темные как
ночь],

Я словно творю намаз с зари до поздней ночи.

/Д - 137/

Остальные девять стихотворений - один фард и восемь газелей - элегии на смерть жены. Смерть Анбар-хатун была одной из самых тя-

жельх утрат, понесенных Маулави в жизни: почти треть из написанных им траурных элегий (9 из 28) оплакивают кончину жены.

Момент смерти Анбар-хатун запечатлен в фарде. Стихи лаконичны как горестное восклицание:

قازان قه تاران توله جان همراي هم زين با نذکات شو وه ته نيای

Казаны [с водой для омовения] стоят в ряд, кирка [роющая могилу], мелькает в воздухе...

О, горе! Твой нежный стан теперь по ночам пребывает в одиночестве!²

Вскоре после погребения написаны две газели - плач по покинувшему поэта другу. Газели "Ранняя весна этого года" (в 7 бейтов) и "О душа моя, опьяненная вином любви" (в 26 бейтов), сходны по логической структуре, по развитию лирического настроения. В них различаются две тематические части. Начальные строки обеих газелей - безысходная тоска. Чувство скорби у свежей могилы поражает реалистичностью красок и силой эмоционального воздействия:

دلای دل وه مهی سایی له یلا کلیل مع حرم وه پازان هم لوت خانای لیل
لانه هلقه ی زولفت عنبر روی شو روه گ هام ده م جای ته گنگ هم گه درای هم گنگ
په روانی مزار شو نوات واجسته ته رهبری حالتی په شیوی، چه ستمه

О душа моя, опьяненная вином любви к Лейли,
Ты познала тайны, скрытые в ее могиле.
Ты, свившая себе гнездо в черных благоуханных кудрях
любимой,
Неразлучна с ней в ее каменном пристанище.
Подобно мотыльку, ты кружишь над могилой моей желанной,
Как весть о моем горе.

/Д - 205/

يُمسَال نه وه هار چون خزان هررد بررگت وه در باغ (معدوم) بهر دپی هررد
مشیو تالای من خیلان شه گنگتر بنو وه رنه، کسه، کی دی، وه هارگوون پز بنو؟

Ранняя весна этого года похожа на холодную осень,
Уносит в горы лепестки роз из сада Ма'дума.³
Должно быть, счастье мое в чем-то провинилось,
Иначе - кто и когда видел? - чтобы весной цветы осыпались.

/Д - 45, 46/

Вторая часть - как в первой, так и во второй газели - стремление найти жизненную опору в сознании непреложности извечного закона человеческого существования. "О, Ма'дум, - говорит, обра-

щаясь к себе, поэт, - смерть приходит и смывает своей волной /гранно/ и мудреца и невежду... Зачем же ты сковал ноги цепью горя? Пристало ли разумному терять рассудок?" /Д - 209/.

Элегии на смерть жены поэт пишет и в последующие годы. Траурная тема продолжается и развивается. В стихах нет однообразия, в них широкий спектр чувств и раздумий. Одно из лучших стихотворений - овеянная глубокой печалью газель "O, как жестока боль разлуки с тобой!":

توی دهر وون وه خار نیستی و تبر پریشانه	دووریت دیا رهن چه نند صایب پریشانه
دل وه له تیتیه م. سره ندا کیسه ن	له برچی بودینون شیوهی تو پریشانه
هونه صیلان شیوهی تیریزی توچی شیوه ن	له رما صانه نو بر حاله م شیوه ن
سه و زولفت و پتو پروت موزون و بیارم	نه شه و پراهم - نیرؤ دلا دم
سه پیرشان نازار بنایه چه مه ن	شما دونه رسی وه ندرسه می چه ن
شه دیدی مه ستت - نید خال نا آت	ناد مارؤ به ویرتم نه که بی آت

ساقمیا جاما دوسی نینش طارنه	مطربه م تمامت دوردم ناچاره ن

O, как жестока боль разлуки с тобой!
 Сердце исколото шипами страданий.
 Куда ни гляну - вижу одно - тебя,
 Сердце, как волочильная доска, наматывает на себя скорбь и боль.

Взойдет на небе молодой месяц - в душе смятенье,
 Он - как изгиб твоих бровей.
 Нет покоя ночной порой, нет отдохновения днем -
 Ночь вызывает в памяти твои кудри, день - твое лицо.
 Самшит, нарциссы, луговая фиалка - что ни увижу,
 Самшит напоминает твой стан, нарциссы - твои темные глаза,
 фиалки - твои пленительные родинки.
 ... Так пой, певец, - боль неисцелима,
 Дай чашу вина, виночерпий, любимая ждет меня!

/Д - 234-236/

Элегии Маулави на смерть жены следует отнести к категории философской лирики. В строках этих стихов - стремление поэта проникнуть силой разума за черту земного существования, осмыслить пределы жизни и таинство смерти, принять predeterminedность веч-

ных разлук с любимыми. Поэт выражает традиционные для курдской классической поэзии идеи суфийского пантеистического мировоззрения, в котором любимая – бог, а бог растворен в природе, тождествен ей. Мы находим в этом цикле стихов Маулави технические термины суфийской лирики: *صوتاج* (мелодия), *طرب* (певец), *ساته* (виночерпий), *جام* (чаша), *جیلوه* (эманация), *مهال* (божественная красота), *کرمان* (совершенствование).

Под пером большого художника эти господствовавшие в его время суфийские представления воплощаются в образах живых, по существу глубоко реалистичных. Поэт воспринимает жизнь в движении, в бесконечных сменах ее материальных проявлений, в их гибели и возрождении. Главная мысль этих траурных философских элегий: земная смерть не означает полного исчезновения, образ возлюбленной – ее красота во множестве эманаций (джильво) – нетленна, широко разлита в природе, она – перед глазами любящего:

ئای پی جیلوهی دۆسی نیجاویرت فییه تا
 ئارۆیه ک جیلوه شی ها نه رودی لاردا

Эманациям любимой нет предела.
 Сегодня существует одна эманация, завтра другая.

/Д - 209/

Вот строки из газели "Твоя смерть, как буря горя, в моем сердце":

ئو با لاه صیره و خان و زولف لیل
 تو می سر و گوئل و دت و ش و سو نیول
 شاناخی با خندان نه مهل و نه توئی گل
 تادیاه نر قه یسی و نه سودارا بو
 نه کام و نه صارا چه نه نه نارا بو

... Стан, лицо, родинки и кудри Лейлы,
 Как семена кипариса, роз, фиалок и базилика.
 Садовник смерти берегает их в земле,
 Дабы – было бы у Кайса терпение, –
 Он дождался, что однажды, в одну из весен
 Все возрастит он и украсит землю.

/Д - 387-389/

Художественные образы в этом лирическом цикле не традиционны, конкретно-реалистичны.

Например:

خیل خانای مه نه ت یه ندر ناما و شیه ن
 و نه صه مخمی دلد استوها و ساو فیه ن
 هیچ نه ندر نه بو پای به لای پیوه

یا نه : ئیسم دیره‌ی دل دیزانه‌ی ویت
نه بیخ ناوداره ئینو له نیت

Караван печали так много ходил по /Горным тропам/ моего
сердца,

Что они стерлись и превратились в камень.

Ноги горя уже не в силах удержаться на них...

/Д - 388/

Или:

Ныне глаза моего сердца, любящего тебя без предела,

Ищут тебя в глубине моих слез...

/Д - 56/

Стихи чрезвычайно мелодичны, отмечены особой звуковой организацией. Вот пример: в приведенном выше четверостишии "Ты сказал мне..." /Д - 202/ корень х а л встречается семь раз, создавая высокоценную в курдской поэзии "игру звуков". Сонорные звуки в цитированной газели "О моя душа, опьяненная вином любви" /Д - 205/ создают изящную, ласкающую мелодию:

Дылай дыл ва май мэйли Лэйле кэйль

Махрам ва разан халветханей Лэйль

Этим лирическим циклом Маулави ввел в курдскую поэзию высокий образ любви – не абстрактный образ кумира, традиционный для классической поэзии, а живой образ реальной женщины, жены. Имя Анбар-хатун вошло в курдскую литературу эталоном верности в любви. Современные курдские поэты Фархад Шакали, автор этих строк, Хама Саид, Мухамед Хама Баки и другие видят в этой воспетой Маулави любви национальный символ безраздельной преданности родине, своему народу.

ملا عبد الكريم موده پيس . ديواني مولودي . بغداد ، ١٩٦١ .

1. Мулла-Абдуль Карим Мударрис. Диван Маулави. Багдад, 1961.
عبدالکریم مودعی . دیوانی کوردی . بغداد ، ١٩٦١ .
2. Аладин Саджади. История курдской литературы. Багдад, 1971, с. 299.
3. Ма'дум – Несуществующий, литературное имя поэта Маулави.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАХА СХВЕЯ

Прозаики Бирмы начала XX столетия – Джеймс Хла Джо, У Чжи, У Лат и другие – при создании национальных романов обратились к опыту зрелого европейского романтизма – Дюма, Байрона, Вальтер-Скотта, Бульвер-Литтона. Первыми романтическими героями современной прозы стали Маун Йин Маун, герой романа Дж.Хла Джо "Маун Йин Маун и Ма Ме Ма", и Маун Хмайн из романа У Чжи "Маун Хмайн – торговец розеллой". Влияние активного романтизма Дюма отчетливо сказалось на образе главного персонажа романа Дж.Хла Джо. Тип романа и сюжета, равно как и некоторые детали фабулы первой части романа "Маун Хмайн – торговец розеллой", У Чжи " заимствовал у западной литературы – Байрон, предположительно Казанова, Боккаччо, Дефо, Нодье" /I, 175/.

При встрече с литературой Запада, такой захватывающей и необычной для читателя Бирмы, национальная романтическая струя, шедшая еще от писателей XVIII в. Падейтаязы и Швейдаун Тихату, в новых исторических условиях получила неожиданный толчок. Но сочинения бирманских авторов в проекции на опыт общемирового романа находятся на более ранней ступени развития, что объясняется хотя бы тем, что оба названных произведения – первые национальные романы.

Основной чертой, характеризующей романтическое направление, стала в первой половине XX столетия идеализация прошлого. В представлении Такин Кодо Хмайна и других писателей нация отождествлялась с Паганской империей, то есть с периодом XI–XIII веков. Их идеал – восстановление в Бирме истинно буддийских традиций. Несомненно, что в условиях, когда страна являлась одной из провинций Британской Индии, воспоминания о "золотом периоде" истории, когда Бирма была могущественным и независимым государством, – подобная идеализация прошлого носила положительный характер.

В 30-е годы, когда национально-освободительное движение находилось на подъеме, начал распространяться марксизм, появились литературы, мысль которых была устремлена в будущее. Они стали создавать образы героев, чьи положительные идеалы сводились к требованию независимости Бирмы, к борьбе с колонизаторами.

В ряду таких писателей, прежде всего, следует назвать Маха Схвея (1900–1953), автора около 60 романов и нескольких сотен рассказов. В условиях Бирмы сама мысль о мятеже против действительности, "против всякого гнета ее", по выражению А.М.Горького,

стала возможна только тогда, когда стало ясно, что народ не может и не должен далее быть рабом англичан, что нужно пересоздавать жизнь по какому-то идеалу, что жить при колониализме невмозможно. Постепенно в литературе 30-х годов рождаются герои романтического склада, которые не приемлют окружающего мира и решают многие современные проблемы в соответствии с политическими взглядами своих авторов (а эти взгляды, по меткому выражению критика Мин Лата, зачастую представляли "идеологический винегрет").

Наиболее часто такой герой встречается на страницах романов Маха Схвея: "Наша Мать", "Девушка с рынка Зейчхоу", "Вор", "Повстанец", "Обитель восстания" и других.

Аллегорический характер романа "Наша Мать" ("Доу Мей Мей"), 1934-35, не вызывает сомнений. Аллегоризм как свойство художественного мышления, вообще говоря, был характерен для многих литератур Востока и Запада. Однако аллегория как чисто художественный прием - явление сравнительно позднее, получившее обоснование в эстетике романтизма. Романтики часто применяли аллегория для пропаганды освободительных идей.

Маха Схвей отлично пользовался "эзоповым языком" аллегории (подобно писателям Индии Бонкимчондре Чоттопадхае, Ходже Ахмаду Аббасу, Премчанду) в бурные 30-е годы.

Сначала о сюжете романа. Двум жадным людям хотелось присвоить богатства, которыми владели У Бо и его семья. Одному из них по имени У Йин удалось отравить главу семейства. Он взял в жены его вдову, хотя женщина противилась этому. Когда пятеро ее сыновей выросли, она рассказала, что состояние семьи прибрал к рукам У Йин. Отчиму удалось добиться раскола между сыновьями. Младший Маун Мью Нюн вызывал в нем особую неприязнь своими поездками по землям, когда-то принадлежавшим его отцу. Там происходили волнения в связи с тем, что при У Бо трудящимся жилось лучше, чем при новом владельце. У Йин пытался несколько раз убить юношу, но тот вновь отправлялся в нефтяные районы, агитируя рабочих объединиться в борьбе против отчима. Последнему ничего не оставалось делать, как возвратиться незаконно отобранные у семьи богатства, доставшиеся ей от далеких предков /2, 98-105/.

Иносказание здесь таково: глава семьи соответствует последнему правителю Бирмы Тибо (1878-1885), низложенному англичанами. Имя персонажа У Бо созвучно трагическому имени Тибо. Бирма олицетворена в образе страдающей Шин Ма Ма. Клеветник и бесчестный человек, не останавливающийся ни перед какой подлостью для достижения своей цели, вновьявленный муж и отчим - так персонифицирован британский

колониализм. Его имя - У Йин, господин Йин. По-бирмански "англичанин - "йингалей". Другой человек, которому также хотелось получить свой "кусочек пирога" - У Ти. Здесь имеется в виду Франция (Англия и Франция соперничали между собой в борьбе за Бирму). "Франция" по-бирмански "пъинти", так что и тут иносказание читается довольно просто. Первая жена У Йина, которая проживает на центральной улице столицы - Индия. Сыновья Шин Ма Ма, спокойно воспринявшие происшедшую драму, это те руководители мелких политических группировок, которые, принимая подачки от колонизаторов, трусливо помалкивают, занимаясь ссорами и грызней.

Что касается Маун Мью Ньюна, получившего в отличие от братьев современное образование, решительного и смелого челогека, то он олицетворяет молодое поколение, готовое на борьбу и лишения ради высокой цели - возврата Матери-Родине богатств, незаконно захваченных колонизаторами. Юноша ездит по стране, сам изготавливает ручные гранаты, подкладывает их во вражеские машины, агитирует рабочих и пр. Один из критиков отметил, что "неистовые поступки Маун Мью Ньюна могут быть истолкованы как революционные" /4, 173/.

Идейные и художественные особенности творчества Маха Схвея наиболее полно проявились в романе "Девушка с рынка Зейчхоу" ("Зейчхоу ту"), 30-е годы. Любовно-авантюрная линия организует сюжет, но ею не исчерпывается богатое содержание произведения. В отличие от многих современников Маха Схвей насыщает роман социально-политической проблематикой, которая сказывается и в трактовке главных героев, и во второстепенных сюжетных линиях, в отдельных деталях и ситуациях/3/.

Авторский идеал борца с наибольшей выразительностью воплощен в образе У Чхо, отца героини, человека, любящего родную землю, уверенного в необходимости революции. Правда, и герой, и автор имеют достаточно смутное представление о том, какой эта революция должна быть. Он богат, раздает состояние бедным. Нуждаясь в средствах для продолжения своей филантропической деятельности, он вместе с единомышленниками забирается в дом купца-пособника англичан. Забрав деньги и вещи, они раздадут "конфискованное" имущество беднякам.

У Чхо являет собой новый тип героя, который знает "одну, но пламенную страсть" и борется ради высокой цели - освобождения родины, считая себя спасителем народа. Новый тип людей был выдвинут самой бирманской действительностью 20-30-х годов. Впервые воплощенный в литературе Маха Схвеем деятель этого типа в конкретных исторических условиях тех лет обрел характерную романтическую окраску.

Можно с уверенностью сказать, что с Маха Схвеем в литературе

Бирмы окончательно формируется романтизм как тип художественного мышления и как метод отражения действительности. Система образов строится Маха Схвеем по романтическому принципу контраста. У Чхо, воплотившему представления писателя об идеале бескорыстного борца-патриота, противопоставлен скряга-компрадор. Патриоту и возвышенно-добродетельному герою Э Мауну противостоит бесчестный Ба Соу и т.д. Писателя интересует положительная программа, а именно поиски путей борьбы за национальное освобождение, поэтому он отдает предпочтение прямой идеализации. Возвышенно-идеализированные персонажи обрисованы во всех подробностях (в пределах возможностей, открываемых самим романтическим методом), отрицательные же охарактеризованы бегло и неполно.

Незнание научных путей борьбы, идейно-теоретическая путаница во взглядах Маха Схвея, идеализм обусловили приемлемость для писателя программы индивидуального террора. В его художественном творчестве это привело к возвеличиванию борцов-одиночек, героев романтического толка, возвышающихся над "толпой", но желающих добра своему народу.

Внутренний мир героев, средних буржуа, раскрывается Маха Схвеем в системе исключительных обстоятельств. "Девушка с рынка Зейчхоу", как и другие произведения писателя, содержит в себе, пожалуй, полный набор классических принадлежностей романтического сюжетосложения: возвышенная любовь и земная страсть, долг, жертва и самопожертвование, патриоты-террористы, благородные грабители в масках, мнимое самоубийство, фальшивомонетчики-филантропы, злодей-убийца, одетый в черное и т.п.

Нельзя не отметить, что для изображения романтических характеров и коллизий Маха Схвей вырабатывает особый стиль, где традиционные стилиевые средства сочетаются с индивидуальным языковым экспериментом писателя.

Все это позволяет считать Маха Схвея наиболее ярким представителем романтического направления в бирманской литературе.

-
1. Е.А.Западова. И в Бирме был Дон-Жуан... - Литература Востока. М., 1969.
 2. Маликха. Мьянма ватху ахнюн. (Указатель бирманской прозы). Т. 2. Рангун, 1970.
 3. Маха Схвей. Зейчхоу ту. (Девушка с рынка Зейчхоу). Изд. 3-е Рангун, 1960.
 4. Minn Latt. Growing the Smog-Moving under Gaslights, Mainstreams in Burmese Literature. - "New Orient Bimonthly". 1961, N 6.

О ПОСТРОЕНИИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА (сигнальная функция изобразительных и композиционных приемов)

1. Комплекс вопросов, связанных с техникой сложения эпического текста, к настоящему времени достаточно изучен в отечественном и зарубежном эпосоведении. Менее подверглись специальному исследованию те аспекты создания и восприятия сформировавшегося в длительной традиции эпической импровизации устно-поэтического произведения, которые связывают в едином процессе сотворчества поэта-сказителя и ту аудиторию, к которой обращено его повествование. Однако, признанные в мировой науке результаты всего проделанного в области изучения "Махабхараты" (далее - Мбх.¹) за последние десятилетия, особенно в нашей стране (работы П.А.Гринцера и Я.В.Василькова), делают возможными попытки реконструкции отдельных специфических черт древнеиндийской системы построения эпического текста.

Данная статья никоим образом не претендует на более или менее исчерпывающую постановку специального вопроса о сущности единого механизма создания-восприятия эпического памятника, представляя собой лишь краткие выводы из наблюдений над некоторыми сторонами композиционного строения индийского эпоса. В качестве основного поля обзора избран пограничный, т.е. приходящийся на рубеж третьей книги Мбх. - "Араньякапарвы" ("Лесной", далее - Ап.) и четвертой - "Виратапарвы" ("Книги о Вирате", далее - Вп.) участок повествования.

2. Несколько предварительных замечаний. 1) Любой поэтический прием имеет в известном смысле "сигнальную" функцию, поскольку призван механически возродить в "эпической памяти", практически общей для сказителя и его аудитории, необходимый для восприятия наррации слой идейно-эмоциональных ассоциаций, которые выработаны в длительной, почти тысячелетней традиции бытования устно-поэтического текста. Однако, роль сигнала, которая может быть присуща не только средствам изобразительности, но и, что особенно важно для текстовой композиции, отдельным мотивам, темам и даже самой структуре построения эпизода, особенно наглядна и ощутима, когда эти составляющие элементы поэтики традиционного эпического текста выявляются в пограничном положении. Различие между обычным функционированием названных элементов художественной системы памятника и их ролью в пограничной позиции намечается по линии большей или меньшей определенности исходящего от них "настраи-

ющего сигнала", который, главным образом, эмоционально предвещает последующее изложение (изобразительные приемы) или же предопределяет общее направление содержательной и формальной разработки дальнейшего (композиционные средства).

2) Всякий эпитет или сравнение, основные средства художественной типизации в древнеиндийском эпосе, при первом упоминании лица, предмета или явления, с которыми они соотносятся, а, точнее, при таком, которое достаточно отдалено от предыдущего, являются по своему положению в эпическом тексте пограничными: хотя с их появления в столь определенном месте повествования не начинается новый этап формирования образа, однако с их помощью высветливается нужная в эстетических целях отдельная его грань или их существенная совокупность (цепочки эпитетов и сравнений). Из обширного традиционного фонда определительных и компаративных построений (т.е. эпитетов, сравнений и метафор) память сказителя избирает именно те, по большей части формульные, средства выразительности, которые в момент очередного ввода в изложение объектов, носителей подчеркиваемых признаков, не только подновляют в памяти слушательской аудитории устойчивую канву образа, самые основные его параметры, но и некоторым образом настраивают на восприятие последующего повествования в нужном эмоциональном ключе.²

3) Для построения содержательно и формально завершенного эпического фрагмента (как, — по-видимому, всякой развернутой наррации, имеющей коммуникативную функцию) достаточно характерно выделение особо значимых смыслов на позиции своего рода полюсов — в начало и конец изложения. Уже поэтому пограничные участки внутренне целостных частей текста, как правило, весьма существенны как с точки зрения содержания этих фрагментов, так и их функционального назначения (т.е. цели изложенного, его глубинного смысла, определенной эмоции, к которой оно апеллирует, полагающегося блага за слушание и т.д.). Часто в пределах именно этих двух "полюсов" — конца предыдущего и начала следующего завершенных фрагментов происходит своеобразное "качание" мысли³ эпического поэта, в основе которой лежит с трудом иногда поддающаяся выявлению ассоциация, как бы "сцепляющая" композиционные разделы текста в слитную последовательность повествования.

4) Словом "книга" традиционно (и не вполне точно) передается термин "парван", обозначающий как крупные ("книги"), так и более мелкие ("сказания") композиционные разделы памятника. Рядом исследователей (Ф.Д.К.Босх, А.Хильтебейтель) отмечен временной смысл понятия — "рубежный период", "узловой момент"; в таком понимании

эпической "книги" учтена особая значимость начального и конечного звена ее композиции.

3. В завершающем эпизоде Ап. (гл. 295–299), пандавам является бог Дхарма, дарующий им после испытания необходимую, согласно их обету, неузнанность в течение последнего, тринадцатого года изгнания, который им суждено прожить при дворе царя матсьев Вираты (чему и посвящена Вп.). Ее начальные события (Вп., гл. I–5) связаны с обсуждением героями будущих занятий (Юдхитхира, проигравший "царскую" игру в кости, из-за чего пандавы и оказались в изгнании, объявляет себя придворным игроком Вираты, Бхимасена – поваром и борцом, Арджуна – учителем танцев и евнухом гарема и т.д.), а также выбором новых имен; вторую, тайную систему кшатрийских именований (производных от слова "джая" – "победа") устанавливает старший из братьев-изгнанников царь Юдхитхира. Действие начала Вп. представлено так же, как и в большей части Ап., перемещениями героев по лесному пространству и типичными для Мбх. беседами двойного рода: героев между собой и царского жреца Дхаумьи с Юдхитхирой. Собственно событийная часть Вп. начинается с того, что пандавы, чтобы не быть узанными по своему оружию, прячут его в ветвях дерева на подступах к столице Вираты.

4. Многочисленные беседы и диалоги действующих лиц Мбх., которая как целое представлена гигантским диалогом с крайне неравными партиями сторон – суты-повествователя и царя-слушателя, принадлежат к числу весьма распространенных эпических тем. Диалог Дхармы, принявшего обличье якши, во владения которого неожиданно попадают герои, с Юдхитхирой по своим характеристикам восходит, согласно Ф.Б.И.Кейперу, к традиции архаического новогоднего "агонистического" праздника⁴. Его испытательная форма – загадывание и отгадывание, ставкой которого является жизнь четырех героев, с одной стороны, и форма наставительной беседы Дхаумьи с царем – с другой по всем остальным параметрам (хтонизм/антропоморфность облика "сакральной" стороны, спонтанность/закономерность словесного контакта и т.п.) так же различны, как и в отношении возможного этнографического "прототипа" (потлач или посвящение), цели и результата. Общей для конца Вп. является, таким образом, не структура, а сам факт коммуникации царя с лицом "сакрального" плана (богом, жрецом), а, главное, социально-этическая тематика бесед, оттеняющих универсальность действия закона дхармы в семейно-родовой сфере. Можно предположить, что именно таким путем сущностный характер "идеи Дхармы", персонифицированной абстракции, в определенной мере структурирует содержание конечного и начального сюже-

тных звеньев смежных книг эпопеи.

Отметим, что необходимость идентификации Юдхиштхирой бога Дхармы, т.е. раскрытия его истинного облика, которое осуществляется через самоотжествление божества (Ап., гл. 298), в известной степени направляет развитие сюжета Вп. – от "чужой" личности пандавов, якобы-слуг, до разгадывания её царским окружением Вираты и самоотжествления себя и своих братьев героем Арджуной (Вп., гл.39).

Тетрада пандавов фигурирует в рубежных событиях Ап. и Вп. как $I + 4$: Дхарма умерщвляет четырех братьев, кроме Юдхиштхиры; беседа Дхаумьи с ним в Вп., равно как и сюжет о влезании Накулы на дерево, где он прячет оружие пандавов (ср. то же самое его действие в конце Ап., но осуществляемое с иной целью – поисков воды, чтобы утолить жажду)⁵, как бы изолируют остальных четырех героев. Сравнение четырех умерщвленных пандавов с четверкой локапалов, божеств створон света, низринувшихся с небес в конце мирового периода (Ап., 297.1), может быть учтено в свете мифолого-космологической символики числового комплекса $I + 4$ – центр и основные стороны горизонта, при том, что "космографичен" весь комплекс общих для пограничных сюжетов реалий – лес (с выделенностью одного дерева), вода и горы.

5. 1) Фольклорный мотив поединка отца с сыном (Дхарма, согласно "небесной" родословной, отец Юдхиштхиры) низведен, как это обычно для Мбх., на словесный уровень (ср. аналогичный по форме, цели и результату "агонистический" диалог того же Юдхиштхиры с одним из родоначальников династии Нахушей – Ап., гл. 177, 178) и слабо воспроизводится в Вп. как основание цельной композиционной конструкции, разве что тоже в словесном противостоянии царевича Уттары своему отцу Вирате (Вп., гл. 64). Однако, тонкая нить ассоциаций родства Дхармы с Юдхиштхирой все же тянется из Ап. в Вп.: Юдхиштхира принимает новое имя Канка ("журавль"⁶). В контексте развития темы превращений, иными словами, оборотничества (пандавы в Вп., не меняя обличья, оказываются неузнаваемыми; Дхарма проходит ранее, в Ап., целую цепочку превращений: олень, уносящий на своих рогах дощечки для возжигания жертвенного огня, журавль у воды, в поисках которой пандавы забрели в лесную чащу, и, наконец исполин-якша) такое именование эпического персонажа можно рассматривать в связи с тотемным мифом.

2) Связь мотива масочности, "чужой личности" с идеей карнавала в контексте древней культуры очевидна.⁷ Приведем несколько разрозненных косвенных данных Вп., которые могут способствовать выявлению той стороны "этнографического субстрата", которая определяет композицию основного сюжета повествования: а) выбор пандавами

прямо противоположного их социальному положению на иерархической лестнице образа жизни; б) вполне "эпично", как должное поданный повествованием отказ героев от традиционной этики, к примеру, в объяснении того, что за труп подвешен ими для устрашения грабителей на дереве, где они спрятали свое оружие: "Это наша стовосьми-летняя мать висит там..." (Вп., 5.26); в) глумление над царем Юдхитхирой, которого, якобы слугу, разгневанный Вирата бьет до крови по лицу (Вп., 63.44-47).⁸

6. Оба погранично расположенных (на границе парв - Ап. и Вп. и лет - двенадцатого и тринадцатого года изгнания) сюжетных хода, связанных с деревом, безусловная мотивированность влезания героя из царского рода по повелению царя вверх по этому дереву поддаются истолкованию в свете архаической новогодней обрядности.⁹ События трех добатальных книг эпопеи исчерпывающе направлены на царскую ипостась образа Юдхитхиры¹⁰, соответствуя в своем этнографически-субстратном значении закономерному в жизни древнейшего социума периоду смены царской власти (в Мбх. она отдана на двенадцать лет антагонистам героев - кауравам). Отнесением последних событий Ап. к месяцу Карттика (179.16) подчеркивается календарная приуроченность царского посвящения к новомуднему рубежу.

7. Уточнение некоторых деталей эпической композиции сопряжено с конкретизацией творческого метода создания древнеиндийского эпоса - метода, который, обобщая и типизируя важнейшие стороны действительности всей эпохи бытования Мбх. в устно-поэтической традиции, "переплетает", "сплавляет" (если использовать терминологию древнейших ремесел, применявшуюся творцами первых индоевропейских текстов) разнохарактерные явления этнографического порядка. Отмечаемому исследователями (М.Хокартом, Ж.Домезилем, М.Элиаде, Ф.Б.Й.Кейпером, Й.С.Хистерманом и др.) реальному сплетению этих глубочайшей древности факторов (обнаруживаемому, в частности, в приуроченных к новомуднему периоду важнейших для жизни социума общественных календарных торжествах и всех видах посвящений, включая царское) соответствуют сложные конструкции их косвенных, и это следует подчеркнуть, отражений в композиции традиционного эпического текста.

I. В статье используются: Махабхарата, Книга вторая - Сабхапарва, перв и комм. В.И.Кальянова. М.-Л., 1962; Махабхарата, Книга третья - Араньякапарва, пер. и комм. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой (в печати); Махабхарата, Книга четвертая, пер. и комм. В.И.Кальянова. Л., 1967.

2. См.: С.Л.Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979, с. 27, 104, 106.
3. См.: Е.М.Мелетинский. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968, с.49 (термин употребляется применительно к эпической вариации).
4. Подробно см.: Я.В.Васильков.- "Махабхарата" и потлач (этнографический субстрат эпического сюжета).-Санскрит и древнеиндийская культура. I. М., 1979.
5. Влезание на дерево в третий раз осуществляется царевичем, сыном Вираты, с тем, чтобы по повелению Арджуны снять оттуда оружие пандавов - Вп., гл. 38.
6. Такое толкование имени в сопоставлении его с одной из метаморфоз Дхармы дает Ван Бейтенен - см.:The Mahābhārata III, trans. and ed. by J.B. van Buitenen. Chicago-London, 1978, с. 9.
7. На "карнавальность" начала Вп. впервые обратил внимание Ван Бейтенен - см. там же, с. 3-8.
8. О значении разработанной М.М.Бахтиным концепции карнавальной культуры, обрядовые традиции которой восходят к древним аграрным празднествам, см.: Е.М.Мелетинский. Поэтика мифа. М., 1976, с. 144-147; существенно замечание А.Я.Гуревича (сопоставляющего с концепцией карнавала точку зрения О.М.Фрейденберг относительно пародии на сакральное и возвышенное) насчет "перестановки ролей с целью временного (разрядка моя - С.Н.) сокрытия подлинности" - см.: А.Я.Гуревич. "Эдда" и сага. М., 1979, с. 82.
9. Свод материалов по организуемым царем-шаманом новогодним обрядам у гондов и бхиллов с аналогичной оформленностью шеста-дерева оружием см.: В.Я.Волчок. Протоиндийский Новый год. Ш-я Всесоюзная конференция индологов. М., 1982.
10. О соответствии сюжета второй книги эпоса - "Сабхапарвы" этапам раджасуи, ведийского посвящения царя см.: J.A.Buitenen. On the Structure of the Sabhaparvan of the Mahabharata.-India Major, Leiden, 1973.

Л.К.Павловская

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
"ПИНХУА О ТОМ, КАК ЦАРСТВО ЦИНЬ ПРИСОЕДИНИЛО ШЕСТЬ ЦАРСТВ"
(Цинь бин лю го пинхуа)

Народно-исторические повествования пинхуа, созданные в XII-XIII веках, - первые китайские сюжетные произведения крупной формы, в которых излагаются наиболее значительные этапы истории Китая от

древнейших времен до середины X в. Источниками этих произведений являются официальные исторические сочинения, классическая поэзия и фольклор (сказка, народный эпос). Во всех пинхуа присутствие этих трех компонентов обязательно, но их соотношение различно. Стихи в пинхуа являются элементом формы, их функция в повествовании украшательская, в развитии сюжета они никакой роли не играют. Сюжет строится на материале историческом и фольклорном. В ряде пинхуа превалирует материал исторический, в других - фольклорный. Поэтому в зависимости от "веса" того или иного материала в пинхуа мы считаем возможным разделить их на "исторические" и "фольклорные".¹

Для изучения процесса эволюции исторических сюжетов - процесса беллетризации истории и особенно исторических сочинений в китайской протонародной повествовательной литературе наиболее интересными представляются пинхуа "исторические", дающие историку литературы разнообразный и интересный материал. Схожесть исторического повествования в пинхуа с данными историй бросилась в глаза уже их первым исследователям. Однако решить проблему исторических источников пинхуа долгое время никто не пытался. Назывались или отдельные источники цитирования материала, или отмечалась близость изложения исторического материала в пинхуа официальной истории.²

Как показал опыт советских исследователей, ответить на вопрос об исторических источниках пинхуа позволяет только сравнение текстов пинхуа с сочинениями официальной историографии. В отношении ряда пинхуа такая работа была проведена. Текстологический метод решения вопроса оказался весьма убедительным. Так, выяснилось что в основе "Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий" (Синь бянь у дай ши пинхуа, далее: УДПХ) лежит сводная история Сыма Гуана "Всеобщее зеркало, в управлении помогающее" (Цзы чжи тун цзянь, далее: Цзы) и династийные истории "Старая история Пяти династий", составленная Сюе Цзюйчжэном, и "Новая история Пяти династий", составленная Оуян Сю и др.³; на династийные истории "Историю Трех царств" Чэнь Шоу и "Историю династии Поздняя Хань" Фань Е опирался автор "Пинхуа по истории Трех царств" (Сань го чжи пинхуа)⁴. Историческим источником "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств" (Цинь бин лю го пинхуа, далее: ЦБЛГПХ) называются "Исторические записки" (Ши цзи) Сыма Цяня. Р.Рудьман, рассматривая некоторые идейные аспекты ЦБЛГПХ, отметил, что это пинхуа "основывается на материале, заимствованном из нескольких разделов "Исторических записок", особенно из разделов "Основные анналы Ши-хуана" (цз. 6), "Наследственные дома" (ши-

цзя) и ряда "Жизнеописаний" (лечжуань)⁵. Но поскольку интерес автора оказался сосредоточенным на изображении в пинхуа чжаоского полководца Ли Му, то и конкретный материал по сопоставлению текстов в его работе ограничен небольшой частью ЦБЛПТХ (с. 29-33)⁶ и "Исторических записок" (цз. 81)⁷.

Нами сделана попытка сверить текст ЦБЛПТХ не только с разделами "Исторических записок", уже названными предыдущими исследователями, но и с некоторыми другими, которые, как мы полагали, могли бы тоже быть источником повествования.

Результаты сверки позволяют сделать следующие выводы:

I. Большая часть "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств" построена на материале "Исторических записок". Выделяются две основные тенденции использования данных сочинения Сыма Цяня (иногда они выступают в "чистом" виде, иногда во взаимодействии):

а) Часть повествования представляет собой авторский пересказ сведений истории. Факты и события, только названные Сыма Цянем, здесь изображаются. Исторический материал, дополненный и расцветоченный, скомпонован безымянным автором пинхуа в сюжетную композицию, действие которой развивается подчас уже по логике авторского повествования, а не истории. Отсюда в пинхуа некоторые хронологические и другие несоответствия историческому источнику.⁸ В этой части повествования автор, следуя в целом хронологии главных событий, фиксированных историей, подробно рассказывает как происходили события, кто в них участвовал, как они разворачивались во времени и пространстве. Здесь дается описание битв, походов, боевых построений войск, одеяний и оружия военачальников, картин природы, приемов у императора Ши-хуана; подробно перечисляются жалуемые награды, называется численность войск каждого полководца и его потери, количество схваток в сражениях, расстояния, пройденные войсками при наступлениях и отступлениях и т.д., т.е. вводятся те детали и подробности, которые создают определенную картину описания исторических событий. Данные истории используются здесь как тема, как основа авторской импровизации.

б) Другая часть пинхуа не только излагает материал, но и практически построена на тексте, перенесенном из разных разделов "Исторических записок". Среди них: основные анналы циньского Ши-хуана (Цинь Ши-хуан бэнь цзи, цз. 6 - значительные заимствования), основные анналы Гао-цзу и Сян Юя (Гао-цзу бэнь цзи, цз. 8 и Сян Юй бэнь цзи, цз. 7 - небольшие заимствования), а также "Жизнеописание" (Ли Сы, цз. 87 - значительные заимствования; Люй Буэя, цз. 85; Цзин Кэ и Гао Цзяньли, цз. 86; Ли Му, цз. 81, Ван Цяня, цз. 73).

Текст "Исторических записок" встречается во всех трех главах (цзюанях) пинхуа, но наиболее насыщен им конец повествования (см. с. 18-20; 29-33, 39-40; 42-45; 66-68; 77, 81-82 и далее)⁹.

2. В заключительном разделе повествования наше внимание пришло включение в датировку некоторых событий деталей, отсутствующих в летописных датах труда Сыма Цяня, перенесенных в повествование, а также появление ряда разночтений. Это заставило нас предположить возможность использования автором пинхуа дополнительного исторического источника заимствования материала. Мы привлекли для сопоставления "Всеобщее зеркало, в управлении помогающее". Сверка показала, что особенности датировки, разночтения, а также последовательность изложения материала говорят о том, что автор ЦБЛПТХ пользовался и этим источником. Некоторая часть текста пинхуа отождествляется с текстом "Всеобщего зеркала".¹⁰ (Например, с. 90-91 - Цзы, с. 243-244, ср. Ши цзи, цз.6, с. 254-255; с. 92, 6 и 12 - Цзы, с. 247, 248, ср. Ши цзи, там же, с. 260, 264; с. 92, 14-93₁₋₂ Цзы, с. 248-249, ср. Ши цзи, там же, с. 264; с. 96-104 - Цзы, с. 254-294).¹¹

Таким образом, на данном этапе исследования можно заключить, что историческими источниками "Пинхуа о том, как царство Цинь при соединило шесть царств" являются "Исторические записки" Сыма Цяня (I в. до н.э. - главный источник) и "Всеобщее зеркало, в управлении помогающее" Сыма Гуана (XII в. - дополнительный источник), - две знаменитые первые сводные истории Китая.

1. 鄭振鐸. 插圖本中國文學史

Чжэн

Чжэнь-до (Иллюстрированная история китайской литературы, т. I-4 Пекин, 1957, с. 705; далее: Иллюстрированная история) дает другое деление пинхуа. Он различает среди них "книги, повествующие о людях" (人的書) и "книги, повествующие о духах" (鬼怪的書).

2. Так, например, Чжэн Чжэньдо отмечает, что в "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств", рассказ о попытке Цзин Кэ убить циньского Ши-хуана полностью заимствован из "Исторических записок" Сыма Цяня (раздел "Биографии мстителей"), там же, с. 710, а изложение главных событий в "Заново составленном пинхуа по истории Пяти династий" основывается на официальной истории (正史), там же, с. 559. Голландский ученый В.Идема источником того же рассказа о покушении Цзин Кэ считает "Исторические записки", "Планы сражающихся царств" или "Жизнеописание яньского наследника Даня" (Янь Дань - тайцзы

чжуань)" - W.L.Idema. Some remarks and speculations concerning p'ing-hua - T'oung Pao, vol. LX, livr. 1-3, 1974, с. 136.

3. См.: М.В.Софронов. Об источнике и времени составления "Синь бянь удай ши пинхуа", - "Проблемы востоковедения". 1960, № I, с.144-149; Л.К.Павловская. Пинхуа - народный исторический роман (на материале "Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий"). Автореф.канд.дисс., Л., 1975.
4. Б.Л.Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М, 1970, с. 179.
5. R.Ruhlmann. On the great wall: some Chinese views on war, aggression and defense as expressed in the 14-th century tale, с. 261 Etudes d'Histoire et de Littérature Chinoises, offertes au Professeur Jaroslav Průšek. Paris, 1976, с. 259-271.
6. 秦併六國平話 (Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств, Шанхай, 1955).
7. 司馬遷, 史記 (Сыма Цянь. Исторические записки, т. I-6 Пекин, 1959).
8. Так, Чжэн Чжэньдо (Иллюстрированная история, с. 707-708) отмечает в ЦЫГПХ ряд неточностей. Некоторые из них, действительно, видимо, ошибки или резчиков досок (как, например, упоминание области 緬州 вместо 緬川, где перепутаны близкие по написанию знаки чжоу и чуань, или автора (как, например, в некоторых датах). Но есть и такие, которые, по нашему мнению, являются результатом беллетристической обработки материала. Так рассказ о знаменитом письме против изгнания из страны чужеземцев, поданном Ли Сы императору Ши-хуану, сдвинут во времени на 17 лет. В сюжете повествования появление письма Ли Сы связано не с событием, названным в истории (см. Ши цзи, цз.87, с. 2541) а с неудавшейся попыткой покушения на Ши-хуана, предпринятом Гао Цзяньли, а это произошло не в 10-ом году, (что заметил Чжэн Чжэньдо), а в 27-ом году правления Ши-хуана, уже после объединения страны. (ЦЫГПХ, с. 77, 81-82 - Ши цзи, цз.86, с. 2536-2537). Что касается упоминания имени Ван Цзяня, как полководца, разгромившего царство Хань, вместо названного в истории нэйши Тэна (ср. ЦЫГПХ, с. 20-29 - Шицзи, с. 232), то, по-видимому, здесь мы имеем дело с отмеченным нами и в других пинхуа приемом "концентрации действующих лиц". Этот прием предполагает перенесение действий, совершенных одними лицами на других, избранных автором в качестве основных действующих лиц повествования (подробнее см.: Л.К.Павловская. Факт исторический и факт литературный. На материале "Заново составленного пинхуа

по истории Пяти династий". - Литературы стран Дальнего Востока. М, 1979, с. 37-43), а Ван Цзянь здесь - один из центральных персонажей.

9. Сверить текст полностью пока не удалось ввиду чрезвычайной рассредоточенности сведений в "Исторических записках" по разным разделам. Вполне вероятно, что часть исторических сведений заимствована для ЦБЛПХ из раздела "Наследственные дома", названного Р.Рудьманом, а также из раздела "Жизнеописание" (имею в виду жизнеописание полководцев и государственных деятелей, упоминаемых в повествовании).
10. 司馬光. 資治通鑑 (Сыма Гуан. Всеобщее зеркало в управлении помогающее, т. I-10, Пекин, 1956).
11. Цифра после запятой указывает № строки на странице.

М.С. Фомкин

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ТЮРКСКОЙ ГАЗЕЛИ СУЛТАНА ВЕЛЕДА

Проблемы синтаксиса тюркоязычного поэтического текста разработаны в настоящее время сравнительно мало. Работы, посвященные этим проблемам, исчисляются единицами.¹

Предлагаемая заметка имеет своей целью выявить в тюркской газели турецкого поэта 13 века Султана Веледа характерные для этой газели приемы упорядочения синтаксиса и попытаться объяснить художественное значение этих поэтических приемов, их взаимную связь и характерную эстетическую функцию. Теоретической и методологической основой при этом будут идеи В.М. Жирмунского, относящиеся к теории стиха, и, в частности, к синтаксису поэтического текста.²

Текст газели:³

- 1 a Baḳma baña, baḳma baña bu göz ile, bu göz ile;⁴
b cân gözini ger açā sen, sen nola sen, sen nola?
a Ger bini sen geḳ göre sen, gendüziñi bay göre sen;
- 2 b ne nese, kim ister iseñ, saña gele, saña gele!
- 3 a Teñriyi bilgil, dek tur, Teñriyi görgil dek tur,
b aytma bunı, kim: "Teñri kanda ola, kanda ola?"
a Binden işit: Var anda, kim cânuña cân katıla;
- 4 b aḳla anı, kim andan bunda kala, bunda kala.
- 5 a Ben, ki sözün söylervem, gün u geçe göynervem,
b bu umuda, kim kişiler anı bula, anı bula,

- 6 a Ben, ki ana 'aşkım, uslu iken delüvem,
 б delü gibi ırlarvam: taralalla, taralalla!
- 7 a Ol, kim bunuñla sevinür, buni diler, buni görür,
 б anda varursa bundan, ol ne kıla, ol ne kıla?
- 8 a Ger göremez siz ani, ger bulamaz siz cāni,
 б isteñ ani, kim sizi anda sala, anda sala.
- 9 a Anda yakın Rahmāndur, bunda yakın şeytāndur,
 б şeytān elinden kaçuñ, ayduñ: "Lāhavlavala!"
- 10 a Koñ savaşı siz bu gün, şeytan başını döğüñ,
 б Süd bigi u bal bigi hoş kariluñ bir bir ile.
- 11 a Türkçe eger bileydüm, bir sözi bin ödeydüm,
 б tatça eger diler siz, güyam asrār-i 'ulā.
- 12 a Kim Veledi severse, gey göz ile bakarsa,
 б Teñri anuñ başından sava belā, sava belā.

Перевод:

- I a Не смотри на меня, не смотри на меня этим глазом, этим глазом;
 б если ты откроешь глаз души, что станет с тобой, что станет?
- 2 a Если ты меня хорошо увидишь, себя увидишь богатым;
 б всё, что ты желаешь, придёт к тебе, придёт к тебе!
- 3 a Познай Бога, молча стой, узри Бога, молча стой,
 б не говори этого: "Где Бог, где он?"
- 4 a Слушай меня: иди туда, где к твоей душе присоединится душа;
 б плач о том, кто вместо того [мира] останется в этом, останется.
- 5 a Я, который говорю его слово, днем и ночью плачу, в этом,
 б в этой надежде, что люди найдут его, найдут его.
- 6 a Я, который влюблен в него, будучи разумным, безумен,
 б как безумный, я распеваю: "Тараллала, тараллала"!
- 7 a Тот, кто наслаждается этим [миром], этот [мир] желает, этот
 [мир] видит,
 б если уйдет из этого [мира] в тот, что будет делать, что будет
 делать?
- 8 a Если не можете увидеть его, если не можете найти душу,
 б желайте того, кто вас туда приведет, туда приведет.
- 9 a Там близок милосердный, здесь близок дьявол,
 б бегите из рук дьявола, говорите: "Силы нет"!
- 10 a Оставьте вы сегодня ссоры, по голове дьявола бейте,
 б как молоко и как мед хорошо смешайтесь друг с другом.
- 11 a Если бы я знал по-туркски, я сделал бы одно слово тысячью
 [слов],
 б если вы желаете по-персидски, скажу великие тайны.

- 12 а Если кто любит Веледа, если смотрит добрым глазом,
б Господь от его головы отведет беду, отведет беду.

Синтаксис этой газели, как особенность поэтики, первым обращает на себя внимание. Основу композиции бейта и всей газели составляет упорядочение синтаксического построения словесных масс. Это упорядочение выступает в формах синтаксических повторений и параллелизмов (полных и неполных). При этом упорядочение синтаксиса в первых полустихиях происходит иначе, чем во вторых.

Основной прием упорядочения синтаксиса в первых полустихиях газели – полный или неполный синтаксический параллелизм двух частей полустихия:

2 а Ger bini sen geу göre sen, gendüzini bay göre sen

3 а Teñriyi bilgil, dek tur, Teñriyi görgil dek tur

5 а Ben, ki sözün söylervem, gün u gеçe göynervem

8 а Ger göremez siz ani, ger bulamaz siz cani

9 а Anda yakın Rahmāndur, bunda yakın şeytāndur

10 а Koñ savaşı siz bu gün, şeytān başını döğün

12 а Kim Veledi severse, geу göz ile bakarsa,

В приведенных примерах ясно ощущается синтаксическая цезура между двумя предложениями, подкрепленная во всех случаях внутренней рифмой и иногда анафорой. Эта цезура делит полустихие на две симметричные в синтаксическом отношении части, в которых наблюдается полностью или частично одинаковая последовательность сходных синтаксических элементов. Это приводит к фонетическому упорядочиванию словесного материала: появляются ассонансы, аллитерации, различные внутренние рифмы. Приведенные примеры имеют одну общую особенность: синтаксические группы всегда связаны друг с другом эпифорой, т.е. один из повторяющихся сходных синтаксических элементов всегда стоит в конце синтаксической группы (исключая полустихие 10 а, где мы имеем обращенный параллелизм – хиазм – со связью при помощи эпаналепсиса), в результате чего образуется внутренняя грамматическая рифма, маркирующая конец синтаксического и ритмического ряда и подчеркивающая цезуру.

Синтаксический параллелизм неизбежно влечет за собой ритмический параллелизм двух частей полустихия, т.е. происходит упорядочение и ритмического материала. "Ритмическое значение синтаксического параллелизма заключается прежде всего в равенстве акцентных отношений..., к чему присоединяется также одинаковое интонационное (мелодическое) движение"⁵. Таким образом, синтаксическое упорядочение приводит и к интонационному упорядочению. Все это сопровождается параллелизмом в расположении смысловых элементов

стиха, т.е. синтаксическое упорядочение распространяется от фонетических фактов до семантических.

Вышеуказанное позволяет рассматривать разделенные цезурой части первых полустиший газели как отдельные стиховые ряды, т.е. рассматривать полустишие бейта как двустишие.

Синтаксический повтор – второй важный прием синтаксиса данной газели. Он характерен только для вторых полустиший (исключая первый бейт), например:

- 1 a Bakma baña, bakma baña bu göz ile, bu göz ile;
б cān gözini ger aça sen, sen nola sen, sen nola?
- 2 б ne nese, kim ister iseñ, saña gele, saña gele!
- 3 б aytma bunu, kim: "Teñri kanda ola, kanda ola?"
- 4 б agla anı, kim andan bunda kala, bunda kala.
- 12 б Teñri anuñ başından sava belā, sava belā.

Обособленные синтаксические повторы в конце бейта маркируют его конец как композиционного и смыслового целого. Они подчеркивают ритмическую упорядоченность текста, являясь во вторых полустишиях бейтов единственным ритмообразующим средством. Включая в себя одновременно с этим общую для газели рифму, они усиливают признаки поэтической принадлежности текста. Как уже указывалось, результатом синтаксического упорядочения является интонационное, которое выражается в данном случае в двухкратном повторении одной и той же интонации, что резко выделяет этот отрезок текста (т.е. обособленные синтаксические повторы) среди всего стихотворного ряда. Такая интонационная выделенность этого отрезка подчеркивает его смысловое содержание, которое благодаря этому становится смысловой доминантой всего полустишия. Указанная ритмическая и интонационная выделенность конечных синтаксических повторов позволяет рассматривать их как отдельный стиховой ряд, т.е. рассматривать и вторые полустишия газели как двустишия.

Вероятно, можно вообще говорить о синтаксическом единстве данной газели в целом, поскольку все бейты строятся на одинаковом синтаксическом принципе: деление первых мисра на две симметричные в ритмико-синтаксическом отношении, рифмующиеся между собой части и введении во вторые мисра обязательных конечных синтаксических повторов.

Кроме того, в данной газели 5 и 6 бейты образуют, по терминологии В.М.Жирмунского, синтаксическое сопоставление. Первые полустишия этих бейтов связаны между собой ритмико-синтаксическим параллелизмом их начальных частей и его следствием – внутренними рифмами; вторые полустишия связаны конечными синтаксическими пов-

торами.

Композиция данной газели, основанная на двух синтаксических приемах – повторения и параллелизма, – представляется не случайной, она обусловлена художественным заданием.

Тюркские газели Султана Веледа предназначались прежде всего для пения во время сем'а – религиозного собрания ордена Мевлеви и представляли собой гимны, псалмы⁶. Их структура должна была отвечать условиям, при которых эти тексты могли бы легко петься и оказывать эмоциональное воздействие. Хорошие условия для этого создают синтаксические повторения и параллелизмы. "Синтаксическое единство есть вместе с тем единство интонационное, и синтаксический параллелизм дает известное направление развитию мелодии. Этот факт является особо существенным для понимания связи между композиционными построениями как бы песенного характера... и... стремлением к звуковому, эмоционально-лирическому воздействию..."⁷ Это положение В.М.Жирмунского о связи синтаксиса, интонации, мелодии и их следствия – эмоционального впечатления целиком приложимо при рассмотрении указанной газели. Можно с уверенностью предполагать, что ее композиция, выбор композиционных приемов обусловлены стремлением поэта придать тексту песенный характер с ярко выраженным ритмом и эмоциональным воздействием.

Необходимо отметить, что указанные приемы упорядочения синтаксиса – синтаксический параллелизм и повторы – являются основой архаического тюркского народного стиха⁸, основным выразительным приемом эмоционально приподнятой поэтической речи, характерным для народной тюркской поэзии.⁹ Примерами этому могут служить стихи из "Диван лугат ат-турк" Махмуда ал-Кашгари, датируемые II веком и ранее, которые в своей подавляющей массе являются, по мнению исследователей, образцами тюркского фольклора.¹⁰ При этом наблюдается адекватность композиции бейтов газели С.Веледа и четверостиший из "Диван лугат ат-турк", например (бейты представлены в виде четверостиший, как указано выше):

С.Велед:

ger bini sen gey göre sen
gendüzini bay göresen
ne nese kim ister isen
sana gele sana gele

М.ал-Кашгари:

telim başlar yuvaldimat
yağ andin yuvaldimat
küçi anın kevildimet
kılıç kınka küçün sıgdı

(113,3)^{II}

ben ki ana aşıkvam
uslu iken delüvem
delü gibi ırlarvam
tarallala tarallala

anun için keçürdüm
eşin yime kaçurdum
ölüm otın içürdüm
içti bolub yüzi tōri
(147,3)

ger göremezsiz ani
ger bulamaz siz cani
isten ani kim sizi
anda sala anda sala

atil suvi aka turur
kaya tüpi kaka turur
balik telim baka turur
kölün taki küşerür
(211,XXXVIII)

Таким образом, и в газели С.Веледа, и в приведенных фольклорных стихах, которые С.Е.Малов не зря назвал "кашгарскими песнями",¹² наблюдается один и тот же принцип композиционной структуры, характерный для архаического тюркского народного стиха.

С.Велед, предназначая свои стихи для широкой народной массы тюркоязычного населения М.Азии, вводит в уже канонизированный к этому времени жанр газели не обязательные и не традиционные для нее признаки поэтической принадлежности текста, которые в то же время традиционны для тюркского фольклора и привычны для слуха народной массы. Новая комбинация известных элементов дает нам тюркскую газель, одинаково приемлемую для слуха как перса, воспитанного на нормах арабо-персидской поэтики, так и турка, привыкшего к нормам тюркского фольклора. Здесь, видимо, можно говорить об известном новаторстве С.Веледа, соединившего элементы разных поэтик в новое целое.

-
1. В.М.Жирмунский. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. - "Вопросы языкознания". 1968, № I, с. 23-42; А.А.Валитова. О некоторых поэтических особенностях "Кутадгу Билик". - XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; А.Е.Мартынец. О формах параллелизма в тюркском стихе. - "Советская тюркология". 1976, № 5, с. 43-48.
 2. В.М.Жирмунский. Теория стиха. Л., 1975; он же. К вопросу о стихотворном ритме. - Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 27-37.
 3. См.: М.Mansuroğlu. Sultan Veled'in türkçe manzumeleri. Istanbul, 1958, с. 30;

ولا چلبی دیوان ترکی سلطان ولو
استانبول، ۱۹۵۸، س. ۳۰ - ۷ //
Здесь используется без изменения транскрипция М.Мансуроглу.

4. Необходимо уточнить чтение послелога *ile* в первом бейте. Ст. Рымкевич на основании исследования рифмотворчества Султана Ве леда предполагает, что этот послелог звучал *ila*. См.: St.Rymkiewicz. Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur. - "Rocznik Orientalistyczny". T.XXVII, z. I.Warszawa, 1963, с. 98.
5. Жирмунский. Теория стиха, с. 153.
6. St.Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda.- "Przeglad orientalistyczny". 1962, N I(41), с.17.
7. Жирмунский. Ук.соч., с. 461.
8. В.М.Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 617.
9. Жирмунский. О некоторых проблемах..., с. 28.
10. С.Brockelman. Altturkestanische Volkspoesie, I.-"Asia major" (Hirth anniversary volume), London, 1923, с. 1-2; M.Hartmann Die metrische Form des Qudatqu Bilik.- "Orientalistische Idtteraturzeitung", Bd 5, Leipzig, 1902, с. 349-351; С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с. 305. Такое же мнение высказал академик А.Н.Кононов в частной беседе с автором этих строк.
11. См.: И.В.Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI ве ке. М., 1971, Примеры приводятся с небольшим упрощением транскрипции. Первая цифра в круглых скобках означает страницу у к. работы, вторая - № стиха.
12. Малов. Памятники ..., с. 305.

Чан Тхи Хонг Ван

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СБОРНИКОВ АРАБСКИХ ПОСЛОВИЦ У ФИЛОЛОГОВ УШ-ХП вв.

Прежде всего нужно оговориться, что русский термин "пословица" мы употребляем здесь как эквивалент арабского "масал" (мн.ч. 'амсал), что до некоторой степени условно. Круг значений у этого старинного арабского термина значительно шире. Этимологически масал значит "подобное", "одинаковое", т.е. то, что можно сравнить с другим. Его стали употреблять для обозначения речевых оборотов и произведений словесности, в основе которых лежит сравнение: уподобление на пример или образец, пословица, поговорка, выражение пословичного типа, мудрое изречение, формульный оборот речи, а также краткая притча, басня.

Когда появились первые исследователи арабского языка и литературы и стали производить записи образцов арабской речи и произведений устной словесности, фольклорных и авторских, то они обратили внимание и на 'амсāl. Филологи обнаружили, что арабский язык располагает большим количеством 'амсāl, часть которых была употреблена также в стихотворениях древних поэтов и в Коране. Они научились выделять 'амсāl, классифицировать их и объединять в специальные сборники; им уделялось место в различных филологических трудах (словарях, комментариях к Корану и поэзии), а позднее посвящались отдельные главы в антологиях арабской литературы. Арабские ученые различали два хронологических слоя 'амсāl — исконно арабские, созданные на чистом (фасих) языке, по терминологии европейских исследователей "классические", и недавно образованные или вошедшие в арабский язык (муваллада). Явное предпочтение они отдавали древним, классическим пословицам и больше всего ими занимались, но с X в. учитывали и более новые.

Как показал Р.Зеллхайм¹ в своем исследовании, с VIII по XII в. сорок четыре автора создали сборники 'амсāl. Однако из этих сорока четырех сборников до настоящего времени дошли только четырнадцать, из них нам доступны тексты только шести наиболее известных. Самым старшим автором сохранившихся сборников является ал-Муфаддал б.Мухаммад ад-Даббī (ум. 786 г.) — его обычно называют ал-Муфаддал I —, который составил "'Амсāl ал-'араб"² ("Пословицы арабов"). В своей книге ал-Муфаддал без всякого видимого порядка собрал 160 'амсāl с пояснениями об их происхождении и употреблении. Другой сборник, "Kitāb ал-'ахир" ("Книга великолепного")³, принадлежит ал-Муфаддалу ибн Саламе (ал-Муфаддал II — ум. 903 г.). Здесь собраны 521 единиц пословиц и идиоматических оборотов речи, которые расположены довольно бессистемно. История собирания 'амсāl непременно связывается еще с одним именем. Это Хамза ибн ал-Хасан ал-Исфакхāнī (893-970), автор "Kitāb ал-'амсāl 'алā 'афалу мин"⁴ ("Книга пословиц-сравнений по форме 'аф'алу мин"), известный по трем рукописям,⁵ из которых одна находится в собрании ЛО ИВ АН СССР. Книга, посвященная в основном 'амсāl-сравнениям, состоит из 30 глав; причем 1209 пословиц-сравнений расположены в алфавитном порядке по первой коренной букве в 28 побуквенных главах, а в 29-й главе, разделенной на семь параграфов, собрано 440 'амсāl-сравнений из двух слов или, как Хамза их называл, "необычные образцы" ('амсила бадī'а мин) 'амсāl; в 30-й главе Хамза рассматривает 330 идиоматических выражений (калимāt).

Сборник "Джамхарат ал-'амсāl"⁶ принадлежит перу 'Абū Хилāла

ал-Хасана ибн Абдаллаха ал-Аскарī (ум. после 1005 г.). Черпая из сборника Хамзы и добавляя другие, ал-Аскарī довел число 'амсāl до трех тысяч единиц, в том числе 800 'амсāl-сравнений; он расположил их в алфавитном порядке, не считая артикля, в 29 главах, причем 'амсāl с отрицанием лā выделил в отдельную, 28-ю главу.

Абу-л-Тадл Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Ибрахīm ал-Майдāнī ан-Найсāбūrī (ум. 1124 г.) при рассмотрении материала также придерживался алфавитного порядка. Его сборник свыше 6 тысяч единиц ("Маджма' ал-'амсāl"⁷) состоит из 28 алфавитных глав, к которым добавлены 29-я глава с перечислением "дней арабов" и "дней битв в исламе" и 30-я, где собраны изречения пророка и известных деятелей ислама. В конце каждой из 28 глав ал-Майдāнī привел пословицы по форме 'аф'алу мин; большая часть их взята из сборника Хамзы, а затем идут ал-муваллада (заимствованные, новообразованные). В некоторых случаях ал-Майдāнī придерживался не алфавитного, а корневого порядка. Его современник Абу-л-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшарī (ум. 1144 г.) составил сборник "ал-Мустақсā фī 'амсāl ал-'араб"⁸ ("Исчерпывающий свод пословиц арабов"). В нем материал расположен строго по алфавиту в 28 главах в соответствии с числом арабских букв. Причем в первую главу входит больше половины (1917 : 1544) 'амсāl: все начинающиеся с алифа (включая артикль) и все пословицы по форме 'аф'алу мин.

Из упомянутых выше сборников, кроме двух первых, которые были построены бессистемно, остальные были составлены по одному и тому же принципу - по алфавитному. Различие в структуре между ними заключается в том, что у Хамзы алфавитный порядок дан по первой корневой букве, а у ал-Аскарī и аз-Замахшарī принят формально-алфавитный порядок, тогда как ал-Майдāнī в целом придерживается формального порядка, но иногда переходит к корневому. По объему эти сборники также отличаются друг от друга: более поздние сборники содержат большее количество пословиц.

Первым, кто составил сборник по тематическому принципу, был 'Абу 'Убайд (770-838).⁹ Его труд был единственным специальным сборником, построенным тематически.

Тематический порядок больше встречается в антологиях художественной литературы, составители которых посвящают пословицам целые главы. По своему количественному и качественному составу, способам классификации 'амсāl эти главы отличаются от упомянутых выше сборников. К сожалению, подобные антологии до сих пор остаются неизученными. Настоящая статья имеет целью проанализировать структуру этих собраний на материале двух антологий: Ибн Абдраббиха и ал-Аби.

В антологии из 25 частей "ал-Иқд ал-фарїд" ("Драгоценное ожерелье") испано-арабского литератора Ибн 'Абдраббиха (869-940) одна из частей носит название "Китāб ал-джаўхара фї л-'амсāl" ("Книга драгоценности о пословицах"). В предисловии к ней автор говорит о том, что здесь собраны 'амсāl пророка, изречения ученых, Аксама ибн Сайфа и Бузурджихра ал-Фāрисї', и пословицы арабов (т.е. бедуинов), собранные Абū 'Убайдой, и народные пословицы, которые поэты употребляли в поэзии в джахилийское и мусульманское время. Далее Ибн 'Абдраббих разделил около 1500 'амсāl на три группы: 'амсāl пророка, 'амсāl ученых и 'амсāl арабов. Группа 'амсāl арабов подразделена на подгруппы по тематическим рубрикам, причем рубрикация у него столь подробная, что порою в одну рубрику входят только 2-3 пословицы. Как литератор, Ибн 'Абдраббих большое внимание уделяет содержанию пословиц, как бы ища общую идею для них. Например, под рубрикой "ман 'асāба марратан 'ахта'а марратан" (о чередовании ошибок и разумных поступков) имеются такие пословицы: "шахаба фї л-'ина'и ва шахаба фї л-'арди" (некто льет то в сосуд, то мимо), "йашаджджу марратан ва йа'сў 'ухрā" (он раз ранит, другой лечит) и т.д. Или же в рубрику "китмāну с-сирри" (сохранение тайны) входят такие пословицы: "садрука 'аўса' у ли-сиррика" (твое сердце способно вместить твою тайну), "лā туфшї сиррака 'илā л-'амати ва-лā табуллу 'алā 'акаметин" (поверить тайну служанке - все равно что мочиться в песок), "сиррука мин дамика" (твоя тайна - твоя кровь).

У Абū Са'їда ибн Мансўра ал-Абї (ум. 1030 г.) видного литератора и политического деятеля конца X - начала XI в. встречается несколько иной принцип расположения пословиц, в отличие от других авторов. Его перу принадлежит семитомная антология "Китāб наср ад-дурр" ("Книга рассыпанного жемчуга"). В шестом томе этой антологии собраны 'амсāl в двух главах, а именно в IV-й и XII-й под названием "'амсāl ал-'араб" (арабские бедуинские пословицы) и "'амсāl 'амийа" (пословицы городского престонородья). В IV-й главе собрано больше двух тысяч 'амсāl, в том числе около восьмисот 'амсāl формы 'аф'алу мин. Ал-Абї нигде не указывает своих источников. Пословицы обычно даны без комментариев. В некоторых случаях, очевидно, когда он усматривает неясности в понимании или употреблении пословицы, автор кратко разъясняет их с помощью слов: кїла, йукāлу, қālū, хува, хийа, хāзā, йудрабу и т.д. Обычно ал-Абї не называет авторитетов, за исключением двух случаев: на странице 27а к пословице "'ас'алу мин Фалхас" (больше требующий, чем Фалхас) сначала он дает объяснение кто такой Фалхас, потом он пишет

"хаказа раваху Ибн Ҳабīb фа-'амма 'Абӯ 'Убайдата фа-'иннаху қāла" (это передал Ибн Ҳабīb, а что касается Абӯ 'Убайды, то он сказал...). Тут возникает вопрос, какой Ибн Ҳабīb? Йўнус ибн Ҳабīb (ум. 769 г.) или Муҳаммад ибн Ҳабīb (ум. 860 г.), которые оба были известны как составители ныне утраченных сборников. Судя по двум глаголам можно предполагать, что ал-Абī ссылается на Абӯ 'Убайду как на источник, а через него цитирует также Йўнуса ибн Ҳабībа; поскольку Абӯ 'Убайда является учеником Йўнуса ибн Ҳабībа, то вероятнее всего, что он в своем труде ссылается на своего учителя. В другом случае (л. 55 б) ал-Абī ссылается на ал-Муфаддала. Здесь автор, вероятно, имеет в виду ал-Муфаддала II, поскольку этой пословицы нет в сборнике ал-Муфаддала I. Из беглого сравнения можно полагать, что ал-Абī использовал не менее 3-х сборников: Абӯ 'Убайды, Ҳамзы и ал-Муфаддала II. Во вводной части 4-й главы ал-Абī пишет: Нуджаннису залика'аджнāсан ва-натба'у фī таджнīсхи -л-'ал-фаза дўна-л-ма'анī ва-нуқаддиму фī кулли бāбин ма ҳаласа минхā 'ала лафзи⁶ 'аф'алу мин..." (мы делим их на группы, при этом классифицируем их по однородным именам, а не по смыслу. В каждой группе мы приводим сначала те из них, которые построены по форме 'аф'алу мин). Для этого автор разделил больше двух тысяч 'амсāл на 19 тематических групп: (I) пословицы с нарицательными именами и качествами их [носителей]; (2) пословицы о женщинах; (3) о племенах, родах, об отцах, матерях, братьях, сестрах, прадедах, неграх, рабных; (4) о душе, теле и частях [тела], о волосах и т.п.; (5) пословицы о верблюдах, лошадях и ослах; (6) о льве и прочих диких животных; (7) о насекомых; (8) пословицы о птицах; (9) пословицы о небе, воздухе, солнце, луне и звездах; (10) о ночи, дне, вечере, эпохе, временах; (11) о земле, горах, песке, камне, листе, воде, огне, кремне, прахе, море; (12) об облаках, громе, молнии, ветре, мираже, дожде, снеге, зефире; (13) пословицы о дереве, луге, растении, траве, камеди, шипах; (14) о железе, серебре, сабле, копье и [других] видах оружия; (15) о войне, убийстве, гибели, захвате в плен, храбрости, бегстве, походе, кличе (сийāх); (16) о платье, одежде, сандалиях, туфлях, коже, котелке, ведре, сосуде и т.п.; (17) о еде, питье, пище, молоке и др. относящееся к еде и напиткам; (18) об имуществе, богатстве, бедности, правдивости, лжи, истине, глупости, хитрости, несправедливости, мольбе, извинении, знании, взгляде; (19) о сне, лечении, судьбе, несчастье и т.д.

Как видно из содержания этого сборника, ал-Абī обращает внимание на лексическую сторону пословиц. Критерием его классификации являются ключевые слова, входящие в состав пословиц и

передающие круг близких понятий, а не собственно их содержание.

В целом можно сказать, собрание пословиц ал-Абї довольно объемисто по сравнению с собраниями его предшественников. Он уступает количественно только сборнику его старшего современника ал-Аскарї, в то время как у авторов, которые придерживаются тематического порядка, как Абū Убайд или Ибн Абдраббих, количество пословиц значительно меньше. По структуре собрание 'амсал ал-Абї также отличается от других авторов. В отличие от Абū Убайда и Ибн Абдраббиха литератор ал-Абї исходит из лексики пословиц, поскольку слова являются материалом для выражения художественных идей.

Подведем некоторые итоги. В VIII-XII вв. у арабских филологов сформировались свои принципы построения сборников пословиц. Они суть: по алфавиту и по тематике. Выбор принципа зависел, наверное, от того, был ли автор филологом или литератором. В алфавитном порядке различаются разновидности формально-алфавитный и алфавитно-корневой. Реализация тематического принципа была неодинаковой в зависимости от того, чему составитель отдавал предпочтение - содержанию (идее) пословицы или ключевому слову в ней. В трудах арабских филологов имелись попытки разграничения 'амсал: классические и новообразованные (у ал-Майдāнї), пословицы и авторские изречения (у ал-Майдāнї и Ибн Абдраббиха), пословицы и идиоматические выражения - калимāt (у Хамзы). С течением времени количество собранных пословиц увеличивается во много крат: если в VIII в. было только 160, то в XII в. их число уже достигло 6 тысяч единиц.

1. R.Sellheim. Die klassisch-arabischen Sprichwörter-sammlungen insbesondere die des Abū Ubaid. S' Gravenhage, 1954.
2. Ал-Муфаддал ад-Даббї. 'Амсал ал-'араб. Кустантинїя, 1300.
3. Ал-Муфаддал ибн Салама ибн Асим ал-Куфї. Китаб ал-фахир. Изд. Ч.Стори. Лейден, 1915.
4. Хамза ибн ал-Хасан ал-Исфакāнї. Китаб ал-'амсал 'ала аф'алу мин. Рук. ЛО ИВ АН СССР В 907.
5. Р.Зеллхайм в своей книге указывал две рукописи: Мюнхен 642 и Дамат Ибрахим 943 (Стамбул). Недавно идентифицированная рукопись ЛО ИВ АН СССР не могла быть им учтена.
6. Этот сборник напечатан на полях "Маджма' ал-'амсал" ал-Майдāнї.
7. Ахмад ибн Мухаммад ал-Найсāбурї ал-Майдāнї. Маджма' ал-'амсал. /Каир/, 1310.
8. Махмуд ибн Умар аз-Земахшарї. Ал-Мустақса фї 'амсал ал-'араб. Хайдарāбад, 1954.

9. В связи с недоступностью сборника Абū Убайда о содержании его мы судим по работе Р.Зеллхайма.
10. Ибн Абдраббих. Ал-Икд ал-фарид. Дж. I, Миср, 1293 г.х. /Каир, 1876/.
11. Абū Мансūr ибн ал-Хусайн ал-Аби. Китаб наср ад-дурр. Рук. ЛО ИВ АН СССР С 679.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЯЗЫКА ФАРСИ
(XI–XV вв.).

Начало составления полных персидских грамматик – на языке фарси – датируется XIII в. Ф.Тауэр в очерке о развитии средневековой науки в Иране отмечает, что грамматики персидского языка, как самостоятельные научные сочинения, появились в Иране только во второй половине XIII в. Первыми из них были "Мизāн-и Фāрсī" ("Весы персидского языка") и "Кавā'ид-и Фāрсī" ("Правила персидского языка")¹. Современные иранские ученые высказывают мнение, что иранцы долгое время сосредотачивали внимание на постижении грамматики арабского языка и не уделяли внимания языку фарси, полагая, что родной язык понятен без грамматических трудов.²

Развитие лингвистической мысли на материале языка фарси шло на протяжении многих веков, и очень интенсивно, по линии лексикографической работы. Деятельность средневековых лексикографов следует рассматривать, как первый, самый ранний, этап науки о языке в Иране. Именно средневековым лексикографам мы обязаны и самыми первыми опытами грамматического осмысления персидско-таджикского языка.

С XV в. стали появляться, включаемые в традиционные авторские предисловия к фархангам, краткие очерки лексико-грамматического характера. Однако, элементы грамматического осмысления языка, как показывает предпринятое нами сравнительное изучение ранних персидских фархангов, появились уже с XI в. Средневековые лексикографы включали некоторые свои грамматические наблюдения в корпус самого толкового словаря.

Что же представляли собой эти первые элементы грамматики, которые можно обнаружить в тексте фархангов XI–XV вв. ("Лугат-и фурс", "Фарханг-и Фахр-и Каввās", "Дастūr ал-афāзил", "Сихāх ал-фурс", "Ми'йār-и Джамāли", "Дāниш-нāме-йи Кадар-хāн", "Фарханг-и Зафāнгūйā")?

В самый словник средневековые лексикографы включали не только знаменательные слова (имена существительные, глаголы и прилагательные-наречия), но иногда и отдельно взятые грамматические

форманты.

Мы находим в словнике словообразовательные суффиксы, образующие прилагательные. Суффикс $\bar{f} \bar{a} m$ (обозначающий подобие какому либо цвету) приведен в словарях "Лугат-и фурс" и "Зафарангуйа", самое полное толкование дает словарь "Сихах ал-фурс":

فام - گونه باشد گویند لعل فام زرد فام

$\bar{f} \bar{a} m$ - это цвет, говорят: рубиновый, желтоватый.³

Суффикс $\bar{a} s a$ (обозначающий подобие), встречающийся во многих словарях, приведен уже в самом раннем фарханге - "Лугат-и фурс":

آسا - چنانکه گویند شیر آسا و حور آسا

$\bar{a} s a$ - подобный, как говорят: подобный льву, подобная гурии.⁴

Суффикс $m a n d$ (обозначающий обладание чем-либо), кратко поясняемый многими фархангами, наиболее пространно объяснен в "Зафарангуйа":

مند - خداوند پیرى که با او مرکب شود چنانکه دولتمند و حاجتمند

$m a n d$ - обладающий чем-либо, что с ним сочетается, как-то: богатый, бедный.⁵

Суффикс $n \bar{a} k$, один из самых продуктивных суффиксов, утверждающих подобие чему-либо, приведен в словаре "Сихах ал-фурс":

ناک - لفظى است که بر مشابهت دلالت کند گویند: خنده ناک اندیشه ناک

$n \bar{a} k$ - это такое слово, которое доказывает сходство, говорят: смеющийся, озабоченный.⁶

Суффикс $v \bar{a} r$ (обозначающий признак подобия), дан в "Сихах ал-фурс":

وار - مانند بود چنانکه گویند مرد وار شمر وار یعنی مانند مرد و مانند شیر

$v \bar{a} r$ - значит "подобный", как говорят: мужественный, похожий на льва, то есть - подобный мужу, подобный льву.⁷

Во многих фархангах, начиная с "Лугат-и фурс", приведен также суффикс $f a s h$ (в а ш), обозначающий подобие.⁸

В ранних фархангах глаголы - в качестве толкуемых слов -

приводятся как правило в форме инфинитива. Однако в некоторых случаях лексикографы включают в состав словника глаголы в личной форме прошедшего времени, в повелительном наклонении и в форме аориста. Так, словари "Лугат-и фурс" и "Сихах ал-фурс" приводят в качестве толкуемой единицы повелительное наклонение глагола б и т ā й и д а н (оставлять, покидать):

بنا - یعنی بگذار

Б и т ā - то есть оставь, пусти.⁹

Глагол в форме аориста:

یارد - یعنی تواند

Й ā р а д - то есть он может.¹⁰

Следующий пример интересен тем, что автор фарханга, толкуя слово в форме аориста, объясняет его как грамматическую категорию - спрягаемую форму глагола:

سوزی - از تصاریف فعل است از سوختنی چنانکه دوزی از سوختنی و توزی از سوختنی

С ū з й̄ - это из спряжения глагола "гореть", подобно тому, как д ū з й̄ от глагола "шить" и т ū з й̄ от глагола "накапливать".¹¹

Однако и при объяснении знаменательных слов лексикографы иногда приводят в словарной статье наблюдения грамматического характера. Вот один из примеров: автор фарханга отмечает различие в употреблении слов применительно к одушевленным объектам и к неодушевленным:

و غیش - بسیار و انبوه بود و استعمال این لفظ در جانوران نشاید کرد بلکه استعمال او در مال و پیشه و عمر و امثال آن کنند

В а г й̄ ш - "много" и "обильно", и не следует употреблять это слово при обозначении одушевленных, но напротив, его употребляют применительно к имуществу, предметам ремесла и быта и тому подобного.¹²

И вот еще один пример грамматического пояснения в словарной статье, где толкуемое слово - предлог:

زی - سوی و نزدیک و امر بنزیستن

З й̄ - "к" и "возле", и также повелительное наклонение к з й̄ с т а н (жить).¹³

Иногда ранние лексикографы приводят в тексте толкования этимологию толкуемого слова с грамматическими пояснениями. Например:

فیلسوف - حکیم و بخرد و گویند معنی فیلا دوست دارست
 و معنی سوف حکمت است معنی دوستدار حکمت و جمع فلاسفه
 بنیاد فیلا سوف بود و نسبت فلسفی آید

Ф а й л а с ъ ф - "мудрец" и "умный"; говорят, значение слова ф ѵ л а - любящий, а значение слова с ѡ ф - мудрость, в целом - "любящий мудрость", а множественное число - ф а л а с а ф е, основа слова - ф а й л а с ѡ ф, а относительное прилагательное получается ф а л с а ф ѵ - "философский".¹⁴

Попытки грамматического осмысления - хотя еще и весьма фрагментарные - характерны для всех фархангов XI-XV вв., однако степень интереса ранних лексикографов к грамматическим аспектам не одинакова. Как показало сравнительное изучение ранних толковых словарей языка фарси, особое место в этом плане занимает "Фарханг-и Зафāнгуйā". Мы видим в этом словаре, как нам уже доводилось отмечать,¹⁵ лексикологическую классификацию словарного фонда, с разделением его на слова простые и сложные, с выделением в особый раздел словаря инфинитивов, слов иноязычного происхождения и иноязычных оборотов. В составе самой словарной статьи лексикограф, как правило, дает помету о произношении гласных звуков толкуемого слова.

1. F. Tauer. Persian learned literature. - В кн.: Jan Rypka. History of iranian literature. Dordrecht, 1968, с. 429.

2. جلال الدين هانمى، دستور زبان فارسي، لغت نامه، ۱۰ (مقدمه)، تهران، ۱۹۵۵، ص ۱۱۸ و ۱۲۲؛ محمد معین، عوامل فساد لغت، ص ۱۰۱.

(Джалāl-ад-дйн Хумāйи. Дастūr-и забāн-и фāрсї, лугат нāме 40 (мукаддаме). Тихрāн, 1955, с. 118, 122; Мухаммад Му'їн. Авāмил-и фāsād-и лугат. Там же, с. 41).

3. صحاح الفرس تأليف محمد بن هندوشاه نخجواني باهتمام عبد العلوي طاعنى، تهران، ۱۳۴۱، ص ۲۲۳.

(Сихāх ал-фурс та'āлиф-и Мухаммад ибн Хиндушāх Нахчивāнї баихтимāм-и 'Абд ал-'Алї Та'атї. Тихрāн, 1341, с. 223).

4. لغت فرس اسدی طوسی بکوشش محمد دیرسیاهی، تهران، ۱۳۲۶، ص ۱
(Лугат-и ғурс Асадӣ Тусӣ бақӯшиш-и Муҳаммад дабӣр-сийākӣ.
Тихрāн, 1336, с. I).
5. Бадр ад-Дин Ибраҳим. Фарханг-и Зафāнгӯйā ва джахāнпӯйā
(словарь говорящий и мир изучающий). Факсимиле рукописи.
Издание текста, введение, список толкуемых слов, приложения
С.И.Баевского. М., 1974, с. ۴۵ .
6. Сихāх ал-ғурс, с. 188.
7. Сихāх ал-ғурс, с. 118.
8. Лугат-и ғурс, с. 69.
9. Лугат-и ғурс, с. 2; Сихāх ал-ғурс, с. 21.
10. Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и Зафāнгӯйā, с. ۵۹ .
11. Фарханг-и Зафāнгӯйā. Ксерокопия рукописи Библиотеки Сената
(Тегеран), № 527, л. 47а.
12. Сихāх ал-ғурс, с. 158.
13. Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и Зафāнгӯйā, с. 11.
14. Там же, с. 1۰۴ .
15. Там же, с. 58-63.

И.Н.Воевцкий

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕАРАВСКИХ ТЕКСТОВ-КАЛЕК

Тексты-кальки – специфическое явление в канонической религиозной литературе. Примеры таких текстов можно найти в переводной литературе любой конфессиональной группы. Наибольший интерес представляет историко-культурный аспект таких переводов, причины появления которых вполне объяснимы языковой и бытовой ситуацией той или иной конфессиональной группы: часть оригиналов подобных текстов переводить нельзя (священные книги), часть – можно, но ни те, ни другие в переводе в обычном понимании этого слова не нуждаются; читающий обязан пользоваться оригиналом, а сопровождающие оригиналы тексты на языке, повседневном для читающего, должны лишь помочь ориентироваться в оригинале.

Тем не менее тексты-кальки должны быть подвергнуты и лингвистическому анализу, в том числе – диалектологическому, ибо язык этих текстов – язык повседневный, просторечный. При таком анализе следует добиваться ответа на два вопроса: что представляет собой язык этих текстов, и как такие тексты могут (или не могут)

быть использованы лингвистами, в частности – диалектологами.

Ниже будет разобран вариант среднеарабского языка, называющийся иудейско-арабской калькой. В данной работе мы опираемся на терминологию и классификацию, разработанные Х.В.Сефиха.¹ За основу классификации взята конфессиональная принадлежность носителей языка. В каждой из конфессиональных групп выделяются языки канонические (языки священных книг) и агиоязыки, т.е. все прочие языки, употреблявшиеся носителями. Для иудейской группы каноническими языками являются древнееврейский и арамейский. Число агиоязыков в любой конфессиональной группе велико. Причины их появления различны в разных группах. В иудейской группе, отличающейся этнической однородностью, причиной явилась диаспора, где канонический язык утратил значение разговорного языка и употреблялся лишь как язык культовый и ученый. В роли разговорных языков выступали языки населения тех областей, где расселилась данная этническая группа.

Синтаксически и функционально агиоязыки делятся на два типа: местные (*vernaculaire*), построенные по законам языка, перенятого у местного населения областей расселения, и языки текстов-калек, ориентированные на законы канонического языка при лексическом и морфологическом подобии языку местного населения. Местный вариант употребляется в любой функции, калька же встречается только в письменной форме и только в переводных сочинениях. Её функция – ориентировать читателя в текстах культового или практического назначения на каноническом языке. Эти два типа агиоязыков взаимно проницаемы, они могут перенимать друг у друга характерные черты.

Каждый конкретный случай агиоязыка требует доказательств своего существования. Обнаружение иудейско-индоевропейской кальки не составляет большого труда. Иначе обстоит дело с арабским языком, близкородственным каноническим иудейским языкам. Для анализа был взят один из иудейско-арабских переводов популярнейшего сочинения "Pirqe 'abot", изданный в Багдаде в 5655/1895 г.² В подзаголовке указано: "im šarḥ 'arabī kēminhāg Baḡdād wa' aḡāfehā, т.е. "с арабским переводом, принятым в Багдаде и прилегающих областях". Издание содержит текст оригинала и огласованный перевод на "багдадский" диалект.

При сплошном сличении текстов оригинала и перевода обнаружилось следующее:

а) всякий раз вспомогательный глагол $yēš$ ³, не имеющий параллели в арабском, передан посредством *šawḡūd*, что не всегда соответствует нормам арабского языка;

б) притяжательная конструкция с $\bar{\text{el}}$ передается при помощи $\bar{\text{māl}}$ (что является полным соответствием, т.е. "то, что у"), сопряженное же состояние передается также сопряженным состоянием;

в) отрицательная конструкция $\bar{\text{ēn}}$ + личное местоимение или местоименный суффикс в роли подлежащего передается глаголом laʿaw , однако не в личных формах, как это характерно для арабского языка, а в ед.ч.м.р. + личное местоимение или местоименный суффикс, то есть как в оригинале:

$\bar{\text{ē}}\bar{\text{e}}\bar{\text{n}}\bar{\text{o}} \text{ mē'abbēd} // \text{illadī lēwō meṣayī}^{\text{c}}$ "который-не есть+он-теряющий"⁴,

$\bar{\text{ē}}\bar{\text{n}}$ $\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}} // \bar{\text{l}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{w}}$ $\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{t}}$ "не есть-ты";

г) причастие в значении настоящего времени и по-арабски передано причастием;

д) пассивной форме с префиксом n- (nif'āl) обычно соответствует аналогичная "седьмая" основа арабского языка (с префиксом $\bar{\text{in-}}$), даже у тех глаголов, для которых она неупотребительна;

е) сохраняется управление оригинала:

$\bar{\text{b}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{d}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{w}}\bar{\text{ī}}\bar{\text{d}} \text{ hū } \bar{\text{o}}\bar{\text{m}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{r}} // \bar{\text{b}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{d}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{w}}\bar{\text{ī}}\bar{\text{d}} \text{ hū } \text{yīqūl}$ "с+Давид-он-говорящий// говорит",

$\bar{\text{l}}\bar{\text{o}} \text{ yāṣīṣ mē'āwōṭ} \bar{\text{r}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{ī}} // \bar{\text{l}}\bar{\text{a}}\bar{\text{m}} \text{ yīzūl min yīṣṣā}^{\text{c}} \text{ taṣṣā}$ "не-удаляет-от-делать-плод//не-удаляет-от-делает-плод" (вместо $\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}\bar{\text{m}} \text{ yīzūl yīṣṣā}^{\text{c}}$; кроме того это - обращение к дереву, которое в арабском языке - ж.р., глагол же - как в оригинале - в м.р.);

ж) сохраняется согласование оригинала (см. предыдущий пример);

з) сохраняется порядок слов оригинала:

$\text{ma nā'ē } \bar{\text{ī}}\bar{\text{lān}} \text{ ze} // \bar{\text{ē}}\bar{\text{ṣ}} \text{ lāyēqā } \bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \bar{\text{ṣ}}\bar{\text{ī}}\bar{\text{grā}} \text{ hādī}$ "что-красивый//красивая-дерево-этот" (вместо $\text{hādī } \bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \bar{\text{ṣ}}\bar{\text{ī}}\bar{\text{grā}}$);

и) калькируются фразеологизмы:

$\bar{\text{b}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{ō}}\bar{\text{lā}}\bar{\text{m}} \text{ hazze} // \bar{\text{f}}\bar{\text{ī}} \bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \text{ dūnyā hādī}$ "в+мир-этот//в-этот мир-этот" (вместо $\bar{\text{f}}\bar{\text{ī}} \bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \text{ dūnyā}$),

$\bar{\text{ō}}\bar{\text{lā}}\bar{\text{m}} \text{ habbā} // \bar{\text{d}}\bar{\text{ū}}\bar{\text{n}}\bar{\text{yā}}\bar{\text{t}} \bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \text{ gāyā}$ "мир-грядущий" (вместо $\bar{\text{e}}\bar{\text{l}} \bar{\text{ū}}\bar{\text{h}}\bar{\text{rā}}$),
 $\text{yīhyū } \bar{\text{b}}\bar{\text{ē}}\bar{\text{ō}}\bar{\text{ne}}\bar{\text{kā}} \text{ kirēṣā'īm} // \text{yīkūnōn bi } \bar{\text{ē}}\bar{\text{y}}\bar{\text{ū}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}\bar{\text{k}} \text{ kidālēmīn}$

"будут-в+глаза+твой-как+нечестивые",

$\text{ben hameṣ } \bar{\text{ṣ}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{n}}\bar{\text{īm}} // \text{ibin hameṣ sinīn}$ "сын-пять-годы",

$\bar{\text{ā}}\bar{\text{bānīm}} \bar{\text{t}}\bar{\text{ō}}\bar{\text{b}}\bar{\text{ō}}\bar{\text{t}} // \bar{\text{h}}\bar{\text{ī}}\bar{\text{ḡ}}\bar{\text{ār}} \text{ ḡayīdāt}$ "камни-хорошие", т.е. "драгоценные (вместо karīma).

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в обнаружении иудейско-арабского текста-кальки. Можно теперь попытаться определить понятие текста-кальки и калькированного перевода.

Язык текста-кальки есть язык мнимый. Это - полуфабрикат, заготовка, которая только в сознании читающего превращается в язык истинный, т.е. местный. Аналогично, калькированный перевод не

есть по сути перевод, но заготовка, пользуясь которой в сочетании с текстом оригинала, читатель в своем сознании довершает перевод.

Таким образом и на арабском материале обнаруживаются явления, идентичные тем, которые наблюдаются на материале индоевропейском: испанском, персидском и т.д. Остается выяснить, что может дать лингвисту иудейско-арабский текст-калька. Заниматься структурой "языка" такого текста бессмысленно: это значило бы анализировать структуру языка оригинала. В какой-то мере интересен механический процесс: какими средствами арабского языка переданы те или иные языковые средства древнееврейского или арамейского языка. Более интересен иной аспект, который можно парадоксально назвать выявлением арабизмов в этом арабском "языке". Приведем примеры из нашего текста. Сюда относятся:

а) уточнения:

mōve// mūsā 'istādā или mūsā siyīdnā 'ilēh 'el silām "Моисей, господин наш, да будет мир над ним",
sīnāy//gābāl sīnāy "гора Синай",
haššēm// 'isim rab 'el samā "Имя Господина неба",
šamayim//rab 'el samā "небеса//Господин неба";

б) вокатив, отсутствующий в языке оригинала:

haḳāmīm//yā 'ulāmā "о мудрецы"
āmar lī ribbī//qāl lī yā 'astādī "он сказал мне: о мой учитель"

в) фразеологизмы:

kol yāmāy//tūl 'imrī "все мои дни// всю жизнь";

г) несовпадение определенного и неопределенного состояния:

lizēqēnīm//lī 'el šiyūh "старцам"
'ōzen šōma'at// 'edin 'el samē'ā "ухо слышащее"
yēser hārā'//hātir ridī "ум зла";

д) несовпадение перфекта и имперфекта:

biṭṭaltā//tibatīl "ты отменил//отменяешь" и т.д.

Могут ли такие тексты дать материал диалектологу? Полностью такая возможность не исключается, но во всяком случае к ним следует подходить с большой осторожностью. Основной интерес здесь представляет фонетический уровень; правда, необходимо помнить о специфике передачи арабских звуков еврейским письмом. Некоторый интерес эти тексты представляют и на морфологическом уровне, хотя всегда есть опасность принять морфологическую кальку за диалектизм. На уровне лексики и синтаксиса тексты-кальки мало (если вообще) пригодны для диалектологических исследований.

Основное же значение иудейско-арабского текста-кальки совсем в другом. Когда мы обращаемся к тексту-кальке на лобом иудейском

агиоязыке, мы всегда обнаруживаем набор одних и тех же лингвистических явлений. Поэтому, идя от конкретных случаев к обобщению, мы сможем восстановить типологию строения любого иудейского агиоязыка, иудейского агиоязыка вообще, а в конечном счете — любого конфессионального агиоязыка.⁵

-
1. Достаточно упомянуть три работы: H.V.Septhia. *Ladino (judéo-espagnol calque) et commentateurs.*—Revue de l'Histoire des Religions, 1975, t.188, N 4, с.117-128; он же. *Judéo-espagnol.*—Ecole Pratique des Hautes Etudes. 4 Section. *Annuaire 1975-1976*, Paris, 1976, с.249-257; он же. *Théorie du ladino: additifs.*— *Mélanges offerts à Ch.-V.Aubrun*, Paris, 1975, t.2, с. 255-284.
 2. פֿרָקִי אַבוֹח עוּ פֿרָקִי טרַבִי כַמְזֵל ק"ק בַּגְדָאד וְאֵפִיפּה. בַּגְדָאד וְאֵפִיפּה.
(Пиркѣ 'авѳт. Багдад, 1895).
 3. Транскрибируя арабский текст, записанный еврейским шрифтом, мы придерживались норм, принятых для транскрипции текстов на древнееврейском языке, но со следующими отклонениями: тав и далет не независимо от позиции переданы соответственно t и d, каф без даггеш передан как h, гимел всюду передан g, кроме тех случаев, когда ему придан "апостроф", тогда он передается как ġ, ĩ мы использовали лишь при наличии вспомогательного йод.
 4. Для наглядности мы даем пословный русский перевод.
 5. Cp. J.P. Ashussen and H.H. Herbert. *The Song of Songs in Judeo-Persian.* København, 1977, с.10.

В.И.Гохман

О ВРЕМЕНИ РАЗДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВ БИРМАНСКОГО И МАРУ И ПЕРЕСЕЛЕНИИ БИРМАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ БИРМЫ

Мару — тибето-бирманская этническая группа, населяющая территорию северной Бирмы. Большинство этнографов считает, что в настоящее время мару входят в состав качинского этноса, основную массу которого составляют группы, говорящие на языке цзинпо. Однако языки мару и цзинпо, хотя и родственны, но очень далеки друг от друга в генетическом отношении. В генеалогической классификации Р.Шейфера язык цзинпо составляет особую ветвь бирманской группы языков,¹ а язык мару относится к бирманской ветви бирманской группы тибето-бирманских языков.² Иными словами, мару — ближайшие родственники бирманцев, во всяком случае, в языковом отношении. Многие исследователи полагают поэтому, что мару — это остатки прото-

бирманцев, сохранившиеся в северной части Бирмы после миграции основной их массы в долину р.Иравади.³

Если это так, то вычисление времени расхождения языков бирманского и мару по методу М.Сводеша интересно с двух точек зрения. Во-первых, оно может служить проверкой самого метода. Во-вторых, ввиду фрагментарности исторических данных о Бирме периода переселения протобирманцев, такое вычисление полезно для подкрепления гипотезы миграции последних.

Основой для сопоставления языков послужил исправленный список М.Сводеша (100 слов) со следующими изменениями: слова "весь, кора, кусать, гореть, коготь, лежать, зерно, мы, теплый", к которым трудно подобрать точные эквиваленты, были заменены словами основного списка Сводеша: "далеко, тяжелый, близко, соль, короткий, змея, толстый, тонкий, ветер".⁴ Материал по языку мару был заимствован из работы Р.Берлинга.⁵ В отождествлении слов мару с бирманскими я следую работе У Хла Пе.⁶ Добавленные лексемы основного списка Сводеша отсутствуют в статье Р.Берлинга и поэтому взяты из статьи У Хла Пе. Они обозначены буквой а, следующей за номером слова. Слова мару даются в транскрипции Р.Берлинга, бирманские слова (б) - в транскрипции У Хла Пе.

Слова, совпадающие в бирманском и мару:

	мару	бирманский
3. кора	sak gauk	khau?
4. живот	win tu	wuŋ
5. большой	ʔʔi	ei
6. птица	nʔoʔ	hnɛʔ
8. черный	ɛnòʔ	nɛʔ
9. кровь	śā	θwe
10. кость	ś)-ʔuk	()yo
11. грудь	rawng	yiŋ
13. коготь	lòʔ sāŋ	lɛʔ θɛ
16. приходить	li	la
17. умирать	śit	θe
19. пить	śok	θauʔ
20. сухой	ək ʔyok	chauʔ
21. ухо	no	na
22. земля	myit	mye
23. есть	twō	sa
24. яйцо	(dō) ʔáw	u
25. глаз	myòʔ	myɛʔ
25а. далеко	waru	we
26. жир	təhaw	shi

27. перо	mùk	twe
28. огонь	mí	mí
29. рыба	ŋō	ŋa
32. целый	pyán	pye
36. волосы	tshin	shañ
37. рука	lò?	lɛ?
38. голова	aw	aū
39. слышать	kyo	ça
40а. тяжелый	la(ru)	le
41. рог	khyù?	jo
42. я	ŋo	ŋa
43. убивать	sé?	θa?
45. знать	sè ru	θi
46. лист	paw	phə
48. печень	sāŋ	θi
49. длинный	?an	ʒi
51. мужчина	yòk-Kay	yau?
53. мясо	sō	θa
54. луна	l?o	la
56. рот	n?ay	hnou?
57. имя	maŋ	myi
57а. близко	ne	ni
58. шея	laŋ tsaŋ	li
59. новый	ə sak	əθi?
61. нос	n?ò	hna
62. нет	m ə	m ə
63. один	tà	ti?
65. дождь	mùk-ǝ̀	ywa
66. красный	ənè	ni
69. круглый	laŋ	louŋ
69а. соль	tsaw	sha
72. видеть	myà	myiŋ
74. сидеть	tsòŋ	thain
75. кожа	sə̀ it	ye
76. спать	yap	ei?
77. маленький	əŋay	n ə
79. стоять	t?oye?	ua
80. звезда	k?i	c ɛ
84. хвост	ǝami	mi
85. тот	tho	tho
85а. плотный	tau ru	thu
85б. тонкий	paw	pa

87. ты	naw	niŋ
88. язык	ʃo	ʃa
89. зуб	tsò	ʃwa
90. дерево	sák tsàŋ	ʃi
94. вода	ʃit	ye
96. что	pʔé	phyu
97. белый	əphyu	phyu
98а. ветер	la	le

Слова, не совпадающие в бирманском и мару:⁷

2. зола: mīʔar; 14. облако: cʔəm ; 15. холодный: ky0ʔ ; 18. собака: ləkħā ; 30. летать: ta ; 31. нога: khyit ; 33. давать: pit; 34. хороший: kàŋ; 35. зеленый: ənyùʔ ; 40. сердце: khùm ; 44. колено: pʔat lok ; 50. вощь: ʃin; 52. много: kyàŋ ; 55. гора: pəm ; 60. ночь: mī ; 64. человек: su; 67. дорога: khyò tan ; 68. корень: sák ky1
70. песок: mǎ chǎ ; 71. сказать: cʔaw ; 81. камень: lǎktsàn; 82. солнце: pǎ ; 83. плавать: ʃéʔ ; 86. этот: chê ; 91. два: ʃít; 93. теплый: lām ; 98. кто: khuk ; 99. женщина: mǎ ʃe ; 100. желтый: əpǎ

Из ста слов списка в языках бирманском и мару совпадает 70. Согласно этой цифре, разделение бирманского и мару относится к началу IX века, что соответствует теории Г. Льюса о времени переселения протобирманцев на территорию Бирмы.⁸

-
1. R. Shafer. Introduction to Sino-Tibetan. P.1. Wiesbaden, 1966, с.4; См. также R. Burling. The Historical Place of Jinghpau in Tibeto-Burman.- Occasional Papers of the Wolfenden Society on Tibeto-Burman Linguistics. Vol.11. The University of Illinois. Urbana, 1971, с. 1-54.
 2. Shafer, там же, с. 4-5.
 3. H.R. Davies. Yun-nan: the Link between India and the Yangtze. Cambridge, 1909; G.H. Luce. Old Kyukse and the coming of the Burmans.- JBRS. Vol. 42, 1959, с.78.
 4. Напомним, что вычисление времени расхождения производится по формуле: $t = \log c : 2 \log r$, где t - время, в течение которого происходило независимое развитие; c - процент сохранившейся в языках общей лексики; r - коэффициент сохраняемости (для исправленного списка М. Сводеша - 86%).
 5. Burling, там же.
 6. H.Hla Pe. Some cognate words in Burmese and other Tibeto-Burman Languages. 1. Maru.- Journal of the Burma Research Society. Vol. 53, 1970.
 7. В целях экономии места приводятся только слова языка мару.
 8. Luce, там же.

ФРАГМЕНТ ИЗ РАССУЖДЕНИЙ АБУ-Л-ФАРАДЖА ХАРУНА ИБН АЛ-ФАРАДЖА
О МОРФОЛОГИИ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

Из наших предшествующих публикаций известно, что после того, как Йехуда бен Давид Хаййудж открыл закон о составе древнееврейского глагольного корня, караимский языковед, житель Иерусалима, Абу-л-Фарадж Харун ибн ал-Фарадж создал описание языка, исходя из грамматических принципов, противоречащих идеям Хаййуджа. Наиболее пространным и, повидимому, наиболее важным сочинением Абу-л-Фараджа было $\text{ספר חרונים על לשון קודש}$ 'Книга, объемлющая основы и производные древнееврейского языка' ("Ал-Китаб ал-Муштамил..."). Оно было написано в 1026 г. и вышло из употребления, по нашим наблюдениям, в 14-15 вв. В настоящее время автор этих строк комплектует сводный текст этого фундаментального труда XI в., положив в основу пачки фрагментов из двух рукописей (А - XII в. и Б - XIV в.), которые хранятся в государственной Публичной библиотеке им.М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Нижеследующее сообщение основано на материале третьей части сочинения, которая посвящена буквам еврейского алфавита. В одном из разделов (לשון) этой части (рук. А, л. 121а, стрк II и далее и рук. Б, л. 195а и 195б) мы читаем: "Знай, что известное понятие לשון 'производить действие литья' имеет два ряда спряжений (לשון לית): первый, более известный [ряд] имеет три корневые буквы (= согласные), а [буква] йод в словах это первая буква глагола, имеющая корневое значение подобно [букве] ו в арабском [глаголе] لطف . Например, ליתו לית (Ez 24,3); ליתו לית (Lev 2,1); ליתו לית (Lev 2,6); ליתו לית (2R 3,11); ליתו לית (Lev 14,26); ליתו לית (IR 18,34); ליתו לית (2R 4,40) и другие. А второй менее известный [ряд] имеет две корневые буквы (= согласные) без йода, например: לית לית (2R 4,41); לית לית (Jes 44,3); לית לית (Pv 45,3). Это другой глагол. Те, которые занимаются грамматикой на Востоке, считают корневыми только [буквы] ל и ת . А Иахйа бен Давуд с Запада (т.е. Йехуда бен Давид Хаййудж), 'да помилует его Бог', отвергает это [положение] и говорит, что [буква] йод сокращена в слове לית , о чем свидетельствует удвоение в [слове]. В действительности должно быть לית , но йод ассимилировался (לית). Или говорят, что буква йод преобразовалась в букву вав в [форме] לית подобно букве йод в словоформе לית , которая преобра-

зовалась в вав в [слове] *לִפְיָן*, что невозможно по мнению восточных грамматистов ."

Данный небольшой раздел текста дает нам возможность сделать следующие выводы.

1) Алū-л-Фарадж Харун выделяет для одного лексического понятия *לִפְיָן* 'производить действия литья' два корня, из которых один трехсогласный *לִפְיָן*, а второй двухсогласный *פִּי*. Для его предшественников, авторов этимологических словарей древнееврейского языка Давида бен Абрахама ал-Фāси² и Мёнахёма бен Сарука³ (середина X в), существовал в данном случае только двухсогласный корень *פִּי*. В сочинениях Хаййуджа, третьего предшественника иерусалимца, словоформы *לִפְיָן*, *פִּי*, *לִפְיָן*, *פִּי*, *לִפְיָן* помещены в ячейке трехсогласного корня *לִפְיָן* как производные этого корня. Двухсогласного глагольного корня, как известно, Хаййудж не признавал.

2) Вновь подтверждается, что караимский грамматист знал сочинения Хаййуджа, но его основополагающее положение о трехсогласном составе корня Алū-л-Фарадж не принял. Он не признает возможности ассимиляции согласных букв (т.е. фонем), а корневыми согласными считает только согласные, имеющиеся во всех словоформах данного корня.

3) Положение Алū-л-Фараджа о том, что одно общее понятие представлено трехсогласным и двухсогласным корнями, легло, видимо, в основу его оригинальных парадигм глагола без учета лексико-грамматической категории "породы". Взамен глагольных парадигм, объединяющих словообразовательные и словоизменительные ряды⁵, Алū-л-Фарадж создал отдельные словоизменительные ряды (= парадигмы) на основе структурно разных, по его мнению, корней. Там, где у Хаййуджа и у его последователей (Ибн Джанāх, Самуил ха-Нагид, Абрахам ибн 'Эзра, Қимхиды и др.) глагольные словоформы характеризуются как словоформы одного корня, но разных пород, у Алū-л-Фараджа и его приверженцев⁶ словоформы трактуются как разные корни, имеющие свои самостоятельные словоизменительные ряды (= парадигмы).

1. См. М.Н.Зислин. Из истории восточной грамматической науки в XI в. (О двух направлениях в изучении древнееврейского языка). ПП и ПИКНВ, XI, ч.П. М., 1976, с. 50.

2. S.K.Skoss. The Hebrew-Arabic Dictionary of the Bible. New Haven, 1945, с. 527-528.

3. H.Pilipowski. The First Hebrew Chaldaic Lexicon to the Old Testament Compiled in the Tenth Century by Menahem Ben Saruk. London-Leipzig, 1854, с. 152.

4. M.Jastrow. The Weak and Geminative Verbs in Hebrew by Abu Zakariyya Yahyf ibn Dawud . Leyde, 1897, с.57.
5. И.М.Дьяконов. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 256; М.Н.Зислин. Абӯ-л-Фарадж Харӯн о спряжении еврейского глагола. Краткие сообщения института народов Азии. 86. М., 1965, с.164-177.
6. М.Н.Зислин. Об одной оригинальной системе грамматики еврейского языка (XI-XII вв.).- История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 17-31.

Г.А.Зограф

ДВА ЗАМЕЧАНИЯ К ГРАММАТИКЕ ЯЗЫКА ПАРЬЯ

Светлой памяти
Иосифа Михайловича
Оранского

Одним из самых поразительных событий в индийском языкознании послевоенных лет явилось обнаружение И.М.Оранским в начале 1950-х гг. на территории Таджикской ССР ранее неизвестного новоиндоарийского языка, который был назван им парья (по самоназванию носителей). Изучением этого языка И.М.Оранский занимался до последних дней своей жизни, именно его трудам, а также наблюдениям индолога Т.И.Оранской, продолжившей дело отца, мы обязаны всей имеющейся ныне в распоряжении науки информацией относительно парья. Предлагаемые ниже заметки основываются целиком на материале основной публикации Иосифа Михайловича, выход которой в свет уже не застал его в живых.¹ Названное издание помимо прекрасного корпуса текстов (с. 93-237) содержит полный, исчерпывающе документированный словарь к ним (с. 239-438) и очерк грамматики и лексики парья (с. 43-91). Приводимые И.М.Оранским в словаре и грамматике удачно подобранные параллели из родственных языков Индии касаются главным образом материальных соответствий. Между тем в собранном им материале можно обнаружить и любопытные системные соответствия, полезные как в плане интерпретации самих явлений, так и для уточнения типологических и генетических связей парья с родственными индийскими языками, остающихся поныне не вполне ясными (ср.И.М.Оранский, с. 43). Остановимся на двух из них.

I. Локативная форма на -а.

Формант -а истолкован И.М.Оранским как последлог, эквивалентный локативному последлогу -ма: "Последлоги -а и -ма служат показателями:

1) места действия...; 2) времени действия ...; 3) направления действия..." (с. 50). Однако сопоставление с родственными языками заставляет подозревать здесь не послелог, а рудимент старого флективного падежа - локатива. Это подозрение подкрепляется характерными ограничениями дистрибуции показателя -а - он сочетается только с исконными индийскими и несколькими обиходно важными иранскими лексемами (kar-a 'в доме', 'дома', kam-a 'на работу', rat-a 'ночью'; также dašt-a 'в степь', bazar-a 'на базар' - с. 249; единственное исключение - adres-a 'адрес' в значении прямого дополнения - сомнительно). Немногочисленные словоформы такого рода, нередко лексикализовавшиеся как наречия или послелоги (ср. в связи с этим замечание И.М.Оранского относительно отыменных послелогов, образуемых с помощью этого -а, - с. 250), наблюдаются в большинстве новоиндоарийских языков (в хинди, например, такой локатив сохранился в "нулевой" форме: ghar jānā 'идти домой', ghar rahnā 'оставаться дома').

Но особенно показательно здесь, на наш взгляд, различие в порядке следования формантов при оформлении имени местоименной энклитикой притяжательного значения: -а неизменно предшествует энклитике (hat-a-se 'в его руке', rost-a-se 'в ее чреве', kar-a-se 'в его дом' - с. 64, ср.с. 40I), тогда как -та и все другие послелоги неизменно следуют за ней (mo-se-ta 'у него во рту', havli-se-ta 'в их дворе'; ср. также beta-se-ko на 'имя его сына', kale-se-ta 'его голову', aba-se-na 'их отец' и т.п. - с. 40I). Это свидетельствует не только о непослеложной природе форманта -а, но и о том, что "выравнивания" его здесь по общему послеложному типу, как это имело место с некоторыми первоначально флективными показателями в других индоарийских языках, еще не произошло.³

2. Окончания настоящего-будущего времени.

И.М.Оранский дает следующую систему личных окончаний настоящего-будущего времени изъявительного наклонения (с.68):

	единственное число	множественное число
1-е лицо	- ūi, -ū(n), - aī	-aī, -aī
2-е лицо	- aī	-au (-au ŋo ?)
3-е лицо	- aī	-ī (-in') ŋ ^h i

и обращает внимание на дифтонгиальный характер большинства окончаний и на появление вспомогательного глагола-связки в формах 2-го (под вопросом) и 3-го лица множественного числа (с. 67).

Действительно, асимметрия последних двух форм бросается в глаза и наводит на размышления. Во всех родственных языках Северной Индии соответствующая парадигма представлена аналитическими формами: сочетанием причастия несовершенного вида со спрягаемыми форма-

ми глагола-связки (хинди: *māi jātā hū* 'я иду' и т.д.). В гуджарати, раджастхани и диалектах пахари причастный компонент этих аналитических форм замечен спрягаемой формой сослагательного наклонения, развившейся из старого синтетического презенса (гуджарати: *hū āvū chū* 'я прихожу' и т.д.).

Наличие в парья наряду с $\check{\epsilon}^H$ еще одного, неспрягаемого "глагола-связки $-i$ (после гласного исхода $-\dot{i}$)" (с. 71) позволяет предположить, что приведенные выше окончания образованы сочетанием первичных (флективных) окончаний сослагательного наклонения (они в парья малоупотребительны, и полная их парадигма в доступных текстах не воспроизводится, но для наших целей достаточно и приводимого И.М.Оранским окончания 3-го л. ед.ч. $-a$, - см. с. 250) с этим вспомогательным глаголом-связкой $-i$. Функциональная равнозначность обеих связей подтверждается примером: *ō rādāāi, me rādāā č^Hū* 'он падишах [и] я падишах' (с. 133).

О возможности использования связки $-i$ в аналитических формах презенса свидетельствует джайсалмерский говор марвари (диалекта раджастхани), имеющий парадигму:⁴

	единственное число	множественное число
1-е лицо	<i>hū javā-i</i>	<i>mhe javā-i</i>
2-е лицо	<i>thū javε-i</i>	<i>the javo-i</i>
3-е лицо	<i>o javε-i</i>	<i>o javε-i</i>
ср. в диалекте караути более обычные формы: ⁵		
1-е лицо	<i>mū jāū chū</i>	<i>mhe javā chā</i>
2-е лицо	<i>thu javz chz</i>	<i>the javo cho</i>
3-е лицо	<i>u javz chz</i>	<i>vz javz chz</i>

Возможность контаминации обеих форм связки в одной парадигме отнюдь не исключена. Но главным аргументом в пользу нашего предположения об аналитическом (по крайней мере по происхождению) характере рассматриваемых форм в парья служат их регулярные отрицательные корреляты, опирающиеся точно так же, как в гуджарати и раджастхани, не на спрягаемую форму значащего глагола, а на причастие несовершенного вида, например: *maré-nala yaké ya jāvāi, yaké ni jāta?* 'едет она с нами или не едет?' (ср. также: *karūi* '[я] делаю' - *ni-kartu* 'не делаю', - с. 328; *duvai* '[ты] даешь' - *deta ni* 'не даешь', - с. 286; *lagāi* 'касается', 'прилегает' - *indar āk ni-laktāi* 'дрова не разгоряются', - с. 347; *kaī č* '[они] едят' - *kaini ni-khāta* 'почему [вы] не едите?' - с. 344).

Таким образом и здесь типология отношений внутри микросистемы указывает наиболее вероятную этимологию составляющих ее форм, а обнаруживаемые при этом материальные соответствия дают направ-

ление поиску генетических связей.

-
1. И.М.Оранский. Фольклор и язык гиссарских парья. М., 1977 (ссылки даются на страницы).
 2. Ср.: Г.А.Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976, с. 92 (§ 80).
 3. Там же, с. 95-97 (§ 85).
 4. W.S.Allen. Notes on the Rajasthani verb.- Indian Linguistics. Vol. 21(отд. оттиск, с. 2).
 5. Там же, с. I.

И.Квонг

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО ВОПРОСА В ЯЗЫКЕ РОМАНА "ЖУЛИНЬ ВАЙШИ"

Язык романа "Жулинь вайши" (середина ХУШ в.) представляет собой переходную форму от среднекитайского к современному языку. Язык этого романа имеет свои особенности. В этом плане заслуживают внимания средства выражения общего вопроса.

В данной статье мы рассматриваем следующие типы вопросительных предложений: 1) предложение с альтернативным вопросом, выраженным постановкой рядом двух взаимоисключающих утверждений; 2) вопросительное предложение, в котором вопрос выражается сопоставлением утвердительной и отрицательной форм сказуемого; 3) предложение с вопросительной частицей 麼 ма в конце и 4) вопросительное предложение, на письме совпадающее с повествовательным, но отличающееся интонацией. Что же касается вопросительных предложений с вопросительными словами, т.е. вопросительными местоимениями и вопросительными местопредикативами - это частный или специальный вопрос, которого мы здесь касаться не будем.

1. Два предложения, связанные в одно сложное и исключаящие друг друга по смыслу, образуют предложение альтернативного вопроса. Как и в текстах периода Сун-Юань, в "Жулинь вайши" в альтернативном вопросе конечные модальные частицы как правило не употребляются (один раз случайно встретился пример с конечной модальной частицей 呢 ни). В современном языке такое предложение всегда оформляется конечными модальными частицами 呢 ни или 啊 а /4, 205; 5, 16/ обычно между предложениями употребляются частицы 是 ши и появившаяся в эпоху Сун-Юань 還是 хайши.

Если в текстах периода Сун-Юань, кроме соединительных слов ши

и хайши, употребляются еще и 却是 цюэши, 却 цюэ, 只是 чжиши, 也是 эши, 可是 кэши (правда, эти служебные слова не являются обязательными), то в "Жулинь вайши" используются только современные ши и хайши (хай). Этот тип вопроса встречается нечасто. Слово ци во всех имеющихся примерах употребляется перед обеими частями предложения. Что касается хайши, то оно может стоять как перед обеими частями, так и перед одной какой-нибудь частью предложения. Примеры: 象位先生所講中進士, 是為名? 是為利? Чжунвэй сяньшэн со цзян чжун цзиньши, ши вэй мин? Ши вэй ли? 'Вы все почтенные, говорите о получении степени цзиньши, ради славы или ради выгоды?' (176)^x; 你又孤身一人, 在客艙內, 還是少了你喫的, 穿的? Ни ю гушэнь и жэнь, цзай кэхэ-нэй, хайши шаоляо ни чи-ды, чуань-ды? 'Ты же живешь один, в нашей компании /все будет обеспечено/, или тебе не хватает пищи, одежды?' (22); 但是我還是坐在外面做了文章傳遞, 還是竟進去替他考? Даньши во хайши цзо цзай ваймянь цзоляо вэньчжан чуаньди, хайши цзин цзиньшуй ти та као? 'Но вот только мне или, сидя возле /экзаменационного зала/, написать сочинение и передать ему, или пойти за него экзаменоваться?' (192).

Один раз в просмотренной части текста встретился пример с соединительным служебным словом хай: 你此時心裏可還想着讀書上進? 還想着家去看看尊公麼? Ни цы ши синь-ли кэ хай сяньчжэ дуншу шанцзинь? Хай сяньчжэ цзя цюй канькань цзуньгун ма? 'В данный момент Вы или думаете об учении и экзаменах или мечтаете поехать домой проведать отца?' (156).

2. В каньских пьесах и в современном языке полная форма повторного вопроса обычна, а в "Жулинь вайши" эта форма не распространена (всего семь раз в просмотренной части текста). В данной конструкции пять раз употребляется отрицание 不 бу, при этом обычно глагол оформлен суффиксом 得 дэ. В просмотренной части текста такая конструкция чаще употребляется в косвенном вопросе, чем в прямом. По одному разу используются отрицательные глаголы 無 у и 沒 мэй. В каньских пьесах между частями повтора чаще всего присутствует либо частица 也 е (也是 эши), либо (в стихах) 那 на и 也那 е-на. В исследуемом памятнике полная форма не отличается от таковых в современном языке - части повтора непосредственно следуют друг за другом (такие случаи повторного вопроса только несколько раз встретились в каньских пьесах) /1, 219/. Встретились два примера, где между частями повтора вместо частицы е употребляется союз 與 юй. Сама частица е встретила всего один раз. Вопросительно-выделительная

^x Ссылки даются на страницы издания [6/].

частица 是也不是 ши е бу ши, появившаяся в юаньских пьесах [1, 223], употребляется в современном языке без частицы е: ши-бу-ши [2, 66; 5, 17]. В "Жулинь вайши" ни та, ни другая форма не отмечена. Приведем примеры: 在下倒有一个主意, 不知行得行不得? Цзай ся дао ю игэ чжун, бу чжи синдэ синбудэ? 'Мне в голову пришла одна мысль, только не знаю, годится /она/ или нет?' (32); 未知事體做得來與做不來 ... Вэй чжи шити цзодэлай юй цзобудай.. 'Еще неизвестно, удастся ли что-нибудь сделать или нет.' (94); 他不管娘子肯與不肯 ... Та бугуань нянцэн кэнь юй букэнь... 'Для него все равно, согласна или не согласна жена.' (197); 查... 本人有功名沒功名 Ча... бэнь кэнь ю гунмин мэи гунмин 'Велели/проверить... есть ли у этого человека заслуги или нет.' (94).

В следующем примере между частями повтора стоит частица е, как в текстах предшествующего времени: 你道奇也不奇? Ни дао ши е бу ши? 'По-твоему, /это/ странно или нет?' (175).

В текстах периода Сун-Юань в неполной форме повторного вопроса участвует целый ряд отрицаний бу, фоу, у, вэй и появившиеся в эпоху Сун-Юань буцэн и вэйцэн. В "Жулинь вайши" отмечено лишь отрицание фоу, причем оно употребляется исключительно в косвенном вопросе (в начале предложения стоит 不知 бу чжи или 未知 вэй чжи "неизвестно") - 4 раза в просмотренной части текста. Для современного языка эти отрицания (кроме бу) не характерны. Современное отрицание 沒有 мэю, встречающееся в основном в неполной форме повторного вопроса, не отмечено ни в текстах периода Сун-Юань, ни в исследуемом памятнике. Приведем примеры на отрицание фоу: 不知嚴貢生告狀得准否 ... Бу чжи Янь гуншэн гаочжуандэ чжунь фоу ... 'Неизвестно, утвердили ли жалобу Яня или нет ...' (68); 未知匡超人這一考得進學否 ... Вэй чжи Куан Чао-жэнь чжэи као дэ цзиньсье фоу, .. 'Неизвестно, получит ли Куан Чао-жэнь на этот раз ученую степень или нет, ...' (167).

3. Конечная модальная частица ма, образующая вопрос, встречается уже в текстах эпохи Тан (танские юйлу) [3, 22]. Она также часто употребляется в "Жулинь вайши" и в современном языке. Это самый распространенный тип предложений общего вопроса (29 раз), например: 我們可以商量個道理教得此人麼? Вомэнь кэи шанлян гэ даоли цзюдэ цы жэнь ма? 'Сможем ли мы придумать что-нибудь, чтобы спасти этого человека?' (94); 姑老爺鬍子也全白了麼? Гулаоэ хуцзы е цзань байлэ ма? 'Борода уважаемого зятя тоже уже совсем побелела?' (113).

Модальная частица ма употребляется также для выражения риторического вопроса. Такое предложение характеризуется наличием от-

рипация 不 бу перед сказуемым или отрицательной связкой 不 是 бу ши, например: 先生難道不知道麼? Сяньшэн наньдао бу чжидао ма? 'Вы, учитель, разве не знаете /об этом?/' (II6); 這不是傷麼? Чжэ бу ши шан ма? 'Это разве не рана?' (I38).

В редких случаях частица ма употребляется в предложениях, содержащих сян "думаю" и ни дао "по-твоему", которые здесь, как и в текстах периода Сун-Юань [1, 209], используются как вводные слова. Например: 小公子想也長成人了麼? Сюо гунцзы сян е чжанчэнла жэнь ла ма? 'Маленький господин, думаю, уже вырос?' (92); 我方纔這些話, 你道我不出本心麼? Во фанцай чжэсе хуа, ни дао во бу чу бэньсинь ма? 'Сказанные мною слова, по-твоему, не от чистого сердца?' (I42).

4. Предложения общего вопроса, вопрос в которых выражен посредством интонации, из текстов периода Сун-Юань распространены только в "Шуй ху чжуань" (А) и юаньских пьесах, обычны в "Жулинь вайши" и в современном языке. На письме они не отличаются от повествовательных предложений, например: 你離家數百里, 來省做這件道路? Ни ли цзя шу бай ли, лай шэн цзо чжэцзянь даолу? 'Ты ушел из дома на несколько сотен ли и пришел в провинцию, чтобы встать на этот путь?' (I55).

В текстах предыдущего периода в вопросительных предложениях этого типа можно встретить слово 真個 чжэньгэ "действительно", "в самом деле", в "Жулинь вайши" в таком вопросительном предложении могут быть такие слова, как 想 сян (8 раз), 不知 бу чи (6 раз), 怕 па (2 раза в просмотренной части текста), которые возможны и в предложениях с вопросительной частицей ма, например: 而今大小老翁想也是大驕子? Эрцзинь да шао лаоэ сян е ши да цзяоцзы? 'Думаю, что Ваш брат сейчас тоже стал большим начальником (букв. Думаю, что старший молодой господин сейчас тоже большой паланкин)?' (92); 怕教不出個狀元來? Па цзяо бу чу гэ чжуаньвань лай? 'И Вы бойтесь, что из него не сделать чжуаньвань?' (II3)

В таком вопросительном предложении можно встретить модальную конструкцию 是... 的 ши... ды и модальную частицу 的 ды (8 раз), например: 是要拆字的? Ши яо чэ цзы ды? 'Не хотите ли погадать?' (I55); 一向總隨尊大人任所的? Исян цзун суй цзуньдажэнь жэньсо ды? 'Вы всегда следуете за отцом, /когда его посылают/ по службе?' (8I).

Итак, альтернативный вопрос в текстах предшествующего периода и "Жулинь вайши" оформляется по-разному. В текстах периода Сун-Юань в альтернативном вопросе, кроме соединительных служебных слов 是 ши и 還是 хайши, используется ряд других; части альтернативы

могут просто следовать друг за другом (без соединительных служебных слов); в "Жулинь вайши" же, как и в современном языке, в такой конструкции употребляются только ши и хайши (хай). С другой стороны, в исследуемом памятнике, как и в текстах периода Сун-Дань, в альтернативном вопросе конечные модальные частицы не употребляются, тогда как в современном языке каждое такое предложение всегда оформляется конечной частицей 呢 ни или 何 а.

Как и альтернативный вопрос, полная и неполная формы повторного вопроса здесь встречаются нечасто (соответственно 7 и 4 раза). В полной форме повторного вопроса в ваньских пьесах между частями повтора чаще присутствуют частицы 也 е, 也是 еши, (в стихах) 那 на, 也那 е-на, а в "Жулинь вайши" и в современном языке эти частицы не употребляются. В неполной форме здесь используется только отрицание 否 фоу, а в современном языке - отрицание 没有 мэйю.

Самым распространенным является предложение с конечной вопросительной частицей 麼 ма. В языке периода Сун-Дань и исследуемом памятнике вопросительную частицу ма можно встретить и в предложении с вводными словами, такими как 想 сян, 你道 ни дао.

Предложение, вопрос в котором выражен интонацией, распространено и в "Жулинь вайши" и в современном языке; из текстов же периода Сун-Дань они представлены в "Шуй ху чуань" и ваньских пьесах, т.е. в поздних среднекитайских текстах.

Таким образом, на основании анализа различных типов вопросительных предложений можно сделать вывод, что в "Жулинь вайши" формы выражения общего вопроса в целом оказываются ближе к современному языку, чем к среднекитайскому.

1. И.Т.Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
2. А.Ф.Котова. Вопросительное предложение в современном китайском языке (определенно-альтернативный вопрос). М., 1963.
3. Н.Мавреро. Sur quelques textes anciens de chinois parlé.-"Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient".Т.14, N 4. Hanoi, 1914, с. 1-36.
4. 丁声树等. 现代汉语语法讲话 (Дин Шэн-шу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка). Пекин, 1962.
5. 黄伯荣. 陈述句, 疑问句, 祈使句, 感叹句 (Хуан Бо-жун. Повествовательное, вопросительное, побудительное, восклицательное предложения). Шанхай, 1958.
6. 吴敬梓. 儒林外史 (У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев). Пекин, 1954, с. I-200.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹⁾

О. Нисида Тацуо не находит в тангутском языке показателей времени: соответствующие служебные морфемы являются, по его мнению, показателями различных глагольных видов.

М. В. Софронов определяет для тангутского языка формально выраженные настоящее, прошедшее, давнопрошедшее и будущее времена. Мы согласны с М. В. Софроновым в трактовке морфем 𐰇𐰏 ндиын² и 𐰇𐰏 'иын¹, как выражающих соответственно настоящее и будущее. Однако что касается показателей прошедшего и давнопрошедшего времен, то необходимо остановиться подробно на каждом из них.

Прошедшее время образуется, по мнению М. В. Софронова, с помощью префиксов 𐰇𐰏 виэ², 𐰇𐰏 риэ² и 𐰇𐰏 тха². Он пишет: "Не вполне понятно, почему прошедшее время в тангутском языке образуется с помощью трех различных префиксов"². Однако, как было показано нами³, перечисленные три префикса вместе с префиксами 𐰇𐰏 а¹, 𐰇𐰏 на¹, 𐰇𐰏 киы¹ и 𐰇𐰏 ндиы² находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции и выражают одно и то же значение — значение совершенного вида.

Давнопрошедшее время, как считает М. В. Софронов, образуется с помощью служебных морфем 𐰇𐰏 ндиын² и 𐰇𐰏 нджюа¹, которые ставятся после глагола, и "глагол, оформленный одной из рассматриваемых морфем, обозначает, что действие, выраженное этим глаголом, протекало в плане прошедшего времени, причем результаты этого действия совершенно не обязательно должны сказываться в плане настоящего времени".⁴ Морфема 𐰇𐰏 ндиын² встретила нам всего пять раз и во всех случаях перед ней стоит отрицание 𐰇𐰏 миын¹ "еще не" — 𐰇𐰏 𐰇𐰏 миын¹ ндиын². В трех случаях из пяти перед сочетанием 𐰇𐰏 𐰇𐰏 миын¹ ндиын² стоит глагол 𐰇𐰏 лиын² "видеть" — 𐰇𐰏 𐰇𐰏 лиын² миын¹ ндиын². В настоящее время из-за отсутствия должного количества материала мы не можем определить значение 𐰇𐰏 ндиын², однако похоже, что это знаменательная морфема. Морфема 𐰇𐰏 нджюа¹ встречается в текстах довольно часто; по нашему мнению, она представляет собой знаменательное слово, а именно глагол "завершать", "заканчивать". Такой вывод мы делаем на основании того, что перед 𐰇𐰏 нджюа¹ может стоять отрицание или префикс совершенного вида.

I. Мы выделяем в тангутском языке три формально выраженных времени — настоящее (показатель 𐰇𐰏 ндиын²), перфект (показатель 𐰇𐰏 си²) и будущее (показатель 𐰇𐰏 'иын¹).

зана".

Служебное слово 哉² си² может стоять после глагола придаточного дополнительного предложения, где оно указывает на то, что действие, выраженное глаголом придаточного дополнительного, завершилось до начала действия глагола главного предложения, например:

(11) 埃 兀 茲 僥 蘇 俾 訖 罷 12 ц
тха² пхо² мэ² ла² тах² си² си² лынь²

Посланец увидел, что змея действительно умерла.

(12) 埃 訖 訖 俾 僥 訖 罷 兀 茲 蘇 蘇 兀 ЛК УГ
ндзю² нджэй[?] вие^I вие² кху² си² лынь² на² жие^I на^I лдэ^I на²

Когда увидишь, что люди выкопали труп, закопай его.

Напомним, что если действие глаголов придаточного и главного предложений происходят одновременно, то глагол придаточного дополнительного предложения оформляется служебным словом 兮² ндиын² - показателем настоящего времени (см. пример № 3).

Показатель перфекта 哉² си² может стоять и после прилагательного:

(13) 楠 茲 蘇 蘇 兀 訖 蘇 蘇 兀 ЛК УШ
ни² шве^I кий^I ндзай^I на² си² нги² мбиын² нджю² мо²

Твои года преклонны (букв.: далеки). Есть ли у тебя сыновья и жена?

2.3. Служебное слово 訖^I, иын^I. Глагол, оформленный служебным словом 訖^I, иын^I, может иметь значение чистого будущего времени, например:

(14) 埃 兮 兮 蘇 蘇 訖 訖 兀 訖 訖 兀 訖 訖 兀 ЛЮ ТАО
'ие^I нгие^I мэ^I нга² 'иын^I нджие[?] лхиэ² 'вон^I ни² 'иын^I X X вие^I
'иын^I

Горе мне! Небо оставляет меня. Государство будет принадлежать тебе.

(15) 埃 訖 訖 兀 訖 訖 兀 訖 訖 兀 ЛК Ц
ве^I лхиэ[?] ми^I кхва^I нгие^I вуо^I 'иын^I си²

Скоро в вэйском царстве появится несчастье.

Однако чаще всего служебное слово 訖^I, иын^I стоит после глагола временного придаточного предложения, оформленного союзом "когда" - 訖^I кха^I или 訖^I жие^I. В большинстве случаев в таких примерах служебное слово 訖^I, иын^I указывает на намерение совершить действие, например:

(15) 埃 訖 訖 兀 訖 訖 兀 訖 訖 兀 ЛК УГ
циен^I хей^I чхуи^I лхиэ[?] рие² 'вей^I 'иын^I кха^I кий^I мие^I

Циский Хоу-гун, собираясь сражаться с царством Чу, увидел сон.

(16) 埃 訖 訖 兀 訖 訖 兀 訖 訖 兀 ЛК Ш

ПАЛИЙСКИЕ СЛОЖНОВЕРБАЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ – ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
ИНТЕНСИВОВ

Происхождение новоиндоарийских интенсивов (сочетаний деепричастия одного глагола с изменяемой формой другого, часто соответствующих по значению русским приставочным глаголам) изучено еще недостаточно. Для исторической грамматики представляет интерес ранняя стадия их формирования, наблюдаемая в языке пали. Основой их сложения являются следующие две черты языковой нормы: 1) при описании в повествовательном тексте действий, последовательно совершенных одним субъектом, все глаголы, кроме последнего, ставятся в форме деепричастия; запрещается также разбивка предложения с заменой существительного местоимением; 2) большая "семантическая аналитичность" в описании действия, наглядность и подробность, роднящая пали с языками Индокитая.¹ Проиллюстрируем эти особенности: (1) *Tam mama piṭṭhiyam nisīdāpetvā neṣṣāmi'ti. So tassa cittaṃ aḷānanto laṅghitvā nisīdi* (3,133) "Я тебя¹ на³ свою² спину³ посадив⁴ перевезу⁵" Тот, не зная, [что] у него на уме, прыгнув на спину сел'. = "Я перевезу тебя на спине". Тот, не зная, что у него на уме, вспрыгнул ему на спину'. (2) *Sā dārake vyagghassa pūrato pātetvā mārapetvā palāyi* (3, 135) ;Она¹ детей² перед⁴ тигром³ бросив⁵ дав-ему-их-убить⁶ убежала⁷'. = "Она скормила детей тигру и убежала". (3) *Bodhisattaṃ udake nimujjāpetvā māretvā* (3, 123) 'Бодхисаттву в воду погрузив убив'. = 'Утопив бодхисаттву'. (4) *Vīsaṃ khādāpetvā māressami* (3, 133) 'Яд скормив убью'. = 'Отравлю [до смерти]'. (5) *Punappuna nibandhitvā sampatiṅcchāpetvā adāsi yeva* (3, 179). 'Повторно пристав вырвал согласие и отдал-таки'. = 'Всучил [залежавшийся товар]'. (6) *Samma Mātali Vejayantaratham uojetvā Mithilam gantvā Nimirājānaṃ dibbayāne āropetvā ānehi* (6,103) 'Любезный Матали, запряги колесницу Вайджаянту, поезжай в Митхилу, посади царя Ними на [эту] колесницу богов, привези его'. = 'Любезный Матали, съезди за царем Ними на колеснице Вайджаянте в Митхилу'. (7) *Taṃ matamanussaṃ pāde gahetvā kaḍḍhantā raḷḷo santikaṃ gantvā* (1, 265) 'Труп за ноги схватив, волоча, к царю пришли'. = 'За ноги приволокли мертвеца к царю'.

Приведенные примеры демонстрируют бедность пали многоактантными глаголами. Нередко в пали есть только один глагол на несколько русских: есть "садиться", но нет "вспрыгивать", "вскарабкаться"; есть "убить", но нет "отравить", "зарубить", "заклевать",

"утопить" и пр. Сочетание глагола "убить" или "садиться" с уточняющими глаголом и существительным ("кормить" + "яд", "рубить" + "меч") уже находится на пути к парному сочетанию глаголов, признаваемых обычно интенсивом, поскольку в отдельно употребленных "рубить", "отравлять" и т.п. не содержится само по себе указание на результат (отравленный выжил; на том, кого рубили, была броня и пр.), в парных же сочетаниях указан результат и способ его получения. От интенсивов такие парные сочетания отличает примерно равная степень конкретности обоих глаголов. По регулярности они, пожалуй, не отличаются от интенсивов. Если в подобных парных сочетаниях один из глаголов окажется достаточно абстрактным или частично десемантизируется и, соответственно, будет способен сочетаться с обширным классом глагольных лексем, то пары с таким глаголом явятся кандидатами в интенсивы. В канонических текстах Джатак, еще больше в послеканонических, такие сочетания встречаются, что позволяет говорить о наличии интенсива.

I. Сочетание деепричастия с *aṭṭhāsi* [претеритом глагола *tiṭṭhati* 'стоять', 'статья', 'остановиться' - глагол этот бывает и предельным, и непредельным]. Рассмотрим примеры, в которых *aṭṭhāsi* не выступает в сочетании с деепричастием, однако изменяет свое словарное значение и придает высказыванию оттенок законченности и закрепленности результата действия: (8) *So Satthu vacanam sutvā kupito iminā dāni nīhārena carissāmi'ti pārupanam chaddetvā parisamajjhe ekacīvaro aṭṭhāsi* (1, 127) Слова Учителя его разозлили. "Как же, буду я в такой холод ходить", - [подумал он], снял [всем назло] верхнюю одежду и остался в одном белье при всем народе'. Вместо *aṭṭhāsi* здесь вполне мог быть употреблен глагол *ahosi* 'стал, сделался'. Употребление же *aṭṭhāsi* подчеркивает, что лицо, о котором идет речь, так и продолжало стоять в исподнем посреди толпы, причем важно скорее то, что эта ситуация сохранялась, а не то, что он стоял, а не, скажем, сидел, прыгал и пр. (9) *So tam sasanam sutvā tam ārādhētukāmo sopānapadamūlato paṭṭhāya javena tassa santike aṭṭhāsi* (6, 36) 'Слышав это распоряжение, он, желая ей угодить, быстро поднялся к ней по лестнице'. И в этом примере *aṭṭhāsi* подчеркивает закрепленность результата действия, иначе было бы *tassa santikam agamāsi*. В следующих примерах имеется уже сочетание *aṭṭhāsi* с деепричастием: (10) *Bodhisatto cattāro pādē thambhe viya niccale aṭṭhāsi* (1, 192) 'Бодхисаттва [бык] ... уперся всеми четырьмя ногами и стал как вкопанный'. (11) *Saddhā pasannā manussā pāsādaḥammīyagehaschādanāni abhiruyha aṭṭhamsu* (5, 335) 'Верующие забрались на крыши дворцов, строений, домов [и продолжали находиться там]'. (12) *So uyyānam gantvā pokkharāṇiyam*

galappamāṇaṃ udakaṃ pavisitvā paduminipannaena sīsam chādetvā pup-
 phitapadumena mukhaṃ avattharivā atthāsi (5, 267) 'Он пошел в
 парк, забрался в пруд по горло, спрятал голову среди листьев лото-
 са, а лицо прикрыл цветком [и остался в этом положении]'. (13) Pā-
 so atthim āhassa atthāsi (5, 33) 'Петля [на ноге] затянулась
 до кости'. В этом и последующих примерах факта реального стояния
 уже не подразумевается. (14) Rañño maṃsakhandam jivhagge tharita-
 mattam eva sakalasarīraṃ khobhetvā atthāsi (5, 458) 'Когда царь ощу-
 тил кусочек мяса у себя на кончике языка, он всем телом содрогнул-
 ся [и уже больше не был таким, как прежде, - он отведал человечи-
 ны и стал людоедом]. (15) Sudassano visam gahetvā thito passissati
 ayam janapado vinasissati ayam janapado ti tikkhattum abhāsi. Tassa
 so vaddo dvādasayo janikam Bārānasim chādetvā atthāsi (6, 195)
 'Не выпуская яду [из рук], Сударшана трижды сказал: "Пропади эта
 страна, распропади эта страна!" - и эти слова его прозвучали на
 весь Бенарес, раскинувшийся на двенадцать йоджан'. (16) Balakāyo
 gantvā susānaṃ parivāretvā atthāsi (5, 22) 'Отряд оцепил
 кладбище'. В примере 15 сочетание деепричастия с глаголом atthāsi
 имеется и в номинализованном варианте в неконечной позиции. Такие
 случаи особенно часты в более поздних текстах. Они требуют двойной
 трактовки: как неличных форм интенсива и как форм аналитического
 совершенного причастия активного залога. Имеется, кроме того, при-
 мер сочетания деепричастия с императивом того же глагола: (17) Tā-
 ta migamaggo raññāyati tvaṃ paṭikkamivā tiṭṭha (6, 170) 'Это,
 брат, звериная тропа, ты сойди с нее [и не ступай на нее больше]'.
 Всего в обследованных текстах зафиксировано около полусотни
 сочетаний деепричастия с формами глагола atthāsi (thito, tiṭṭha)
 них 10 с thito (здесь считаются только тексты Джатак, поскольку
 в позднейшей литературе сочетание с thito становятся очень ходовы-
 ми). Отмечены сочетания с 25 глаголами: ālīngitvā "обнять", abhi-
 guya "подняться", avattharivā "закрывать", āhassa "затянуться",
 katvā "делать", ukkhipitvā "поднимать", otarivā "спускаться",
 gahetvā "взять", olambetvā "свесить", khobhetvā "сотрясти", sannay-
 hitvā "опоясаться", chādetvā "покрыть", tharetvā "поставить",
 pariggahetvā "схватить", parivāretvā "окружить", paṭikkamivā
 "отойти", pharivā "пропитать", nivāretvā "загородить", vivarivā
 "открыть", pūretvā "совершить", nivattivā "вернуться", khāditvā
 "сожрать", laggitvā "зацепиться", sannirumhitvā "перегородить",
 vanditvā "приветствовать". Большая часть глаголов связана с по-
 нятиями местонахождения и движения, но их разнообразие достаточно
 велико, а изменение значения компонирующего глагола достаточно

явно, чтобы квалифицировать описанные сочетания как интензивы.

2. Сочетание деепричастия с формами глагола *deti* "давать". В новоиндоарийских языках подобные пары выражают идею совершения действия для другого. Такое значение усматривается и в палийских примерах. В предложении (18) *Mahājambuphalam āharitvā Tathāgatas-
sa adāsi* (1,40) 'Принес² большой¹ плод¹ джамбу¹ и дал⁴ его Татхага-
те³, нет собственно интензивного значения, но мы получим его, из-
менив порядок слов: *mahājambuphalam Tathāgatas-
sa āharatva adāsi* 'Принес Татхагаге большой плод джамбу'. В следующих примерах име-
ем полноценный интензив: (19) *Corarañño sātāke āharitvā adamsu*
(I, 265) 'Принесли ему одежды царя-разбойника'. (20) *Ath'assa rāji
puttadāre pi pakkosāpetvā antonagare nivesanam māretvā adāsi*

(3, 11) 'Потом царь послал за его семьей и распорядился, что-
бы им отвели покои во дворце'. (21) *Mayaṃ etam bhājetum na sak-
koma. Ayaṃ sīlavarājā dhammiko, esa no bhājetvā dassati* (1, 265)
'Не можем мы его поделить, а вон [там сидит] добродетельный, пра-
ведный царь, он нам разделит'. (22) *Manussaloke nibbattitvā Dasaba
lavasa vāsanam paggaṇhitvā dehi* ³ 'Родись человеком, поддержи
[для всех нас] учение Десятисильного'. (23) *So taṃ ukkhipitvā
assamaradam ānetvā aggīṇ katvā adāsi* (3,50) 'Он вытащил ее [из во-
ды], принес ее в хижину и развел [для нее] костер'. Всего отмече-
ны сочетания с 10 глаголами: *āharitvā* "принести", *ukkhipitvā*
"поднять", "отрезать"; [*vi*] *bhājitvā* "делить, распределять";
attharitvā "расстелить"; *nīharitvā* "вытащить"; *māretvā* "устро-
ить"; *katvā* "делать"; *māretvā* "убивать"; *paggaṇhitvā* "схватить".
Все эти глаголы переходные, как и компонирующий, так что имеет
место согласование по переходности (в НИА языках так же).

3. Сочетания с другими компонирующими глаголами.

Сочетания с *ṭhapeti*, каузативом от *tiṭṭhati* "стоять", выра-
жают примерно тот же оттенок, что и сочетания с некаузативным гла-
голом: (24) *Putta mayaṃ tava jātadivase aggīṇ gahetvā ṭhapaṇṇha*
(I, 285) 'Сынок, мы в день, когда ты родился, развели [и с тех пор
поддерживаем священный] огонь'.

Возможно, что имеется некоторая интензивность в сочетаниях
с императивом *ehi* 'иди': (25) *gaccha uggāhitva ehi* (1, 286)
'иди и выучи, [тогда вернешься]'. (26) *Gaccha tāta janapadasārīkam
caritvā attano abhirucitam mangalam nāmaṃ gahetvā ehi* (I, 402)
'Ступай, милый, поброди по свету, выбери себе имя, какое понра-
вится'.

Сочетания с *gaṇhāti* "брать" парны к сочетаниям с *deti*,
выражая идею совершения дейст. я в свою пользу. В строфе (3,24)

говорится: *gaccha tam uddharāhi* 'ступай, выкопай его (=клад)', что комментатор перефразирует: *tam uddharitva gaṇha* (28). Еще примеры: (29) *Bhante imasmim ṭhāne cattāḷsa hiraññakoṭṭiyo tā sabbā pi nīharitvā gaṇha* 'Почтенный, здесь 400 миллионов золотом, забирай их все'. (30) *Te vegena gantvā kūtatarasam hatthehi ca padehi ca pothetvā suvaṇṇam āharāpetvā gaṇhiṃsu* (I, 376) 'Они побежали, догнали жемонаха, избили его руками и ногами и заставили вернуть золото'.

4. Выводы.

Сочетания типа новоиндоарийских интенсификов находятся в пали в процессе формирования. Они стоят на границе словоизменения, аналитического словообразования и свободных сочетаний. Их практически нет в наиболее ранних текстах; впервые они появляются в заметном количестве в прозе Джатак; в послеканонической литературе их еще больше и они разнообразнее. Все компонирующие глаголы находят себе соответствия в новых индоарийских языках. В пали их еще немного, и сочетания с ними не всегда можно отграничить от свободных словосочетаний. По-видимому, не случайно, что самым частотным из компонирующих глаголов оказался *tiṭṭhati*, непредикативные формы которого образуют также и аналитическое перфектное причастие.

-
1. См.: Д.И.Еловков. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., издательство ЛГУ, 1977.
 2. I-й, 3-й, 5-й и 6-й тома Джатак. Джатаки цитируются по изданию *Jataka together with its Commentary*. Ed. by V. Fausboll с указанием тома и страницы.
 3. *Milindapañho*. Ed. by Trenckner. London - Edinburgh, 1880, с. 7.

В.С.Рыбалкин

ПРИНЦИПЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ КОРНЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРИХ

В исследованиях последних двух-трех десятилетий по истории арабской лексикографии наметились определенные тенденции в классификации толковых словарей. Расходясь в частности, разные авторы, в основном, выделяют такие из них: 1) словари, использующие аннаграммный принцип; 2) словари, использующие рифмовый принцип; 3) словари, применяющие общепринятый алфавитный порядок.¹

Такая классификация исходит из принципов расположения в сло-

варях корневых гнезд, так как известно, что арабские лексикографы основное внимание уделяли способам аранжировки корней, почти игнорируя вопросы дальнейшей систематизации их дериватов, то есть аспекты внутреннего построения словарной статьи².

При внимательном рассмотрении в этой классификации все же обнаруживаются существенные недостатки. Она не совсем четко выявляет линии преемственности и затушевывает некоторые приемы новаторства в применяемых лексикографами принципах аранжировки корней.

Скажем, большинство работ относит к одной и той же группе словаря "Китаб ал-'Айн" ал-Халиля и "Джамхарат ал-луга" Ибн Дурайда³. Вместе с тем, между ними имеется ряд существенных различий.

Ал-Халиль в "Китаб ал-'Айн" применил так называемый фонетико-пермутативный принцип аранжировки. За исходный момент регистрации корней в нем взято два отправных параметра. Один - фонетический алфавит, порядок расположения фонем в котором обусловлен местом их артикуляции, от гортанных до губных: ' , х, х, х, г, к, к, дж, ш, д, с, с, з, т, д, т, з, с, з, р, л, н, ф, б, м, в, а, й, ' . Другой - пермутация, то есть комбинирование определенного набора букв, отобранных из фонетического алфавита. К примеру, для набора из трех букв ' , Х и Д возможны шесть комбинаций: 1) 'ХД, 2) 'ДХ, 3) Х'Д, 4) ХД', 5) Д'Х и 6) ДХ' . Однако, как арабские корни, не все они реализованы в языке. Фонетический алфавит в какой-то мере позволял ал-Халилю заранее исключить ряд теоретически возможных, но неупотребляемых корней. Критерием для этого являлась "несочетаемость" близких по артикуляции фонем в пределах одного слова.

Хотя Ибн Дурайд и находился под влиянием методов ал-Халиля, в своем словаре он отказался от фонетического алфавита в пользу общепринятого. И это явилось существенным новаторством. В общепринятом алфавите сходно артикулируемые фонемы оказались разобщены. Поэтому, применив его, Ибн Дурайд потерял важный критерий разграничения реальных и гипотетических корней. Наряду с первыми, он регистрирует в своем словаре также и вторые, оговаривая, правда, что они не употребляются, хотя теоретически и возможны. Как следствие, принципы аранжировки корней у Ибн Дурайда в целом менее строги, вплоть до того, что в конец словаря он вводит ряд дополнительных глав. В них собраны, главным образом, корни, реализованные в дериватах на малораспространенные парадигмы, то есть осуществлен переход к уже так называемому "аналитико-морфологическому принципу"⁴ группировки лексики. Сказанного, видимо, дос-

таточно для того, чтобы особо выделить словарь Ибн Дурайда среди остальной лексикографической литературы.

В од. группу словарей, составленных в обычном алфавитном порядке, попадают труды "Китаб ал-Джйм" аш Шайбани, "ал-Муджмал" и "ал-Макаййс" Ибн Фариса и "Асас ал-баллага" аз-Замахшари. Но даже поверхностное ознакомление с этими словарями обнаруживает, что между ними имеются существенные различия. Если аз-Замахшари демонстрирует применение алфавитного расположения корней в привычном для нас сегодня виде, то есть с учетом всех корневых согласных слова, то аш-Шайбани не идет дальше систематизации слов по первой корневой согласной, оставляя порядок следующих согласных произвольным.

Словари же Ибн Фариса "ал-Муджмал фй-л-луга" и "ал-Макаййс фй-л-луга" составлены и вовсе специфично; их целесообразней выделить в отдельную группу. Они разделены на "книги" (китаб) по буквам арабского алфавита. Затем каждая из книг делится на три раздела (баб), охватывающих корни двухбуквенные, трехбуквенные и более длинные. Алфавитный порядок при расположении корней во втором и третьем разделах представляется Ибн Фарису не как линейная последовательность, а в виде круга, движение по которому от первой корневой возможно только по часовой стрелке. Скажем, "книга фй" начинается с корня ФК/К/, далее следуют ФЛ/Л/, ФМ/М/ и так до конца алфавита. После того, как алфавит исчерпывается, следуют корни Ф'/', ФБ/Б/, ФТ/Т/ и так до исходного пункта круга, корня ФГ/Г/, в котором вторая корневая непосредственно предшествует букве фй'.

Аналогично обстоит дело и с трехбуквенными корнями: ФКЛ, ФКМ, ФКН, ФКХ, ФК', ФКБ, ФКТ ... ФКГ, ФКФ. Гипотетические или неупотребляемые корни Ибн Фарис, в отличие от Ибн Дурайда, в этой последовательности пропускает и не регистрирует.⁵

В третьем, последнем разделе, в расположении "длинных" корней учитывается только первая корневая согласная, дальнейший же порядок остается, как и "Китаб ал-Джйм", произвольным.⁶

Некоторые исследователи, занимавшиеся теоретическим осмыслением принципов расположения корней в средневековых арабских словарях, ранее уже обращали внимание на неполноту и неточность приведенной выше классификации. Попытки уточнить ее приводили, однако, к другой крайности – появлению порой достаточно запутанных и излишне подробных классификаций, избыточных громоздкими трех-, четырехсоставными определениями вроде "лексико-этимолого-математическая система", "лексико-этимолого-аннаграмматико-артикуляцион-

ная система", "лексико-этимолого-аннаграмматико-диакритическая система" и др.⁷ Подобный подход малопримем хотя бы уже потому, что столь распространенные определения затруднительно использовать в качестве общепринятых терминов.

По-видимому, при подобного рода классификации необходимо постоянно иметь в виду, что при составлении любого словаря его автор опирался не на один, а на несколько принципов. Другое дело, что какой-либо один или два из них можно рассматривать как отправные, доминирующие. И тогда для словарей, относящихся к одной из трех приведенных выше групп, некоторые из таких принципов могут быть в такой же степени различными, как и общими.

С учетом сказанного, к таким главным, первичным принципам расположения корней в средневековых арабских толковых словарях, видимо, следует отнести:

1. Фонетико-пермутативный принцип - ФШ (см. выше). Просуществовал в лексикографии вплоть до XIV в. Использован в словарях:

- "Китаб ал- 'Айн" ал-Халила ибн Ахмада ал-Фарахиди (ум. в 791 г.)
- "Ал-Бари 'фй-л-луга" ал-Кали (893-907).
- "Тахзиб ал-луга" ал-Азхари (895-981).
- "Мухтасар ал- 'Айн" аз-Зубайди (ум. в 989 г.).
- "Ал-Мухит 'фй-л-луга" ас-Сахиба ибн 'Аббада (938-995).
- "Ал-Мухкам ва-л-мухит ал-а'зам" Ибн Сиды (ум. в 1066).
- "Такмилат китаб ал- 'Айн" ал-Харзанджи (ум. в 1017 г.).
- "Тахзиб ат-Тахзиб" ат-Танухи (ал-Урмави) (1249-1323).
- "Ал-Лами ' ал-му'аллам ал-'уджаб ал-джами' байн ал-Мухкам ва-л-'Убаб" ал-Фирюзабди (1326-1414).

2. Алфавитно-пермутативный принцип - АПП. Название дано по аналогии с ЭПП. Его применение известно только в словаре "Джамхарат ал-луга" Ибн Дурайда (837-933). Расположение корней, получаемых путем комбинирования (пермутации) исходных согласных, как правило, выдерживается автором по схеме K_1K_2, K_2K_1 - для двухбуквенных и $K_1K_2K_3, K_1K_3K_2, K_2K_1K_3, K_2K_3K_1, K_3K_1K_2, K_3K_2K_1$ - для трехбуквенных, с присвоением корневым согласным порядковых номеров в соответствии с их расположением с начала алфавита. Например, порядок расположения корней, получаемых путем комбинирования букв Б, Д и Р, такой: 1/ БДР, 2/ БРД, 3/ ДБР, 4/ ДРБ, 5/ РБД, 6/ РДБ.

3. Алфавитно-кольцевой, или алфавитно-круговой принцип - АКП (как у Ибн Фариса).

4. Рифмовый принцип - РП. Расположение корней в нем выдерживается по схеме: K_2K_1 - для двухбуквенных, $K_3K_1K_2$ - для трехбуквенных, $K_4K_1K_2K_3$ - для четырехбуквенных, $K_5K_1K_2K_3K_4$ - для пятибук-

венных. Алфавит употребляется общепринятый. РП, наряду с ФШ, наи более распространен в средневековых толковых словарях, таких, как например:

- "Диван ал-адаб" ал-Фараби (ум. в 961 г.).
- "Тадж ал-луга ва сихах ал-'арабийя" ал-Джаухари (ум. не позднее 1007 г.), а также различные его комментарии, сокращения и дополнения.
- "Ал-'Убаб аз-захир ва-л-лубаб ал-фахир" ас-Сагани (1177-1262).
- "Лисан ал-'араб" Ибн Манзура (1232-1311).
- "Ал-Камус ал-мухит" ал-Фирюзабди и его многочисленные обработки.
- "Ал-Джами" османского филолога ас-Сайида Мухаммада (ум. в 1462 г.).
- "Ар-Рамуз фи-л-луга" (ал-'арабийя)", его же.
- "Ида'ат ар-рамус фи ифадат ан-намус 'ала ида'ат ал-Камус" ал-Фаси, учителя аз-Забиди.
- "Тадж ал-'арус фи шарх джавахир ал-Камус" Муртади аз-Забиди (1732-1791) и др.

5. Неполный алфавитный принцип - НАП, с учетом только первой корневой:

а. С применением обычного алфавита. Отмечается в труде аш-Шайбани (ум. в 828 г.) "Китаб ал-Джим", а также некоторых тематических словарях.

б. С применением вариантов фонетического алфавита. Использован в трактатах "ал-Аф'ал" Ибн Кутйи (ум. в 977 г.) и его ученика ас-Саракусти.

в. С применением традиционного семитского алфавита. Отмечается в некоторых специальных словарях, как например, в "Китаб ал-истилахат ас-суфийя" Камал ад-Дина 'Абд ар-Раззак (ум. после 1330 г.). Любопытно то, что в этом труде в отношении дальнейших корневых слова применяется обычный алфавитный порядок размещения.

6. Полный алфавитный принцип - ПАП, с применением обычного алфавита. Используется в современных толковых словарях. В средневековье к нему впервые обратился аз-Замашари (1075-1144) в словаре "Асас ал-балага". Распространения не имел.

Думается, что приведенная классификация позволит избежать ряда недоразумений, встречающихся при попытках объединить или разграничить словари с разной системой трактовки корня.⁸

И. См.: Нассар Хусайн. Ал-Му'джам ал-'араби, наш'атуху ва татав-вуруху. Дж. I-2, ал-Нахира, 1956, и рецензию В.М.Белкина на

- эту книгу в: Семитские языки. М., 1963, с. 222-226, а также: Дарвиш 'Абдаллах. Ал-Ма'аджим ал-'арабийя ма'а и'тина' х'асс би-му'джем ал-'Айн ли-л-Халил ибн Ахмад. Ал-К'ахира, 1956; Хилал Наджи. Мутахайир ал-алфаз ли Ахмад ибн Ф'арис. (Дир'аса ва тах-к'ик), - ал-Лисан ал-'араби, УШ/І, ар-Рабат, 1971, с. 377; J. Haywood. *Kāshūh*. - EI². Vol. IV, Leiden, 1975, с. 524-525.
2. См.: А.Б.Халидов. Арабский язык. - Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 60.
 3. См.: В.М.Белкин. Арабская лексикология. М., МГУ, 1975, с. 172; J. Haywood, там же ; L. Kopf. Structure and Arrangement of Mediaeval Arabic Dictionaries.- *Léşonenu*, vol. XXXIV, No 1-2, Jerusalem, 1970, с. 5.
 4. S. Wild. Das Kitāb al-'Ain und die arabische Lexikographie. Wiesbaden, 1965, с. 84.
 5. Ch. Rieu. Supplement to the Catalogue of the Arabic Manuscripts in the British Museum. L., 1894, с. 574-575.
 6. Ch. Rieu, там же : W. Ahlwardt. Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd VI. 1894, NoNo 6954-6957, с. 239-241.
 7. Г.Г.Зарине-заде. Теоретические основы арабско-азербайджанского словаря. Автореф. докт. дисс. Баку, 1974, с. 67-68.
 8. Так, Х. Нассар объединяет "ал-Джамхару", "ал-Муджмал" и "ал-Ма-каййс" в общую группу (ук. соч., т. 2, с. 370-448), в то время как Дж. Хейвуд относит их к группам разным (ук. соч., с. 525). Г.Г. Зарине-заде, например, приняв за исходный момент одной из классификаций алфавитный порядок, для определения специфики словарей, составленных по РП, вынужден вводить понятия "регрессия", "прогрессия", "прогрессивно-регрессивная система" (ук. соч., с. 78-81).

А. С. Четверухин

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НАЛИЧИИ "ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ" В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ ?

Сравнительно недавно в египтологии начал распространяться новый взгляд на традиционную классификацию частей речи, что послужило толчком к переосмыслению всего синтаксиса. Прежняя классификация, представленная несколькими (различающимися не принципиально) вариантами¹ в целом соответствует таковой для индоевропейских язы-

ков. В ходе исследования выяснилось, что египетские предлоги, большая часть которых восходит к именам², образуя относительные прилагательные, сохраняют многое от "имени пространственного"³; прилагательные, в зависимости от синтаксической функции, сближаются то с финитной формой глагола посессивного спряжения, то с причастием, то с более старой финитной глагольной формой (старым перфектом или формой качества и состояния)⁴; немногие собственноречия могут рассматриваться как имена⁵; "по своей природе египетские причастия являются отглагольными прилагательными"⁶; императив при желании тоже можно считать именной формой, которая, к тому же, в конце концов почти совершенно вытесняется инфинитивом; частицы, насколько можно понять⁷, имеют местоименное, предложное и даже глагольное происхождение⁷, - так что создается впечатление, что остаются имена (в широком смысле), местоимения (вопросительные имеют явно вторичное происхождение), междометия и глагол, представленный двумя вышеупомянутыми формами (первая имеет не принципиально различающиеся в структурном плане разновидности), поскольку личные формы - те же имена. Еще недавно полагали, что формы посессивного спряжения восходят к причастиям⁸, но затем появилась гипотеза о том, что в их основе лежит имя действия⁹. Что же касается старого перфекта, по значению близкого к "индоевропейскому медиумперфекту"¹⁰, то он генетически восходит к той же конструкции, что и аккадский статив - причем по гипотезе Клингенхебена-Дьяконова в формах его суффиксной флексии сохранились следы исчезнувшего в протоегипетском префиксного спряжения глагола "быть"¹¹. При этом, аккадский статив - "именное предложение, где субъект I может быть именем любого класса, а субъект II - личным местоимением"¹². Так как других личных форм глагола в египетском нет, уже сами эти факты могут привести к отмене понятия "глагол" для данного языка, тем более, что до сих пор нет единого мнения о таких важнейших характеристиках глагола, как направленность действия и т.д. И действительно, скепсис по поводу глагола нашел свое выражение при исследовании синтаксиса сначала в работе В.Шенкеля, пришедшего к категорическому выводу, что "именное и глагольное предложения не являются реалиями египетского языка"¹³, а затем в труде Ф.Юнге, посвященном детальному изучению среднеегипетского синтаксиса методом трансформационной порождающей грамматики¹⁴. Эта, безусловно, полезная, хотя и содержащая ряд ошибочных постулатов, и соответственно, выводов, работа подробнее рассматривается нами в другой статье¹⁵, здесь же важно лишь то, что все египетские предложения, по мысли автора, восходят к двум основным типам - маркированному

и немаркированному именным предложениям (в состав первого входит примерно то, что мы как раз и считаем именным предложением¹⁶, а в состав второго – все остальное: глагольные, ложноглагольные и наречные предложения по традиционной классификации). Если это так, то мы имеем дело с двумя разновидностями предложения, где в функции главных членов выступают неоформленные (недифференцированные) части речи. Тогда снимается термин "именное предложение" вслед за самим термином "имя", ибо бином "имя – глагол" нерасторжим – говорить о наличии в языке имени при отсутствии глагола просто некорректно лингвистически! Стало быть, вопрос в дифференциации частей речи в египетском языке, а он и в самом деле далеко непросто. Впрочем, похожие несогласия наблюдаются даже при анализе материала долго изучаемых современных (живых!) индоевропейских языков. Обсуждение этой проблемы началось уже во второй половине прошлого столетия в эпоху господства младограмматической школы и не закончилось в наши дни. Сомнения в традиционной классификации, возникшие на почве индоевропейского материала, усугубились в XX в., когда в орбиту исследования были вовлечены языки резкоотличной типологии. Это вызвало известный скепсис. Но наряду со скептическими высказываниями существуют десятки (если не сотни) позитивных, приводить которые здесь нет ни смысла, ни места. У "позитивистов" учитываются три центральных момента: морфологический, функционально-синтаксический и семантический в самом широком смысле – от семантики словоформы до контекста, на который она влияет. Как правило, учитываются либо все факторы (если позволяет тип языка), либо комбинируются последние два, причем упор делается на одном как ведущем в зависимости от подхода и материала. На чем основан скепсис в отношении египетского материала? На незавершенности исследования египетской вокализации, хотя этим занимались многие исследователи. Но не говоря уже об объективных трудностях "пробивания" к "звучанию" сквозь систему египетского письма, разнородность материала и не (до) исследованность фонологии языков источников (даже коптского!), были и методологические просчеты, и тенденциозные искажения – все это привело к другой крайности: к неучету потенциальных возможностей морфологии. Однако, сам факт решительного преобладания трехсогласного корня, выравнивания дву – согласных основ под трехсогласные совершенно ясно говорит о структуре словоформы, близкой к семитской, где очень важную роль играла внутренняя флексия. С функционально-синтаксической стороны путаница, все же, довольно редка и в основном касается форм глагола. Теперь о семантике в широком смысле: мы можем четко противопоста-

вить чисто именные основы чисто глагольным, хотя и есть ряд "переходных" случаев. Но вот на что следует обратить самое пристальное внимание: на "рисуночный" характер египетского письма, а именно - на систему детерминативов, уже развитую в среднеегипетском. Так, если от глагольной основы образуется субстантивная форма, она, наряду с глагольным детерминативом, получает и детерминатив предметности или абстрактности понятия (при этом глагольный детерминатив может и вовсе исчезнуть), ну а то, что чисто именные и чисто глагольные основы имели разные детерминативы - это давно и хорошо известно. Разве это не свидетельствует о том, что сами египтяне осознавали отличие "глагольности" от "субстантивности"? Только на основании этимологий и метода трансформационной порождающей грамматики утверждать об именованном "характере" египетского языка (в историческую эпоху) нельзя, ибо в современной структурной лингвистике, как и прежде, имеет место "не-единственность лингвистических решений и неполная предсказуемость смысла целого, исходя из смысла частей и правил построения", которая говорит "о невозможности полной формализации языка в рамках одной ... системы... Возможны частичные решения, основанные на игнорировании тех или иных аспектов категориального смысла"¹⁷. Это отнюдь не означает неприменимости данного метода к египетскому материалу, более того, ниже будет указано на ряд ценных наблюдений Ф.Юнге. К сказанному выше добавим, что посесивный тип спряжения, известный во многих языках, не приводит исследователей к мысли об отсутствии глагола как такового, но свидетельствует о не-номинативном типе языка, либо о пережитках дономинативности¹⁸, причем максимальным является допущение о синкретическом состоянии чередований функций ряда основ в языках активного строя в прошлом¹⁹. Интересно посмотреть на посесивное спряжение глазами У.Л.Чейфа, заявляющего, что "именно глагол диктует присутствие и характер существительного, а не наоборот"²⁰. Ценным у Ф.Юнге оказалось наблюдение частого присутствия маркера *rw* в именном предложении²¹, его редкость вне него (и правильное истолкование роли *rw* в этих случаях²²), а также наглядная иллюстрация абсолютного отсутствия глагола бытия в именном предложении (в нашем понимании) при его встречаемости в остальных типах предложения²³, что определено нами как релевантный признак египетского именного предложения²⁴. Суть этого явления может быть легко показана на сравнительном материале индоевропейских языков, где глагол - в гораздо большей степени, чем в афразийских языках - "пронизывает" всю систему синтаксиса. Так, в современных западноевропейских языках глагол бытия в именном предложении "не является сам по себе

непосредственной составляющей глубинной структуры, а выступает как семинтически пустой "фиктивный" глагол... для выражения определенных признаков (заклученных обычно в глаголе) в случае отсутствия в предложении глагольного элемента"²⁵. В других же (новых и старых), где глагольность была менее "всепоглощающа", от привнесения в такое предложение глагола бытия "оно утрачивает свою подлинную сущность, которая как раз и заключается в том, что между языковым рядом (высказыванием) и действительностью предполагается отношение "неварируемости"²⁶. Египетский синтаксис не "пронизан" глаголом и поэтому именное предложение имело в нем столь четкую структуру. Тем не менее, при переводе предложения тождества в квалифицирующее, либо при внесении корректив "вариационного порядка" в само предложение тождества, "варируемость" могла быть показана либо безглагольно – при помощи препозиции первому главному члену частицы и постановки между членами предложения предлога ш "в (качестве)", либо глагольно – вместо частицы ставился глагол бытия и сохранялся вышеуказанный предлог. В обоих случаях меняется синтаксическая конструкция на разновидности не-именного предложения: адвербиальную и глагольно-адвербиальную. Уже в староегипетском глагол бытия и именное предложение – несовместимые явления, хотя в облике причастия на более поздних этапах развития египетского он пробивает себе туда путь, превращаясь в претеритальный префикс. Но и в протоегипетском глагол бытия сумел закрепиться за одной из древнейших афразийских разновидностей именного предложения, видимо, сначала образуя придаточное сочинительное предложение – в этом заключается наша интерпретация гипотезы Клигенгебена-Дьяконова о происхождении форм старого перфекта²⁷. Не обращалось должного внимания на тот факт, что он отличается от аккадского статива не только своей более сложной флексией, но и семантикой – он более "глаголен", чем статив, являющийся именным предложением, хотя бы потому, что при его образовании участвуют глагольно-именные и чисто-глагольные основы и не употребляются чисто-именные²⁸. И причина заключается как раз в том, что к нему "прирос" глагол бытия в старой форме префиксного спряжения. Когда же эта форма вышла из протоегипетского, "глагольность" старого перфекта могла дублироваться или поддерживаться (как и во всех глагольных и адвербиальных конструкциях – в последних тоже, ибо "нахождение где-то" предполагает вариантивное взаимоотношение субъекта высказывания и действительности) при помощи того же глагола бытия, но уже в новой посессивной форме спряжения²⁹. В результате переоформления статива в протоегипетском произошло размежевание его

функций (и как результат – редистрибуция основ) с собственно-именным предложением, для которого основной стала прежняя вариантная конструкция. Итак, какими бы сложными ни оказались взаимоотношения между частями речи (а также между членами предложения и между теми и другими) в египетском языке, можно констатировать различие между

- 1) глаголом и именем и
- 2) именным и всеми прочими видами предложений.

-
1. М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию. М., 1963, с. II 9.
 2. G. Lefebvre. Grammaire de l'Égyptien classique. 2. ed. Le Caire, 1955, § 487.
 3. Н. С. Петровский. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970, с. 130; А. С. Четверухин. Наблюдения над староегипетскими предложениями и генитивным управлением. – Африканский этнографический сборник. Вып. X. Л., 1975, с. 142.
 4. Коростовцев, ук. соч., с. 120.
 5. W. Schenkel. Das Präpositional- und Adverbialattribut des älteren Ägyptisch, eine Apokoinu-Konstruktion. – JEA 52, 1966, 53 ff.
 6. Коростовцев, ук. соч., с. 162.
 7. См. сам материал: А. Н. Gardiner. Egyptian Grammar. 2nd ed. L., 1950, § 226–243.
 8. Обобщено в работе Коростовцева, ук. соч., с. 168–171.
 9. W. Schenkel. Die Altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis. – Ägyptologische Abhandlungen. Bd 32, Wiesbaden, 1975.
 10. Id., Das altägyptische Pseudopartizip und das indogermanische Medium/Perfekt, Orientalia, N. S., 40, 1971, 301–316.
 11. И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 241–248 и особенно прим. 125.
 12. I. J. Gelb. Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian. – Assyriological Studies, No. 18, Chicago, 1969, с. 211.
 13. W. Schenkel. Beiträge zur mittelägyptischen Syntax I–II, ZÄS, 88, 1963, 113–117.
 14. F. Junge. Syntax der mittelägyptischen Literatursprache. Grundlagen einer Strukturtheorie, Mainz/Rhein, 1978.
 15. А. С. Четверухин. Современное состояние изучения египетского именного предложения. (Рукопись).
 16. Он же. Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса. – "Палестинский сборник". Вып. 27(90). Л., 1981, с. 127–134; он же. О главных членах староегипетского именного предложения. ПП и ПИКНВ, XI/П, М., 1979, с. 259–266.

17. И.И.Ревзин. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, с. 247.
18. Г.А.Климов. Типология языков активного строя. М., 1977, с.131-132 и 242-245 - место, особо посвященное египетскому материалу.
19. Он же, с. 274-275; он же, Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 219.
20. У.Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, с. II5.
21. Junge, ук. соч., с. 127; о рw см.: А.С.Четверухин. Синтаксическая функция указательного местоимения рw в староегипетском именном предложении. ВДИ, 1981, № 4, с.97-III.
22. Junge, ук. соч., с. 61-62.
23. Там же, с. 127.
24. См. прим. I6.
25. Д.Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 34I.
26. Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 182.
27. См. прим. II, а также: он же, Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М., 1965, с. 86.
28. Gardiner, ук. соч., § 309-334; E.Edel.Altägyptische Grammatik. Bd.I. Analecta Orientalia, 34, Roma, 1955, § 572-596; cf.Gelb, ук. соч., с. 211: "Subjekt I in Akkadian can be a primary noun, primary adjective, or an active or passive participle".
29. Иная позиция в работе: W.Schenkel.Die altägyptische Suffixkonjugation, с. 67-74.

З.А.Юсупова

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В АВРАМАНИ

(по тексту литературного памятника XIX в. - дивана Мавлави)^I

В предлагаемой статье рассматриваются выделенные по формам прошедших основ группы глаголов, засвидетельствованных в литературном памятнике на аврамани². Для полноты картины параллельно с прошедшими основами приводятся и основы настоящего времени³. Глагольные основы аврамани даны в сопоставлении с основами аналогичных глаголов в курдских диалектах сорани и курманджи⁴.

Группы глаголов Аврамани

Прош.осн. Наст.осн.

Сорани

Прош.осн. Наст.осн.

Курманджи

Прош.осн. Наст.осн.

1. С прошедшей основой на = d

А. Переходные:

приносить	awerd	awer/ar	-	-	-
уносить	berd	ber/wer	bird	ber/be	b
рвать	difd(ewe) ⁵	/dif/	difd	dif	difn
молоть	hefd(ewe)	/hef/	hafd	haf	her
качать	jend	jen	jend	jen	jen
копать	kend	ken	kend	ken	-
делать	kerd	ker/ke	kird	ke	k
получать	send	san	send/sand	sen/sen	stin/sten
поручать	siperd	sipar	sipard	sipêr	sipêr
прятать	şard(ewe)/şerd	şar/şer	şard(ewe)	şar	şêr
трясти	şend	/şen/	(we)şand	(we)şen	wegîn
ткать	tend	ten	tenf	ten	-
есть, пить	ward/werd	war/wer	xward	xo/xwa	xu/xw
читать, неть	wend	/wen/	xwênd	xwên	xu/xwî

Б. Непереходные:

оставаться	şend/ma	şan	ma	mên	mîn
умирать	şerd/mird	mir	mird	mir	mir
проходить	wferd/wfard	wier	buward	buwêr	bêr
смеяться	xend	xen	xenf	xen	k'en

2. С прошедшей основой на = t

А. Переходные:

оставлять	ast	az	-	-	-
-----------	-----	----	---	---	---

связывать	best/west	bes/wes	best	best	-	-
скушать	çešt	ʃçejʃ	çêjt	çêj	-	-
держаль	girt	gir/gêr	girt	gir	girt	gir
кусать	gest	ges	gest	ges	gest	ges
посылать	kfast	kfan	-	-	-	-
убивать	kušt	kuŋ	kušt	kuj	kušt	kuj
обливать	řešt	řej	řišt	řêj	řê(ŋ)t	řêj
хотеть	wast	waz	xwast	xwaz	xwast/xaz	xwas/xaz
поливать	wagt	ʃwægʃ	-	-	-	-
говорить	wat	waç	wut	Iê/bêj	got	bêj
класть	wist	wis	xist	xe/xa	xist	x
шить	wurast	wuras	-	-	-	-

Б. Непереходные:

иметь	dašt	dar/dêr	-	-	-	-
падать	keft/kewt	kef/kew	kewt	kew	k'et	k'ev
сидеться	nîšt	nîŋ	(da)nîšt	nîŋ	(rû)nîšt	(t)nê
спать	wite	us	nîst	nû	-	-

3. С прошедшей основой на = a

А. Переходные:

дарить	bexša	bexš	bexš	bexšand	bexšand	bexšand
целовать	bosa	bos	-	bosi	bos	bos
пахать	kala	kal	kêl	-	-	-
разрывать	kawa	ʃkawʃ	-	-	-	-
тронуть	kêša	kêŋ	kêŋ	kêŋ	kiŋand	kiŋin
вбивать	kua	ku	kutê	kutê	k'uta	k'ut
тереть	mafa	maŋ	maŋ	maŋ	-	-
показывать	nimana	niman	niwand	niwên	-	-

плакать	girewa	girew	giryа/giri	giryé/giri	giryа	giri
уходить	lua	lu	foi(ʃt)	fo/foa	liwya	liw
дрожать	lerza	lerz	lerza/lerʃ	lerz/lersé	lersif	lers
стоять	midra	midr	-	-	-	-
стонать	naĭa	naĭ	naĭf	naĭ	naĭf	naĭ
таять	taway	taw	tawa	tuwé	-	-
убегать	ṛema	[ṛew]	ṛewf	ṛew	ṛewf	ṛew
бояться	terza	ters/tirs	tirza	tirsé	tirsya	tirs
покаяться	tila	til	tila	tilé	-	-
идти (об осадках)	waga	wag	barf	bar	barf	bar
рушиться	wira	[wir]	-	-	-	-
ползти	xéza	/xés/	xiza	xisé	kiʒya	kiʒ

4. С прошедшей основой на = ya

Непереходные:

иссякать	biṛya	biṛ	biṛa	biṛé	-	-
рваться	diṛya	[diṛ]	diṛa	diṛé	diṛf	diṛ
путаться	ezelya	[ezel]	-	-	-	-
кипеть	giryа	gir	kula	kulé	k'elya	k'el
кипеть	soḡya	soḡ	soḡf	soḡ	-	-
пасться	lewerya	[lewex]	lewefa	lewéʃ	-	-

	pijya	pij	pija/pijfi	pij̄/pīj	pijya	pij
печься	pijya	pij	pija/pijfi	pij̄/pīj	pijya	pij
литься	ṽijya	ṽij	ṽija	ṽij̄jé	ṽijya	ṽij
испражняться	ṽi(y)a	[ṽi]	ṽiya	ṽi/ṽiyé	ṽif	ṽi
слорать	soqya	soq	sūta	sūté	ṣewitfi	ṣewit
растеряться	ṣéwya	ṣéw	ṣéwa	ṣéwé	-	-
ломаться	ṣika	[ṣik]	ṣika	ṣiké	ṣkest	ṣiké
таять	tawya	taw	twa	twé	-	-
склоняться	xemya	xem				
кружиться	xulya(ewe)	xul	xula(ewe)	xulé	-	-
распространяться	ziṽya	ziṽ	ziṽa	ziṽé	ziṽa	ziṽ

5. С прошедшей основой на = i

А. Переходные:

резать	biṽi	biṽ	biṽi	biṽ	biṽi	biṽ
видеть	di	wiṽ/biṽ	di	biṽ	di	biṽ/viṽ

Б. Непереходные:

быть	bi	b	bú	b	bú	b
уходить, идти	ṣi	ṣ/ṣ	ṣú	ṣ	ṣú	ṣ

Приведенный выше сравнительный материал свидетельствует о том, что выявленные в аврамани типы прошедших основ являются общими как для северных, так и для южных диалектов курдского языка (сорани и курманджи). Помимо материальной общности прошедшие основы обнаруживают и чисто формальное сходство, заключающееся в идентичности основообразующих суффиксов *a*, *i*, *ya*, составляющих специфику курдского языка⁶. Иначе говоря, налицо одно из грамматических доказательств родства аврамани с курдскими диалектами курманджи и сорани. Принципиально важным представляется факт(сходства аврамани с курманджи, что опровергает точку зрения английского ираниста Д.Н.Маккензи, объясняющего общность черт между горани и сорани заимствованием последним этих черт из горани⁷. Оставляя в стороне это, едва ли приемлемое, объяснение, следует указать, что совпадения между южнокурдскими (сорани) и горанийскими диалектами, судя по исследуемому нами памятнику, не ограничиваются только глагольными основами, составляющими стержень всей глагольной системы. Совпадения эти распространяются и на систему имени, местоимений, на лексику, как впрочем, и на всю звуковую систему, которая в обеих диалектных группах почти идентична.

Все вышеизложенное говорит о том, что вывод о непринадлежности горани к курдским диалектам нельзя считать окончательным. Работы последних лет и опубликованные по данному диалекту новые материалы свидетельствуют о необходимости поставить этот вопрос заново, тем более, что и носители этого диалекта считают себя курдами, а свой язык курдским.

 1. دیوانی مہولہ وی. مہالہ کہ ریم مہولہ وی، بہ غرا، ۱۹۴۱.

Мала Карим Мударас. Диван Мавлави. Багдад, 1961.

2. Аврамани - разновидность горани, принадлежность которого к курдскому языку некоторыми авторами оспаривается (см. ниже 7).
3. Во избежание лагун, основы настоящего времени, не зафиксированные в исследуемом памятнике (они заключены в квадратные скобки даны по другим источникам (см. ниже 8,9).
4. Глагольные основы в сорани и курманджи даны по словарям К.К.Курдоева, Т.Вахби и Д.Н.Маккензи (см. ниже 10,11,12).
5. В круглые скобки заключены глаголообразующие приставки и суффиксы.
6. И.И.Цукерман. Очерки по курдской грамматике. М., 1961.
7. Д.Н.Маккензи. Курманджи, курди и гурани. - НАА. 1963, № 3.
8. M. Mokri. *Bizan-u-Manfja. En langue gouranie. Texte établi, Introduction, traduction, notes linguistiques et glossaire.* P., 1966.

9. D.N.Mackenzie. The dialect of Awroman (Hawrāmān-i Luhōn). København, 1966.
10. К.К.Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1950.
11. T.Wahby and C.J.Edmonds. A kurdish-english dictionary. Ox., 1966
12. D.N.Mackenzie. Kurdish dialect studies. Vol.I. L., 1961.

Н.С.Яхонтова

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ОЙРАТСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДАХ "СУТРЫ ЗОЛОТОГО БЛЕСКА"

"Сутра золотого блеска", написанная на санскрите, была переведена на тибетский язык. Существует три тибетские версии этого сочинения. Из них только одна - краткая - была переведена как на монгольский, так и на ойратский язык. Перевод на ойратский язык был выполнен Зая-пандитой в середине XVII века.

Сравнение ойратского перевода краткой версии "Сутры золотого блеска"¹ с монгольским переводом той же версии² ясно показало стремление Зая-пандиты максимально точно передать оригинал - тибетский текст.³ Его подход к переводу во многих случаях был чисто формальным, т.е. употребление тех или иных грамматических форм в ойратском переводе определялось тибетским текстом. Зая-пандита стремился всегда переводить каждую тибетскую форму одной определенной формой ойратского языка. Это вело к некоторому обеднению языка перевода, так как Зая-пандита во многих случаях умышленно выбирал из возможных нескольких ойратских форм одну - обычно наиболее универсальную, и в своем переводе использовал только ее. Именно так обстоит дело с употреблением в переводе собственно глагольных форм прошедшего времени.

Монгольские языки более богаты формами прошедшего времени, чем тибетский. Так в старописьменном монгольском языке существуют три формы прошедших времен. Первая образуется с помощью аффикса -bai/-bei ; вторая - luqa/-lüge ; третья - juqai/-jükei после гласных и согласного -l и -çuqai/-čükei после остальных согласных (она также имеет разговорный вариант с аффиксом -ji/-či). Различия в их употреблении подробно рассмотрены А.Бобровниковым⁴. Первая форма - повествовательная - служит для бесстрастного пересказа совершившихся действий. Вторая - описывает действие, уже известное слушателю, о котором только напоминают. Третья - передает внезапно происшедшее действие, которое может быть неожиданным ли-

бо для говорящего, либо для слушателей. Н.Поппе⁵ определяет значение форм следующим образом: первая выражает простую констатацию факта, что действие закончилось в прошлом; вторая обозначает действие, которое несомненно произошло (либо оно всем известно, либо говорящий сам его наблюдал); третья обозначает совершившееся, но не ожидавшееся действие (действие, которое произошло задолго до других действий, о которых говорится в контексте, и говорящий несколько удивлен, обнаружив это). В современном монгольском и калмыцком языках сохраняются все три формы прошедшего времени; показатели их звучат как -в, -ж/-ч, -лаа/-лээ/-лоо/-лее и -в, -ж/-ч, -ла/-лэ соответственно. Однако считается, что эти формы взаимозаменяемы; во всяком случае различия между ними до конца не ясны⁶.

В ойратском тексте Сутры единственной формой прошедшего времени является форма, образуемая с помощью аффикса -bai/-bei/-boi/-böi (иногда вместо -boi употребляется -bui): γarbai 'появились' /Со За/, ögöülebei 'сказал' /Со, 57б/, oroboi 'вошли' /Со, 57б/, öqböi 'отдал' /Со, 6Ia/, bolbui 'стал' /Со, За/. Иногда в конце прямой речи аффикс принимает вид -ba/-be/-bo/-bö: teresü youni tula ... ede ene züqtü güyibe kemēn sedkibei 'он подумал, почему эти... в эту сторону побежали' /Со, 5Iб/.

В монгольском тексте Сутры преобладает употребление формы прошедшего времени с аффиксом -bai, но изредка, особенно в главах I7 и I8⁷, встречаются и две другие формы прошедшего времени с аффиксами -luua и -juqai. Значение формы на -luua в монгольском тексте Сутры в общем соответствует описанию А.Бобровникова. Например, в главе I7 сын хана произносит следующую фразу: 'В другое время я в одном монастыре, от гелонга, читающего Махаяну, услышал, что тот, кто во время, в период умирания услышит имя Татхагаты Архата, полного совершенства Будды С драгоценной сущью, тот в мире счастливых живых существ [и] высокородных родится' /Ст, 50б/. В монгольском переводе глагол "услышал" переведен формой воновулууа /См, 58а/. Этим переводчик хотел подчеркнуть, что говорящий только напоминает сам себе то, что он услышал ранее. В ойратском тексте употреблена обычная форма воновбоi /Со, 53а/. Форма на -juqai в монгольском тексте употребляется в тех случаях, когда говорящий сам не наблюдал действия и судит о нем по последствиям, которые имеют значение для настоящего. В следующей тибетской фразе слова "молитву произнес" переведены на монгольский язык как qutuγ yuγujuqai букв. 'святости попросил' /См, 58а/: 'Татхагата С драгоценной сущью, когда находился в состоянии прежнего бодисатвы: "Те в десяти сторонах, кто в момент смерти мое имя услышит, те

затем, умерев, пусть родятся с судьбой, одинаковой с тридцатью тремя тенгриями", - такую молитву произнес' /Ст, 51а/. Монгольский переводчик, передавая слова автора, хочет обратить внимание на то, что сам автор действия не видел, т.е. не присутствовал, когда Татхагата давал это обещание, но это действие имеет значение для настоящего (обещание Татхагаты осталось в силе, и, как видно из дальнейшего, исполняется). В ойратском тексте это место переведено как *irōl teyin kemēn talbibai* 'благопожелание такое произнес'/Со, 53б/ - с обычной формой на -bai.

В ойратском тексте глав I7 и I8 несколько раз (не более пяти) встретилось употребление формы глагола с аффиксом -*ji/-či* в функции сказуемого. Обычно аффикс -*ji/-či* в тексте Сутры оформляет соединительное деепричастие; но, по-видимому, в ойратском языке существовал и омонимичный ему аффикс⁸ - разговорный вариант аффикса прошедшего времени -*zuxai* (который в этой форме в Сутре не встречается). В тех нескольких случаях, когда аффикс -*ji* оформляет сказуемое, в монгольском переводе употреблен аффикс -*juqui: ai aya yajiraqsan em ene zulzaya tōrōd zurūan хоноq бууи долōн хоноq болji о, увы, эта несчастная мать детенышей родила* (букв. 'родив'), [с тех пор] шесть суток или семь суток прошло' /Со, 57б/; *kūgerekü ene juljajalaju jirūyan edür-üü doloūan edü болjuqui* 'эта несчастная окотилась (букв. 'окотившись'), [с тех пор] шесть дней или семь дней прошло' /См, 59б/.

Таким образом, в своем переводе Сутры Зая-пандита сознательно употреблял только одну форму прошедшего времени (на -bai). Как было указано выше, причина этого заключается в общем стремлении переводчика унифицировать свой перевод. Наличие одной формы прошедшего времени отнюдь не означает, что язык Зая-пандиты не знал остальных двух. Просто, поскольку основной текст Сутры достаточно монотонен и не изобилует различными событиями, употребление формы на -bai, как наиболее нейтральной, было оправдано. В тех же главах, которые отличались живостью сюжета и где имелась необходимость употребления других форм (о чем свидетельствует монгольский перевод), Зая-пандита был вынужден нарушать единообразие. Употребление им формы на -*ji* (правда, более редкое, чем в монгольском переводе) свидетельствует о том, что к некоторым текстам форма на -bai не подходила.

I. Для исследования был взят текст *xutuqtu dēdū altan gerel suduriyin ayimagiyin erketū xān kemēkü yeke kōlgōni sudur* (фотокопия рукописи из коллекции проф. Д.Кары, Венгрия). Далее сокращенно - Со.

2. Для исследования был взят текст *qutuytu degedü altan gereltü erketü sudur-nuyud-un qayan neretü yeke külgen sudur* Ганджур, раздел Тантра, т. 25-26, л. 43-62 (рукопись библиотеки восточного факультета Ленинградского университета). Далее сокращенно - См.
3. Для исследования был взят текст *Phags=pa gser='od dam=pa mdo=sde'i dbang=po'i rgyal=po shes bya=ba theg=pa chen=po*, Канджур, rgyud, т. pha, л. I-63, ксилограф, изд. Дэргэ. Далее сокращенно - Ст.
4. А.Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 345-347.
5. N.Popper. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964, с.164-166
6. (Подробнее см.: Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 188-195; он же. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940, с. 72-74.
7. Эти две главы отличаются от остальных живым сюжетом и большим числом диалогов.
8. В современном калмыцком языке суффиксы соединительного деепричастия и прошедшего времени - омонимы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР за 1982 год

1. Абдумуратова Р.А. "Тарих-и Ал-и Музаффар" Махмуда Кутуби как источник по истории Музаффаридов. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 95-100. Библиогр. в примеч. (с. 99-100).
 2. Акимушкин. О.Ф. Второй список исторического труда Будака Мунши Казвини "Джавахир ал-ахбар". - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 90-95. Библиогр. в примеч. (с. 94-95).
 3. Акимушкин О.Ф. О функциях поэтических сборников и альбомов в средневековой персидской и таджикской словесности. - УШ Всесоюзная научная конференция "Актуальные проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию образов. СССР. (Тез.докл.) 20-22 мая 1982 г. Душанбе, 1982, с. 142-144.
 4. Акимушкин О.Ф. Основные итоги работы по описанию и изданию письменных памятников из коллекции ИВ АН СССР (Средний Восток). - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 14-18.
 5. Akimuškin O.F. et Ivanov A.A. Une école artistique méconnue: Voxara au XVIIe siècle. Notes sur les calligraphes et les peintres de la Bibliothèque des Aštarxanides d'après Mohammad-Amin Voxâri. - В кн.: Art et société dans le monde iranien. Paris, 1982, p. 127-139.
 6. Акимушкин О.Ф., Ворожейкина З.Н. и Розенфельд А.З. /Отв. ред./: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по иранистике). Ч.2. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 153 с.
 7. Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., Наука, 1982. 535 с., портр. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с. 459-495 (1048 назв.) Указ: с. 496-526.
- Член редкол., участие в подгот. текстов, примеч. и указат. - Л.Н.Меньшиков.
8. Амусин И.Д. Лекция 20. Общественные и религиозные течения в Палестине во II в. до н.э. - I в. н.э. - В кн.: История древнего мира. /Кн.2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с.392-406.

9. **Амусин И.Д.** Отражение исторических событий I в. до н.э. в кумранских комментариях (4Q 161; 4Q 169; 4Q 166). - "Oikumene", Budapest, 3, 1982, p. 231-253.

10. Баевский С.И. Фарханги XI-XV веков - ранние комментарии к произведениям классиков персидско-таджикской поэзии. - Уш Всесоюзная научная конференция "Актуальные проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию образов. СССР. (Тез.докл.) 20-22 мая 1982 г. Душанбе, 1982, с. 99-101.

11. Баевский С.И. "Фарханг-наме-йи Фирдауси". - III и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 66-68. Библиогр. в примеч. (с. 68).

12. **Бациева С.М.** Бедуины и горожане в "Мукаддиме" Ибн Халдуна. - В кн.: Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 311-356.

13. Berlev O.D./Рец. на кн./: Stewart H.M. Egyptian stelae, reliefs and paintings from the Petrie Collection, pt.2: Archaic period to Second Intermediate period. Warminster, 1979. VIII + 45 pp., 41 pls. - ВiOr, Jg. 38, 1981, N 3/4, S. 317-320.

14. Берлев О.Д. Стела, поставленная по заказу царевны *ḥnwt-tḥw*. - В кн.: Археологические памятники северо-западного Причерноморья. Киев, 1982, с. 151-159, ил. Библиогр. в подстр. примеч.: с. 158-159.

15. Hodjash S. and Berlev O. The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Transl. by O.Berlev. Leningrad, Aurora Art Publs., 1982. 311 p. with ill.

16. Берлев О.Д. /Рец. на кн./: A Tale of Woe. Griffith Institute, Ashmolean Museum. Oxford, 1977. - ВДИ, 1982, № 2, с. 184-186.

17. Богословский Е.С. Древнеегипетская экономика на пути к возникновению денег. - ВДИ, 1982, № 1, с. 3-12. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ.яз.

18. Болдырева М.А. Два стихотворения современных индонезийских поэтов: Ситора Ситуморанга и Гунавана Мохамата. - III и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 140-144.

19. Большаков А.О. Из истории египетской идеологии Старого царства. - ВДИ, 1982, № 2, с. 97-101. Библиогр. в подстр. примеч., Рез. на англ.яз.

20. Большаков О.Г. Средневековый арабский город. - В кн.: Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 156-214.

21. Большаков О.Г. /Отв.ред. и введ./: Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., Наука, ГРВИ, 1982. 440 с. (Культура народов Востока).

Введение: с. 5-12.

22. Бурман А.Д. К вопросу о соотношении драмы и ритуала в Бирме. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 144-149. Лит.: с. 148-149.

23. Васильев К.В. Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии. (Критический обзор исследов. части книги: Alan Imber. Kuo Yü. An early Chinese text and its relationship with the Tso Chuan. Vol. 1,2. Stockholm, 1975. 357 с.) - ПШВ 1975. М., 1982, с. 244-259. Библиогр.: с. 258-259.

24. Васильева Н.Е. О зарисовках иранских древностей, выполненных Кер Портером. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 106-110. Библиогр. в примеч. (с. 110).

25. Васильева Е.И. О жизни Мастуре - кудской поэтессы и историографа. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 16-20. Библиогр. в примеч. (с. 20-21).

26. Васильков Я.В. Махабхарата как исторический источник. - НАА, 1982, № 5, с. 50-60. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз. (с. 220-221).

27. Васильков Я.В. Мифы древней Индии. - В кн.: Индия 1980. Ежегодник. М., 1982, с. 281-296.

28. Вахтин Б.Б. Буддизм и китайская поэзия. - В кн.: Буддизм, государство и общество в странах Центр. и Вост. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 98-121. Лит.: с. 120-121 (30 назв.).

29. Воробьев М.В. Культурные взаимосвязи между монголами и чжурчжэнями (цзиньцами) в XII-XIII вв. - В кн.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 23-38. Лит.: с. 36-38 (89 назв.).

30. Воробьев М.В. Некоторые черты древней японской культуры в свете типологического анализа. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 129-141. Библиогр.: с. 140-141.

31. Воробьев М.В. О праве ранне-средневековой Японии (к вопросу о типологии восточного права). - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 71-76.

32. Воробьев М.В. Термины "добрый люд" (лянминь) и "подлый люд" (цзяньминь) в китайском средневековом законодательстве (по кодексам династии Тан). - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. I. М., 1982, с. 91-98. Лит.: с. 98.

33. Ворожейкина З.Н. /Сост., вступит. статья и примеч./: Лахути А. Стихотворения и поэмы. Л., Сов. писатель, Ленингр. отд.-ние, 1981. 494 с., факс., 3 л. чл. (Б-ка поэта. БС, 2-е изд.). Библиогр. в примеч.: с. 461-473.

Вступит. статья: с. 5-40.

34. Ворожейкина З.Н. и Шахвердов А. Вернемся к одной литературной мистификации. /"Строфы Нирузама" - вольные переводы и переложения четверостиший Омара Хайама русским поэтом конца 19 в. К.М.Мазуриным/. - ВЛ, 1982, № 4, с. 168-175.
35. Ворожейкина З.Н. "Иракский" стиль: идейно-эстетическое содержание. - VIII Всесоюзная научная конференция "Актуальные проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию образов. СССР. (Тез. докл.) 20-22 мая 1982 г. Душанбе, 1982, с. 167-169.
36. Ворожейкина З.Н. Исфahanская школа поэтов и проблемы развития литературной жизни Ирана в предмонгольское время (XI - нач. XIII вв.) Автореф. дисс. . . . д-ра филол. наук. Л., 1982. 44 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).
37. Ворожейкина З.Н. Фольклорные модели в персидских любовных четверостишиях XII века. - ПП и ПИЖНВ, XVI/2. М., 1982, с. 21-25. Библиогр. в примеч. (с. 25).
- См. также № 6.
38. Гараева Н.Г. Новые сведения об арабо-хазарских войнах 103-104/721-723 гг. - ПП и ПИЖНВ, XVI/1. М., 1982, с. 18-22. Библиогр. в примеч. (с. 21-22).
39. Горегляд В.Н. /Японская/ рукописная книга. - Книговедение. Энциклоп. словарь. М., 1981, с. 623-624.
40. Горегляд В.Н. Буддизм и японская культура VIII-XI вв. - В кн.: Буддизм, государство и общество в странах Центр и Вост. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 122-205. Лит.: с. 203-205 (53 назв.).
41. Горегляд В.Н. Весна в долине Ямасиро. - "Нева", 1982, № 4, с. 139-146.
42. Горегляд В.Н. Концепции истории у средневековых японских авторов. - ПП и ПИЖНВ, XVI/1. М., 1982, с. 76-78.
- См. также № 83.
43. Гохман В.П. Об одном соответствии тайских смычных инициалей. - Вторая Всесоюзная школа молодых востоковедов. (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тезисы. Т. 2. М., 1982, с. 37-38.
44. Гохман В.И. Тайский язык. - В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982, с. 60-67.
45. Грицай С.И. IX Всесоюзная конференция "Страны Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности и раннем средневековье" (Москва, 9-12 февр. 1981 г.) - ВДИ, 1982, № 4, с. 190-194.
46. Грицай С.И. Некоторые египетские соответствия гностическим космогоническим представлениям в коптском тексте ("Трактат

без названия") из Наг-Хаммади. - П Всесоюз. школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тез. Т. I, ч. I. М., 1982, с. 26-28.

47. Грушевой А.Г. Греческие надписи I-V вв. н.э. как источник по истории культуры арабских племен Заиорданья. /Тез./ - В кн.: Вопросы древневосточной культуры. (Метод.матер.) Даугавпилс, 1982, с. 48-51.

48. Грязневич П.А. В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. (2-е изд., доп.). М., Наука, ГРВЛ, 1982, 364 с. с ил.

49. Грязневич П.А. Мусульманская мифология. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 183-184.

50. Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI-VIII вв.) - В кн.: Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 75-155.

51. Гуревич И.С. и Зограф И.Т. Хрестоматия по истории китайского языка III-V вв. М., Наука, 1982. 199 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с. 197-198.

52. Дандамаев М.А. Индийцы в Иране и Вавилонии в ахеменидский период. - В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 113-125. Библиогр. в примеч.: с. 122-125.

53. Дандамаев М.А. Лекция 6. Нововавилонская держава и поздний Египет. /Совм. с И.В.Виноградовым/. - Лекция 7. Мидия и ахеменидская Персия. - В кн.: История древнего мира. /Кн.2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 128-159.

54. Дандамаев М.А. Эламская мифология. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 659-660.

55. Dandamayev M.A. The Neo-Babylonian Elders. - В кн.: Societies and languages of the Ancient Near East. Stud. in honour of I.M.Diakonoff. Warminster, 1982, p. 38-41. Bibliogr. in notes. См. также № 68.

56. Джалилов О.Дж. и Джалилов Дж. Курдский фольклор. Запись, сост., предисл. и коммент. Кн. 2. Ереван, Советакан грох, 1982, 255 с. (На курд.яз.).

57. Дулина Н.А. /Рец. на кн./: Тодорова М.Н. Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980. 203 + 2 с. - НАА, 1982, № 4, с. 196-200.

58. Дьяконов И.М. Введение. /Совм. с В.Д.Нероновой и И.С. Свенцицкой/. - Лекция I. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. - Лекция 2. Города-государства Шумера. - Лекция 3. Ранние деспотии в Месопотамии. - Лекция 9. Первые госу-

дарства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана. /Совм. с Г.Ф.Ильиным/. - Лекция 12. Сирия, Финикия и Палестина в III-II тыс. до н.э. /Совм. с Г.Ф.Ильиным/. Лекция 18. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тыс. до н.э. - В кн.: История древнего мира. /Кн. I/. Ранняя древность. М., 1982, с. 5-26, 27-77, 169-181, 217-237, 331-352.

59. Дьяконов И.М. Лекция I. Общие черты второго периода древней истории /Совм. с В.А.Якобсоном и Н.Б.Янковской/. - Лекция 3. Урарту, Фригия, Лидия. - Лекция 5. Культура Передней Азии в первой половине I тыс. до н.э. /Совм. с В.К.Афанасьевой и И.П.Вейнбергом/. - Лекция 15. Александр и диадохи. - Лекция 21. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма. /Совм. с В.Д.Нероновой и И.С.Свенцицкой/. - В кн.: История древнего мира. /Кн. 2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 5-27, 46-69, 95-127, 308-323, 407-422.

60. /Дьяконов И.М., Неронова В.Д., Свенцицкая И.С./. Лекция 5. Культура ранней Римской империи. - Лекция 10. Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья. - Лекция 12. Идеология поздней Римской империи. - Заключение. - В кн.: История древнего мира. /Кн. 3/. Упадок древних обществ. М., 1982, с. 106-133, 205-224, 243-268, 278-281.

61. Дьяконов И.М. Древнееврейская литература. /Примеч. к разделу/. - В кн.: Поэзия древнего Востока. Ереван, 1981, с. 535-560. (На арм.яз.).

62. Дьяконов И.М. и Якобсон В.А. "Номовые государства", "территориальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии. - ВДИ, 1982, № 2, с. 3-16. Рез. на англ.яз.

63. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I, П. - ВДИ, 1982, № 3, с. 3-30; № 4, с. 11-25. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ.яз.

64. Белова А.Г., Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю. Порхомовский В.Я., Столбова О.В. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 2. t-t-d. Отв.ред. И.М.Дьяконов. Ред. вып. А.Г.Белова. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 93 с. (III и ПИИЧВ, XVI/3).

65. Дьяконов И.М. Язык как источник по истории древневосточной культуры. - В кн.: Вопросы древневосточной культуры. (Методич. материалы). Даугавпилс, 1982, с. 18-21.

66. Дьяконов И.М. /Рец. на кн.:/ Наумкин В.В. и Порхомовский В.Я. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., Наука, ГРВЛ, 1981. 126 с. - НАА, 1982, № 4, с. 208-210.

67. /Дьяконов И.М./ История древнего мира. /В 3-х кн./. Под ред. И.М.Дьяконова, В.Д.Нероновой, И.С.Свенцицкой. М., Наука,

ГРВЛ, 1982.

/Кн. 1/. Ранняя древность. Отв.ред. И.М.Дьяконов. 390 с. с карт.

/Кн. 2/. Расцвет древних обществ. 576 с. с карт.

/Кн. 3/. Упадок древних обществ. 303 с. с карт.

68. *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in honour of I.M.Diakonoff. /Composed by M.A.Dandamayev a.o Warminster, Aris & Phillips Ltd, 1982. 356 p., portr.*

69. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о научной жизни ЛО ИВ АН/. - НАА, 1982, № 1, с. 142-143; № 6, с. 131-134.

70. Ельцова Т.Ю. "Шахра<Букет белых лотосов> - прекрасное учение, исследующее мудрость и глупость" - монгольский литературный памятник XIX века. - ПП и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 149-153. Библиогр. в примеч. (с. 153).

71. Жуков К.А. Влияние захвата Смирны священной лигой на ход турецкой экспансии в Восточном Средиземноморье в XIV в. - П Всесоюз. школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тез. Т.1, ч. 1. М., 1982, с. 41-44.

72. Жуков К.А. Начальный этап торговых отношений эмирата Ментеше со странами Леванта (70-е годы XIII-20-е годы XIV веков). - ПП и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 82-86. Библиогр. в примеч. (с.85-86).

73. Жуков К.А. Проблема происхождения тимара в современной историографии. - ПП и ПИКНВ, XVI/I, М., 1982, с. 79-82. Библиогр. в примеч. (с. 81-82).

74. Западова Е.А. Русская классика в Бирме. - В кн.: Русская классика в странах Востока. Сб.статей. М., 1982, с. 122-133. Лит.: с. 132-133.

75. Зограф Г.А. К методике грамматического описания индийских языков (некоторые вопросы категориального анализа). - В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 4. М., 1982, с. 41-48. Лит.: с. 48.

76. Зограф Г.А. О влиянии синтаксиса на морфологическое развитие индоарийских языков. - В кн.: Сопровождение по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом. Тезисы докладов и сообщений (Волгоград, 21-24 сентября 1982 г.). М., 1982, с. 163-164.

77. Зограф Г.А. Язык хинди. - В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982, с. 236-245.

78. Zograph G.A. Languages of South Asia. A guide. Transl. by G.L.Campbell. London. 1982.VIII, 231 p. with ill. (Languages

of Asia and Africa. Vol.3).

79. Zograph G.A. Die Sprachen Südasiens. Übers. von E.Klemm. Leipzig, VEB Verl. Enzyklopädie, 1982. 167 S.; 1 Karte. Bibliogr.: S. 148-167.

Пер. книги: Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., ИВЛ, 1960.

80. Zograph G.A. A typological classification of New Indo-Aryan languages.-Abstracts of papers presented to the Third International Conference on South Asian Languages and Linguistics. (January 13-16, 1982). Mysore, India, 1982, p. 164-165.

81. Зограф Г.А. /Рец. на кн./: Теоретические принципы классификации языков мира. Отв.ред. В.Н.Ярцева. М., Наука, 1980. 208 с. - ВЯ, 1982, № 6, с. 147-150.

82. Зограф И.Т. О монгольских заимствованиях в китайском языке. - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 177-180. Библиогр. в примеч. (с. 180).

См. также № 51, 160.

83. Иванова Г.Д. Мори Огай. Отв.ред. В.Н.Горегляд. М., Наука, ГРВИ, 1982. 246 с. (Писатели и ученые Востока).

84. Иванова Г.Д. Толстовство Накадзато Кайдзан. - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 154-157. Библиогр. в примеч. (с. 156-157).

85. Иманалиев М.С. К вопросу о "восточных" и "западных" буртах (киргизах). - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 22-25. Библиогр. в примеч. (с. 25).

86. Кабанов А.М. Взаимоотношения буддизма с государством в Японии в период Муромати (XIV-XV вв.) - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 87-92. Библиогр. в примеч. (с. 91-92).

87. Кабанов А.М. Дзен и традиционная китайская культура в средневековой Японии. - XIII науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.2. М., 1982, с. 71-78. Лит.: с. 78.

88. Кадырбаев А.Ш. Уйгуры в империи Чингиз-хана и его преемников XIII-XIV вв. - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 26-32. Библиогр. в примеч. (с. 30-32).

89. Жакабадзе С.С. /Пер. и коммент./: Грузинские документы IX-XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Отв.ред. Р.Р.Орбели. М., Наука, ГРВИ. 1982. 273 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

90. Kaneva I.T. Notes on Sumerian grammar. - В кн.: Societies and languages of the Ancient Near East. Stud. in honour of I.M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 160-164. Bibliogr. in notes.

91. Карская Л.Н. Библиография работ М.Б.Руденко. - В кн.: Руденко М.Б. Курдская обрядовая поэзия. М., 1982, с. 144-149.

92. Кепинг К.Б. К вопросу об основной характеристике строя тангутского языка. - В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч.6. М., 1982, с. 90-95. Лит.: с. 95.

93. Кепинг К.Б. Резчики тангутских ксилографов. - ППВ 1975. М., 1982, с. 193-199. Библиогр. в примеч. (с. 198-199).

94. Кепинг К.Б. Счетные слова в тангутском языке. - III и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 180-185. Библиогр. в примеч. (с. 184-185).

95. Кепинг К.Б. Тангутский язык. - В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982, с. 105-112.

96. Kepping K.B. Agreement of the verb in Tangut. - LIWA, vol. 6.1, 1981, p. 39-48.

97. Kepping K.B. Deictic motion verbs in Tangut. - LIWA, vol. 6.2, 1982, p. 77-82.

98. Kepping K.B. Once again on the agreement of the Tangut verb. - LIWA, vol. 7.1, 1982, с. 39-54.

99. Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии /1980/. - В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 487-488.

100. Кляшторный С.Г. Имущественная и социальная дифференциация в древнетюркской общине (по данным рунических памятников). - III и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 92-96. Библиогр. в примеч. (с.95-96).

101. Кляшторный С.Г. Лекция 8. Гуннская держава на Востоке (Ш в. до н.э. - IV в. н.э.). - В кн.: История древнего мира. /Кн. 3/. Упадок древних обществ. М., 1982, с. 170-181.

102. Джумагулов Ч. и Кляшторный С.Г. Одиннадцатая руническая надпись на камне-валуне из долины реки Талас. - СТ, 1982, № 3, с. 86-88.

103. Кляшторный С.Г. Основные направления историографической интерпретации древнетюркских памятников. - В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982, с. 125-132.

104. Кляшторный С.Г. Социально-политическая роль великих религий в древнетюркском обществе. - Бартольдские чтения 1982. Тез.докл. и сообщ. М., 1982, с. 26-28.

105. Кляшторный С.Г. Тюркоязычных народов мифология. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 536-537.

106. Klyashtorny S.G. The Terkhin inscription - АОН, t.36, 1982-1983, fasc. 1-3, p. 335-366.

См. также № 120.

107. Козина Е.М. Законы о семье в Китае эпохи Тан. - XIII науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1.

М., 1982, с. 106-114. Лит.: с. 114.

108. Козина Е.М. Семья и государство в средневековом Китае. (По материалам Кодекса династии Тан). - П Всесоюз. школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тез. Т.1, ч. 1. М., 1982, с. 46-48.

109. Козырева Н.В. Лекция 7. Старовавилонский период истории Месопотамии. - В кн.: История древнего мира. /Кн. I/. Ранняя древность. М., 1982, с. 126-139.

110. Козырева Н.В. Спор из-за наследства жрицы из старовавилонского города Ларса. - ВДИ, 1982, № 2, с. 101-106. Рез. на англ. яз.

111. Колесников А.А. Вклад народных домов в развитие культуры Турции в 30-е годы. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 100-103. Библиогр. в примеч. (с. 103).

112. Колесников А.А. Дервишские ордена и идеи секуляризма в Турции. - П Всесоюз. школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тез. Т.1, ч. 1. М., 1982, с. 48-50.

113. Колесников А.И. Арабские наместники и иранские правители в Омейядском халифате. (По данным палеографии арабо-сасанидских монет). - ПШВ 1975. М., 1982, с. 52-58. Библиогр. в примеч. (с. 57-58).

114. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. (Иран при "праведных" халифах). М., Наука, ГРВЛ, 1982, 269 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр. в примеч.: с. 224-258. Указатели (имен и геогр. назв.): с. 259-268.

115. Колесников А.И. Проблемы арабо-сасанидской нумизматики в связи с изучением денежного обращения в Иране VII века. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 96-100. Библиогр. в примеч. (с. 100).

116. Колесников А.И. "Шах-наме" Фирдоуси как источник по истории завоевания Сасанидского государства. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 114-117. Библиогр. в примеч. (с. 116-117).

117. Комиссарова Т.Г. Особенности классификации буддийских текстов в "Собрании записей о переводах Трипитаки". - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1982, с. 207-215. Лит.: с. 215.

118. Комиссарова Т.Г. Роль образа Вималакирти (текст и изображение) в истории буддизма. - В кн.: Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л., 1981, с. 128-140. Библиогр. в подстр. примеч.

119. Кононов А.Н., Векилов А.П. и Гузев В.Г. Сергей Николаевич Иванов (К 60-летию со дня рождения). - СТ, 1982, № 2, с. 95-97.

120. Кононов А.Н., Баскаков Н.А., Иванов С.Н. и Кляшторный С.Г. Имран Султанович Сеидов. (К 60-летию со дня рождения). - СТ, 1982, № 6, с. 96-97.

121. Кононов А.Н. Из истории кумыкского языкознания. - СТ, 1982, № 1, с. 48-50. Библиогр. в подстр.примеч.

122. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. Л., Наука, 1982. 360 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр. в подстр.примеч.

См. также № 132.

123. Крапивина Р.Н. К интерпретации двух изображений сиддх-родоначальников традиции школы тибетского буддизма сачжаба. - В кн.: Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л., 1981. с. 141-144. Библиогр. в подстр.примеч.

124. Крапивина Р.Н. Философские идеи Мадхьямики в тибетском трактате XII века "Чойлачжугбиго" ("Дверь, ведущая в Учение"). - ПП и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 103-108. Библиогр. в примеч. (с. 107-108).

125. Крель Ю.Л. Родственные представления о "доме" и "школе" (цзя) в древнем Китае. - В кн.: Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 39-57. Библиогр.: с. 56-57 (47 назв.).

126. Крель Ю.Л. Конфуцианская и легистская концепции человеческой природы в "Янь те луэ". (I в. до н.э.) - В кн.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 55-87. Библиогр.: с. 85-87 (66 назв.).

127. Крель Ю.Л. О любви Сыма Цяня к необычному. - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. I. М., 1982, с. 74-84.

128. Крель Ю.Л. и Романовский Б.В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 209-243. Библиогр.: с. 242-243.

129. Крель Ю.Л. "Рассуждения о соли и железе" Хуань Куаня, как памятник диалога, сформировавшего государственную доктрину Китайской империи. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 41-61. Библиогр.: с. 59-61. (53 назв.).

130. Куликова А.М. Документы ленинградских архивов о французском востоковеде Сильвестре де Саси. - ПП и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 32-35. Библиогр. в примеч. (с. 34-35).

131. Куликова А.М. Письмо Ж.-Ф. Шампольона М.-А. Мильярини. - ВДИ, 1982, № 4, с. 78-86. Библиогр. в подстр.примеч. Рез. на англ. яз.

132. Куликова А.М. Становление университетского востоковеде-

ния в Петербурге. Отв. ред. акад. А. Н. Кононов. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 207 с. (АН СССР. Ин-т востоковед. Лен. отд-ние).

133. Куликова А. М. Указ Екатерины II о первой в России школе с преподаванием языков Северного Кавказа. - ПИ и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 36-39. Библиогр. в примеч. (с. 38-39).

134. Кульганек И. В. О передаче аллитерации монгольского стиха в русском переводе. - ПИ и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 157-162. Библиогр. в примеч. (с. 161-162).

135. Кульганек И. В. Эпитет в песенной поэтике монголов (по материалам рукописных сборников песен из фондов ЛО ИВ АН СССР). - Вторая Всесоюзная школа молодых востоковедов. (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тезисы. Т. 2. М., 1982, с. 198-201.

136. Курдоев К. К. К истории курдской периодической печати (газета "Курдистан"). - ПИ и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 119-125.

137. Кычанов Е. И. Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII-XIII вв. - В кн.: Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 75-94. Библиогр.: с. 93.

138. Кычанов Е. И. Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) - ПИ и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 108-113. Библиогр. в примеч. (с. 112-113).

139. Кычанов Е. И. К проблеме тангутско-монгольских культурных связей. - В кн.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 11-22. Лит.: с. 22 (28 назв.).

140. Кычанов Е. И. Международный симпозиум "Трансформация китайского права от Тан до Мин". /Хроник. заметка/. - НАА, 1982, № 3, с. 143-144.

141. Кычанов Е. И. О системе набора на военную службу в тангутском государстве Си Ся. - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. 2. М., 1982, с. 39-47. Лит.: с. 46-47.

142. Кычанов Е. И. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве. - В кн.: Буддизм, государство и общество в странах Центр. и Вост. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 28-62. Лит.: с. 62.

143. Кычанов Е. И. Служба складов в Тангутском государстве. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 62-68. Библиогр.: с. 68.

144. Кычанов Е. И. Тангутская мифология. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т. 2. К-Я. М., 1982, с. 492-493.

145. Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. и Карасев В. К истории феодальной культуры Ташкента. /Гл. 6/. - В кн.: У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 171-194. Библиогр. в подстр. примеч.

146. Лившиц В.А. и Шкода В.Г. Согдийские надписи из храма I в Пенджикенте. - НАА, 1982, № 5, с. 131-141. Библиогр. в подстр. примеч.

147. Лужецкая Н.Л. "Автобиография Мухаммада Назим-хана" как источник по истории Хунзы 2-ой половины XIX века. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 39-41. Библиогр. в примеч. (с. 41).

148. Лужецкая Н.Л. К вопросу о датировке некоторых событий политической истории Бадахшана первой половины XIX в. - ПП и ПИКНВ XVI/2. М., 1982, с. 125-129. Библиогр. в примеч. (с. 129).

149. Лундин А.Г. Государства Аравии. IV-VI вв. и социальные корни Ислама. - Бартольдские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 34-36.

150. Лундин А.Г. /Заметки по йеменской мифологии/: Накрах. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 196.

Наср. - Там же, с. 203.

Нахи. - Там же, с. 203.

Син. - Там же, с. 437.

Талаб. - Там же, с. 490.

Уза. - Там же, с. 545.

Хавбас. - Там же, с. 575.

Хавкам. - Там же, с. 575.

Хагар-Нахам. - Там же, с. 575.

Хубал. - Там же, с. 606.

Шамс. - Там же, с. 639.

151. Лундин А.Г. Названия букв и их формы в семитских алфавитах. - В кн.: Вопросы древневосточной культуры. (Методич. материалы). Даугавпилс, 1982, с. 26-27.

152. Лундин А.Г. О происхождении алфавита. - ВДИ, 1982, № 2, с. 17-28. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

153. Маранджян К.Г. О влиянии учения Сюнь-цзы на японского мыслителя Огё Сорай. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 113-117. Библиогр. в примеч. (с. 117).

154. Мартынов А.С. /Сост. и предисл./: Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сб. статей. М., Наука, 1982. 317 с. (Культура народов Востока: Материалы и исслед.).

Предисл.: Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии (с. 5-15).

155. Мартынов А.С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036-1101) и Чжу Си (1130-1200). - В кн.: Буддизм, государство и об

щество в странах Центр и Восточ. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 206-316. Лит.: с. 311-316 (117 назв.).

156. Мартынов А.С. Император Канси и Конфуций. - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.2. М., 1982, с. 141-149. Лит.: с. 148-149.

157. Мартынов А.С. Минская культура и даосские темы Линь Чжао-эня (1517-1598). - В кн.: Дао и даосизм в Китае. М., 1982, с. 107-133.

158. Мартынов А.С. Традиция и политика в период Цяньлун. - В кн.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 207-230. Библиогр.: с. 228-230 (53 назв.).

159. Мартынов А.С. Чжу Си и официальная идеология императорского Китая. - В кн.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. III-125. Библиогр.: с. 124-125 (21 назв.).

160. Martynov A.S. and Zograph I.T. Soviet Studies on Chinese Culture 10th-14th Centuries. 1967-1976. - "The Bull. of Sung-Yüan Studies", 1981, N 17. Ithaka, Cornell Univ., 1982, p. 49-60.

161. Мартынов А.С. /Обсуждение кн./: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., Наука, ГРВЛ, 1981. 333 с. - НАА, 1982, № 4, с. 176-178.

162. Мартынов А.С. /Рец. на кн./: Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 312 с. Библиогр.: с. 277-301; указатели: с. 302-311. - НАА, 1982, № 5, с. 182-188. Библиогр. в подстр. примеч.

163. Medvedskaya I.N. Iran: Iron Age I. Transl. from the Russian by S.Pavlovich. Oxford, 1982. 130 p. + 15 fig. + 4 tabl. (BAR Intern. Ser. 126).

164. Меньшиков Л.Н. /Заметки по китайской мифологии/:

Лохань. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 72-73.

Милэ. - Там же, с. 150.

Мулянь. - Там же, с. 180-181.

Пусá. - Там же, с. 351.

Пусянь. - Там же, с. 351.

Путó. - Там же, с. 352.

Ситянь. - Там же, с. 439-440.

Целань-шэнь. - Там же, с. 616.

165. Меньшиков Л.Н. Об обычае "свадьбы с цветной вышкой" (Цай лоу пэй, I). - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 159-174. Библиогр.: с. 173-174.

166. /Меньшиков Л.Н./: Вэймо суй цзинь. - Вэймоцзин цзянцзин-вэнь. - Ши цзи сянь цзянцзинвэнь. - В кн.: Дуньхуан бяньвэнь лунь

вэнь цзи. (Собрание статей по дуньхуанским бяньвэнь). Шанхай, 1982, с. 849-880. (На кит.яз.).

Перепечатка текста из: Бяньвэнь о Вэймоцзе. - Бяньвэнь "Десять благих знамений" (Неизв.рукоп.бяньвэнь из Дуньхуан. фонда Ин-та нар. Азии). Изд. текста, предисл. и коммент. Л.Н.Меньшикова. М., 1963 - с упомин. ин-та и шифра, но без указ.исходной публикации.

167. /Меньшиков Л.Н./ Цзянцзинвэнь по Сутре о воздаянии за милости. - В кн.: Дуньхуан бяньвэнь луньвэнь цзи. (Собрание статей по дуньхуанским бяньвэнь) Шанхай, 1982, с. 812-849.(На кит.яз.)

Перепечатка текста, опубл. в "Бяньвэнь о воздаянии за милости". Ч. I. Факс.рукоп., иссл., пер. с кит., коммент. и табл. Л.Н.Меньшикова. М., 1972 - с указанием ин-та и шифра, но без упоминания исходной публикации.

168. /Меньшиков Л.Н./ Яцзовэнь. - В кн.: Дуньхуан бяньвэнь луньвэнь цзи. (Собрание статей по дуньхуанским бяньвэнь). Шанхай, 1982, с. 811-812. (На кит.яз.).

Перепечатка текста из изд.: Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийск.лит. сувэньсюэ. Изд. текстов и предисл. Л.Н.Меньшикова. М., 1963 - с указ. ин-та и шифра, но без указ.исходной публикации.

См. также № 7.

169. Мещерская Е.Н. Сирийские рукописные книги. - Книговедение. Энциклоп.словарь. М., 1981, с. 464-465.

170. Мещерская Е.Н. Легенда об Авгаре в литературах византийского культурного круга. - В кн.: Кавказ и Византия. Вып. 3. Ереван, 1982, с. 97-107. Библиогр. в подстр.примеч.

171. Михайлова И.Б. и Халидов А.Б. /Сост./: Библиография арабских рукописей. /Отв.ред., автор предисл. и вступит.очерков А.Б.Халидов. Аннот. И.Б.Михайловой/. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 392 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

172. Михайлова И.Б. Органы государственной власти и горожане в Багдаде в X-XII вв. - III и ПИИЧВ, XVI/I. М., 1982, с. 41-46. Библиогр. в примеч. (с. 45-46).

173. Михайлова Ю.Д. Принцип эмоциональности в учениях японских мыслителей ХУП в. - II Всесоюз.школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Тез. Т. I, ч. I. М., 1982, с. 59-61.

174. Михайлова Ю.Д. Семья как институт социализации детей в Японии в период Токугава. - III и ПИИЧВ, XVI/I. М., 1982, с. 117-123. Библиогр. в примеч. (с. 123).

175. Муздстан Х.М. Три рассказа из "Джами 'ал-хикаят" (рук. ИВ АН СССР). - ППВ 1975. М., 1982, с. 75-81.
176. Мусаэлян Ж.С. Курдское народное сказание "Шор Махмуд и Марзинган". - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 162-166.
177. Мусаэлян Ж.С. Тематика курдских народных лирических песен из рукописного собрания А.Д.Жабы. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 34-38. Библиогр. в примеч. (с. 38).
178. Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., Наука, ГРВИ, 1982. 327 с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока). Рез. на англ.яз.
179. Николаева Л.И. /Сост./: Указатели: имен, географических названий, терминов. - В кн.: Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М., 1982, с. 421-439.
180. Ниязов Х.Н. "Квинтэссенции тайн" Азарй как памятник литературной критики иранского средневековья. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 41-44. Библиогр. в примеч. (с. 44-45).
181. Орбели И.А. Фольклор и быт Мокса. М., Наука, 1982. 144 с (АН СССР. Ин-т востоковед.).
Орбели Р.Р. см. № 89.
182. Павлова И.К. Восстание дервиша Ризы в Казвине. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 133-136. Библиогр. в примеч. (с. 135-136).
183. Павлова И.К. К вопросу об отмене тамги на гиланский шелк шахом Сафи I. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 129-133. Библиогр. в примеч. (с. 132-133).
184. Павловская Л.К. Шихуа о том, как трипитака Великой Тан добыл священные книги (письменные источники и их место в сюжете и композиции). - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 46-52. Лит.: с. 50-52.
185. Пайкова А.В. Епископский суд в памятниках сирийской агнографии. - Бартольдские чтения 1982. Тез.докл. и сообщ. М., 1982, с. 47-48.
186. Пайкова А.В. К вопросу об эволюции агнографического жанра в сирийской литературе. - В кн.: Кавказ и Византия. Вып. 3. Ереван, 1982, с. 89-96. Библиогр. в подстр.примеч.
187. Пайкова А.В. Памятники агнографии как источник по истории культуры (на примере сирийской агнографии). - Актуальные проблемы изучения и издания письменных и исторических источников. Всесоюз.науч.сессия, посвящ. 60-летию образов. СССР. 26-28 окт. 1982 г. Сухуми. Тез.докл. Тбилиси, 1982, с. 63-65.
188. Пан Т.А. Маньчжурская хрестоматия "Таньгу мэен" ("Сто

глав") как историко-литературный памятник эпохи Цин. - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.2. М., 1982, с. 149-155. Лит.: с. 155.

189. Пан Т.А. Маньчжурский язык. - В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982, с. 167-175.

190. Парибок А.В. О глагольных чертах палийской формы на - anā. - Вторая Всесоюзная школа молодых востоковедов. (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Тезисы. Т.2. М., 1982, с. 88-89.

191. Парибок А.В. О семантике сложных суффиксов - anā и - itta в канонической палийской Абхидхамме. - III и ПИЧНВ, XVI/I. М., 1983, с. 185-188.

192. Перяханян А.Г. Этимологические заметки. I. - ИФЖ, 1982 № I, с. 55-62. Библиогр. в подстр.примеч. Рез. на арм.яз.

193. Петросян И.Е. и Петросян Ю.А. Из истории турецкой "вольной" прессы. - НАА, 1982, № 2, с. 95-102.

194. Петросян И.Е. Улемы в составе янычарского корпуса. - Бартольдовские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 51-52.

195. Петросян Ю.А. Актуальные проблемы изучения культурного наследия народов Востока (в исследованиях ученых Ленинградского отделения ИВ АН СССР). - III и ПИЧНВ, XVI/I. М., 1982, с. 3-13.

196. Петросян Ю.А. Реформаторское движение и улемы в Османской империи в XIX в. - Бартольдовские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 52-54.

См. также № 193.

197. Пиотровский М.Б. "Дневник" багдадского факиха Ибн Банна. - Бартольдовские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 54-55.

198. Пиотровский М.Б. /Заметки по мусульманской мифологии/: Малайка. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 92.

Махди. - Там же, с. 126.

Мирадж. - Там же, с. 153.

Мункар и Накир. - Там же, с. 181.

Муса. - Там же, с. 182-183.

Мухаммад. - Там же, с. 188-189.

Нух. - Там же, с. 230-231.

Салих. - Там же, с. 397.

Сулайман. - Там же, с. 475.

Фираун. - Там же, с. 568.

Хавва. - Там же, с. 575.

Хадир. - Там же, с. 576.

Харун. - Там же, с. 584.

Харут и Марут. - Там же, с. 584.

Хизкил. - Там же, с. 592.

Худ. - Там же, с. 606.

Хусайн. - Там же, с. 609.

Шайтан. - Там же, с. 636.

Шуайб. - Там же, с. 646.

199. Пиотровский М.Б. К вопросу о методологии изучения Ислама. - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 123-129. Библиогр. в примеч. (с. 128-129).

200. Пиотровский М.Б. Концепция исторического наследия в идеологии иракской ПАСВ. - В кн.: Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982, с. 186-197. Библиогр. в примеч.: с. 195-197.

201. Пиотровский М.Б. /Хроникальная заметка о VI годичной сессии ленинградских арабистов/. - НАА, 1982, № 2, с. 148-149.

202. Пиотровский М.Б. /Рец. на кн./: История востоковедения, арабистики и курдоведения в Азиатском музее и Ленинградском отделении Института востоковедения. 1818-1968. Багдад, 1980. 384 с. (На араб. яз.) - НАА, 1982, № 1, с. 217-218.

203. Посова Т.К. Ритуал в Пуранах (На примере Девимахатмья). - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 52-56. Библиогр. в примеч. (с. 56).

204. Прозоров С.М. Центральная власть и "правоверный" ислам в раннем Халифате. - Бартольдские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 57-58.

205. **Ромодин В.А.** Афганистан в новое время /гл. III/: Новое объединение Афганистана и начало английской агрессии. - Афганистан во второй половине XIX века. - Афганистан в начале XX века. - В кн.: История Афганистана. М., 1982, с. 139-223.

206. **Руденко М.Б.** Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания). М., Наука, ГРВЛ, 1982. 152 с. Библиогр.: с. 144-149. Указ.: с. 141-143.

207. Русинова Э.С. "Мифологизм" в англоязычной литературе Индии. - ПИ и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 166-171. Библиогр. в примеч. (с. 170-171).

208. Рыбаков В.М. Правовые привилегии и понятие "тени" (по материалам танского кодекса "Тан люй шу и"). - В кн.: Общество и государство в Китае. М., 1981, с. 58-74.

209. Рыбаков В.М. О правовом положении чиновничества в средневековом Китае. (По материалам танского кодекса "Тан люй шу и"). - НАА, 1982, № 3, с. 51-60.

210. Рыбаков В.М. О сущности категории "чиновничьего ранга"

периода Тан. - XIII науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1982, с. 99-106.

211. Рыбаков В.М. Правовые нормы, регулировавшие пользование государственными почтовыми коммуникациями при Тан (по материалам Тан луй шу и). - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 129-134. Библиогр. в примеч. (с. 134).

212. Сазыкин А.Г. Краткое описание коллекции монгольских рукописей и ксилографов в Государственном музее истории религии и атеизма. - В кн.: Музеи в атеистической пропаганде. Сб.науч.трудов. Л., 1982, с. 101-112.

213. Сазыкин А.Г. "Повесть о Чойджид-Дагини" в рукописных собраниях Улан-Батора. - ППВ 1975. М., 1982, с. 220-210. Библиогр. в примеч. (с. 207-210).

214. Сазыкин А.Г. "Повесть о Гусю-ламе" в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР. Ч.1. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 57-61. Библиогр. в примеч. (с. 61).

215. Sazykin A.G. Die mongolische "Erzählung über Güsü-Lama - "Zentralasiatischen Studien", Wiesbaden, Bd, 16, 1982, S. 111-140.

216. Салахетдинова М.А. "Зафар-наме" Муками. - ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 136-139. Библиогр. в примеч. (с. 139).

217. Свиридов Г.Г. К идеологической интерпретации "Повествования, собранного в Удзи" ("Удзиси моногатари"), Япония, XIII в. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 142-158.

218. Свиридов Г.Г. Сэйси. - В кн.: Мифы народов мира. Энцикл. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 481.

219. Свиридов Г.Г. и Сисаури В.И. /Рец. на кн./: Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. Сводный каталог фондов библиотек Ленинграда в 3-х книгах. Кн.П. Дальний Восток. Ч.2. Япония. Л., 1980. 464 с. - НАА, 1982, № 1, с. 215 - 217.

220. Скрынникова Т.Д. Ламаизм в монгольском законодательстве XVI-XVII вв. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 134-139. Библиогр. в примеч. (с. 139).

221. Смирнова Л.П. Персидская география XIII в. "Аджа'иб ад-дунья". (Некоторые вопросы текста) - ППВ 1975. М., 1982, с. 93-105. Библиогр. в примеч. (с. 104-105).

222. Берадзе Г.Г. и Смирнова Л.П. Сведения о Грузии в персидском историческом сочинении "Ихйа ал-мулук". - Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюз. науч. сессия, посвящ. 60-летию образов. СССР. 26-28 окт. 1982 г

Сухуми. Тез. докл. Тбилиси, 1982, с. 19-21.

223. Смирнова Л.П. Тегеранская рукопись "Аджайиб ад-дунья". - III и ПМКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 139-143. Библиогр. в примеч. (с. 142-143).

224. Смирнова О.И. Загадочная надпись на монетах из Варахши. - III и ПМКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 143-145.

225. Смирнова О.И. К методике перевода средневековых историко-графических сочинений ("История Бухары" Наршахи). - III и ПМКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 145-150. Библиогр. в примеч. (с. 150).

226. Спиринов В.С. Формальное построение "Сипы чуяни". - ПШВ 1975. М., 1982, с. 212-242. Библиогр. в примеч. (с. 242).

227. Старкова К.Б. Еврейские рукописные книги. - Книговедение. Энциклоп. словарь. М., 1981, с. 464.

228. Стеблин-Каменский И.М. Названия ржи в иранских языках. - XIII Всесоюзная научная конференция "Актуальные проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию образов. СССР. (Тез. докл.) 20-22 мая 1982 г. Душанбе, 1982, с. 17-18.

229. Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., наука, 1982, 167 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр.: с. 135-136. Указ.: с. 157-165.

230. Стеблин-Каменский И.М. /Хроникальная заметка о XIII Фреймановских чтениях в ЛО ИВАН/. - НАА, 1982, № 5, с. 155-156.

231. Стулова Э.С. /Заметки по китайской мифологии/: Сяньчи. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 484.

Тай-суй. - Там же, с. 488.

Тянь-юй ваньшуй. - Там же, с. 542.

У-дай ваньшуй. - Там же, с. 544.

У фан шэнь. - Там же, с. 552-553.

У-шэн лаому. - Там же, с. 553-554.

232. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVI вв. Вопросы этнической и социальной истории. М., Наука, ГРВЛ, 1982.

233. Султанов Т.И. "Тарих-и Рашиди" Мирза Хайдара Дуглата. (Литературная история памятника). - ПШВ 1975. М., 1982, с. 116-135. Библиогр. в примеч. (с. 131-135).

234. Темкин Э.Н. и Эрман В.Г. Мифы древней Индии. 2-е изд., перераб. и доп. М., Наука, ГРВЛ, 1982, 270 с., ил.

235. Терентьев-Катанский А.П. Из истории книги и книгопечатания в странах Дальнего Востока и Центральной Азии. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 110-128. Биб-

лиогр.: с. 127-128.

236. Троцевич А.Ф. Мотив героя, принесенного водой, в корейских и монгольских преданиях. - В кн.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 63-75. Лит.: с. 74-75 (33 назв.).

237. Троцевич А.Ф. Чань-буддизм и корейская художественная проза. - В кн.: Буддизм, государство и общество в странах Центр. и Вост. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 16-27. Лит.: с. 27.

238. Туманович Н.Н. Барнабадские ходжи и правители Герата. - Бартольдовские чтения 1982. Тез. докл. и сообщ. М., 1982, с. 67-68.

239. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. М., Наука, ГРВЛ, 1982. 190 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр.: с. 177-181. Указ.: с. 182-189.

240. Туманович Н.Н. К вопросу о сложении повести "1001 день". - ПИ и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 52-56. Библиогр. в примеч. (с. 56).

241. Фихман И.Ф. Р.Оху., VI, 996: поручительство за приписных колонов. (Мв. П 1942, 29 x 19, 20. IX. 584 г.). - ВВ, т. 42, 1981, с. 161-171.

242. Фихман И.Ф. Новая папирологическая серийная публикация. /Рец. на кн./: Kölner Papyri (P.Köln). B.1. Bearb. von B.Kramer u. R.Hübner. Opladen, 1976. 202 S. + 7 Taf.; B.2. Bearb. von B.Kramer u. D.Hagedorn. Opladen, 1978. 244 S. + 20 Taf. (Papyrologica Coloniensia, VII). - ВДИ, 1982, № 3, с. 175-182. Библиогр. в подстр. примеч.

243. Фишман О.Л. Жизнь, отданная науке / О В.М.Штейне/. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 5-II.

244. Фишман О.Л. Ли Жучжэнь и Свифт. - XIII науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. 2. М., 1982, с. 187-195. Лит.: с. 195.

245. Петров В.В. и Фишман О.Л. /Отв. ред./: Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. (История, этнография, культура). М., Наука, ГРВЛ, 1982. 295 с.

246. Хайдари Дж. Рассказ курдского писателя Ибрагим Ахмеда о Великой Отечественной войне советского народа. - ПИ и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 57-59.

247. Халидов А.Б. Арабские рукописные книги. - Книговедение. Энциклоп. словарь. М., 1981, с. 465-466.

248. Халидов А.Б. Арабский язык. - В кн.: Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М., 1982, с. 13-74.

249. Халидов А.Б. Книжная культура. - В кн.: Очерки истории

арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 215-310.

250. /Халидов А.Б./ ал-Йафи, 'Абд ал-Карим. О биографии джар-аллаха аз-Замахшарй. - RAAD, vol. 58, 1982, № 3, p. 365-382. (На араб. яз.).

Переизд. публикации Б.З. и А.Б.Халидовых "Биография аз-Замахшарй, составленная его современником ал-Андарасбанй" (ППВ 1973. М., 1979, с. 203-212) с предисл. и дополнит. примеч. ал-Йафи.

См. также № 171.

251. Хосроев А.Л. Античность и Восток: идейный синтез. (На материалах коптских рукописей из Наг-Хаммади). - П Всесоюз. школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Тез. Т. I, ч. I, М., 1982, с. 81-83.

252. Хосроев А.Л. Коптский роман об Александре и ближневосточная литературная традиция. - ВДИ, 1982, № 4, с. 125-130. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

253. Циперович И.Э. "Bulletin of Sung and Yüan Studies" (1970-1980). /Обзор/. - НАА, 1982, № 3, с. 156-162. Библиогр. в подстр. примеч.

254. Tsiperovich I. A bibliography of Soviet studies on the culture of China and neighbouring countries, 1967-1976.- "The bull. of Sung-Yüan studies" 1981, № 17. Itahaka, Cornell Univ., 1982, p. 61-100.

255. Четверухин А.С. Одна спорная логико-грамматическая конструкция староегипетского именного предложения (PT34 c, d). - III и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с. 188-194.

256. Чехович Н.О. Указатели: собственных имен, географических названий, этнических названий. - В кн.: История древнего мира. /Кн. 2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 542-561.

257. Чугуевский Л.И. Мирские объединения шэ при буддийских монастырях в Дуньхуане. - В кн.: Буддизм, государство и общество в странах Центр. и Вост. Азии в средние века. Сб. статей. М., 1982, с. 63-97. Лит.: с. 95-97. (46 назв.).

258. Чунакова О.М. и Щербановский А.Л. О дате редакции "Книги деяний Ардашира, сына Папака". - ВДИ, 1982, № 3, с. 136-145. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

259. Шарафутдинова Р.Ш. Еще один "низам" Шамиля. - ППВ 1975. М., 1982, с. 168-171. Библиогр. в примеч. (с. 171).

260. Шарафутдинова Р.Ш. Русско-арабские культурные связи на Ближнем Востоке. Страничка из истории русско-арабских школ. - "ал-Джаид", Хайфа, 1982, № 2, с. 10-12. (На араб. яз.).

261. Шауб А.К. Об авторе "Нагаракертагамы" - письменного памятника средневековой Индонезии. - III и ПИКНВ, XVI/I. М., 1982, с.

62-65. Библиогр. в примеч. (с. 65).

262. Шифман И.Ш. /Заметки по семитской мифологии/:

Кудшу. - В кн.: Мифы народов мира. Энциклоп. Т.2. К-Я. М., 1982, с. 21.

Кусар-и Хусас. - Там же, с. 30-31.

Малакбел. - Там же, с. 95.

Мильком. - Там же, с. 150.

Муту. - Там же, с. 187-188.

Нингаль. - Там же, с. 220 (совм. с В.А.).

Рапайты. - Там же, с. 367.

Рашап. - Там же, с. 373.

Таммуз. - Там же, с. 491 (совм. с В.А.).

Тиннит. - Там же, с. 513.

Хорон. - Там же, с. 596.

Шадрапа. - Там же, с. 636.

Шалимму и Шахару. - Там же, с. 638.

Шамшу. - Там же, с. 639.

Улагабал. - Там же, с. 659.

Эммун. - Там же, с. 675.

263. Шифман И.Ш. Лекция 23. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье. (I тыс. до н.э.) - В кн.: История древнего мира. /Кн. 2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 439-452.

264. Шифман И.Ш. Угаритская этика в освещении угаритских поэтических повествований. - В кн.: Вопросы древневосточной культуры (метод. матер.) Даугавпилс, 1982, с. 42-43.

265. Шифман И.Ш. Угаритское общество (XIV-XIII вв. до н.э.). М., Наука, ГРВЛ, 1982. 392 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр.: с. 380-389 (182 назв.).

266. Школяр С.А. "Разные записи" Ли Синчуаня как источник по истории войны 1206-1208 гг. между государствами Сун и Цзинь. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 65-70. Лит.: с. 70.

267. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1980 г. - ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 199-217.

268. Kolmaš J. and Šron G.S. Works on Tibet by members of the Leningrad Department of the Oriental Institute of the Academy of Sciences of the Soviet Union. 1968-1980, (A contribution to the bibliography of Tibet). - ArOr, vol. 50, 1982, №2, p.174-184.

269. Штейн В.М. Основные линии в развитии китайско-индийских отношений. - Страны и народы Востока. Вып. 23. Дальний Восток. М., 1982, с. 12-32. Библиогр.: с. 31-32 (30 назв.).

Библиография печатных работ проф. В.М.Штейна по востоковедению. (Сост. В.В.Петров) – Там же, с. 33–40.

270. Шумовский Т.А. Арабское мореплавание. – В кн.: Очерки истории арабской культуры У–ХУ вв. М., 1982, с. 357–411.

271. Щеглова О.П. Литографские издания пьес Ахундова в Иране. – ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 63–66. Библиогр. в примеч. (с. 66).

272. Юзбашян К.Н. Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение? – ИФЖ, 1982, № I, с. 177–184. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на арм.яз.

273. Юзбашян К.Н. Словарь языка руштун в армянской рукописи из собрания Института востоковедения АН СССР. – В кн.: Международный симпозиум по армянскому языкознанию. 21–25 сент. 1982 г. Тез. докл. Ереван, 1982, с. 124–126.

274. Юсупова З.А. Конструкции с пассивными глаголами (на материале курдского языка). – ПП и ПИКНВ, XVI/1. М., 1982, с. 194–198.

275. Юсупова З.А. Курдские варианты "Сказки о царе Салтане". – ПП и ПИКНВ, XVI/2. М., 1982, с. 59–63. Библиогр. в примеч. (с.63).

276. Якобсон В.А. Лекция 10. Месопотамия в XVI–XI вв. до н.э. – В кн.: История древнего мира. /Кн. I/. Ранняя древность. М., 1982, с. 182–196.

277. Якобсон В.А. Лекция 2. Новоассирийская держава. – В кн.: История древнего мира. /Кн. 2/. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 28–45.

278. Якобсон В.А. Фольклорно-этнографические мотивы в поэме "О все выдавшем..." (эпос о Гильгамеше). – В кн.: Вопросы древневосточной культуры (Метод.матер.) Даугавпилс, 1982, с. 30–34.

279. Якобсон В.А. /Рец. на кн./: Klíma J. Nejstarsi zákony lidstva. Šaššurapi a jeho předchudci. Praha, 1979. – ВДИ, 1982, с. 136–139.

См. также № 62.

280. Яхонтова Н.С. Принципы перевода буддийских текстов на ойратский и монгольский языки. – П Всесоюз.школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Тез. т.1, ч. I. М., 1982, с.83–85.

Список сокращений

- ВВ - "Византийский временник".
- ВДИ - "Вестник древней истории".
- ВЛ - "Вопросы литературы".
- ВЯ - "Вопросы языкознания".
- ГРВЛ - Главная редакция восточной литературы
/издательства "Наука"/.
- ИФЖ - "Историко-филологический журнал". Ереван.
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии
АН СССР". М.
- НАА - "Народы Азии и Африки".
- ППВ 1975 - "Письменные памятники Востока. Историко-
филологические исследования. Ежегодник.
1975". М., 1982.
- ПП и ПИКНВ, XVI/1. - "Письменные памятники и проблемы истории
культуры народов Востока. XVI годичная
научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и
сообщения) февраль 1981 г. Ч.1". М., 1982.
- ПП и ПИКНВ, XVI/2 - "Письменные памятники и проблемы истории
культуры народов Востока. XVI годичная
научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и
сообщения по иранистике). Ч.2". М., 1982.
- ПП и ПИКНВ, XVI/3 - "Письменные памятники и проблемы истории
культуры народов Востока. XVI годичная
научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч.3". М.,
1982.
- СТ - "Советская тюркология".
- АОН - "Acta Orientalia Academiae scientiarum
hungaricae". Budapest.
- ArOr - "Archív orientální". Praha.
- BiOr - "Bibliotheka Orientalis". Leiden.
- ВЕФЕО - "Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-
Orient".
- ЕI² - Enzyklopaedie des Islām (Encyclopédie de
l'Islām, The Encyclopaedia of Islam). 1-4.
Leiden (Leyde) - Leipzig (P.,L.), (1908),
1913-1934.
- ЖЕА - "Journal of Egyptian Archaeology".

- LIBA - "Linguistic of the Tibeto-Burman Area",
University of Califotnia, Berkeley.
- RAAD - "Revue de l'Académie arabe de Damas".
- ZÄS - "Zeitschrift für Ägyptische Sprache". B.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анвар Кадир Мухамед. Стихи жене – лирический цикл в творчестве курдского поэта Маулави (1805–1882)	3
Западова Е.А. Романтические тенденции в творчестве Маха Схвея	8
Невелева С.Л. О построении древнеиндийского эпического текста (сигнальная функция изобразительных и композиционных приемов)	12
Павловская Л.К. Об исторических источниках "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств" (Цинь бинь лю го пинхуа)	17
Фомкин М.С. Поэтический синтаксис тюркской газели Султана Веледа	22
Чан Тхи Хонг Ван. Принципы составления сборников арабских пословиц у филологов VIII–XII вв.	28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Баевский С.И. Первые опыты грамматического осмысления языка фарси (XI–XV вв.)	35
Воевудский И.Н. Лингвистическое значение среднеарабских текстов–калек	39
Гохман В.И. О времени разделения языков бирманского и мару и переселение бирманцев на территорию Бирмы	43
Зислин М.Н. Фрагмент из рассуждений Абū-л-Фараджа Харūна ибн ал-Фараджа о морфологии древнееврейского глагола	47
Зюграф Г.А. Два замечания к грамматике языка парья	49
Квонг И. Выражение общего вопроса в языке романа "Жулинь вайши"	52
Кепинг К.Б. Категория времени в тангутском языке	57
Парибок А.В. Палийские сложновербальные сочетания – предшественники интенсивов	62
Рыбалкин В.С. Принципы расположения корней в средневековых арабских толковых словарях	66
Четверухин А.С. Можно ли говорить о наличии "именного предложения" в египетском языке?	71

Исупова З.А. Глагольные основы в аврамани (по тексту литературного памятника XIX в. - дивана Мавлави)	77
Яхонтова Н.С. Употребление прошедших времен в ойратском и монгольском переводах "Сутры золотого блеска"	84

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Щрон. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛС ИВ АН СССР за 1982 г.	88
---	----

Список сокращений	II2
-----------------------------	-----

Подписано к печати 03.01.85. А-02311.
Усл. п.л. 7,25. Усл. кр.-отт. 7,38. Уч.-изд. л. 6,82.
Тираж 200 экз. Зак. 7. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1.

